

ЖИТИЕ ДОСТОЧТИМОГО ОТЦА И АПОСТОЛЬСКОГО МУЖА О. ПЕТРА КЛАВЕРА, ИНОКА ОБЩЕСТВА ИИСУСОВА

Херонимо Суарес де Сомоса

Пер. с исп. Suárez de Somoza, Jerónimo. Vida del Venerable y Apostólico Padre Pedro Claver de la Compañía de Jesús. María de Quiñones, 1657.

В переводе Константина Чарухина

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. О ЕГО РОДИНЕ, РОДИТЕЛЯХ, РОЖДЕНИИ И ВОСПИТАНИИ, ВПЛОТЬ ДО ВСТУПЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВО ИИСУСА.

Отец Пётр Клавер родился в городе Верду, что в епископстве Сольсона, в Княжестве Каталония, в тысяча пятьсот восемьдесят пятом году. В то время Верховным Понтификом был Сикст V, а владыкой Испании — Католический король Филипп Второй. Отца его звали Педро Клавер, а мать — Ана де Сабокано. Семейство Клавер — одно из самых прославленных в Каталонии, соединённое кровными узами с семейством благородных Рекесенсов, от коих ныне происходят знаменитые графы Бенавенте.

И хотя отец с матерью его не были столь знатны, ибо не все ветви древа равны, они были людьми видными, каковыми и надлежало быть родителям столь дивного сына, и одними из первых в своём городке. И что важнее всего, они были благочестивы и богобоязненны, склонны ко всякой добродетели, а жизнь свою проводили в святых деяниях. Ибо таковым и подобало быть корню, от коего предстояло произрасти побегу столь дивному.

Сыну дали имя отца, дабы паче побудить его следовать по стопам отцовских добродетелей, и чтобы имя сие продолжало жить в нём, сколько его собственная жизнь продлится.

У отца имелся брат, каноник Кафедрального собора Сольсоны. Желая, во-первых, чтобы сын смог унаследовать место дяди в каноникате, а во-вторых, и что важнее, устремляя свой взор на то, чтобы он всю свою жизнь служил Богу, родители отдали его в учение и воспитывали с величайшей заботой во всяческом роде добродетелей. Мать его, Анна, с нежных лет посвятила его Богу как жертву угодную, дабы он служил Ему вечно, уподобившись Анне, матери Самуила, которому надлежало подражать ему в святости и в служении. Он стал священником Закона благодати и проповедником Его слова, как Самуил в законе ветхом, подражая ему также в духе пророчества, как мы увидим далее в повествовании о его святой жизни.

Первые деяния детства суть (как говорит Аристотель) предзнаменования, подобно растениям, из которых должно возводиться здание жизни в зрелом возрасте. Так мы видим, что Давид ещё ребёнком начал отважно сражаться и дерзновенно вести войну с тиграми и львами в защиту своего стада, что было явным предзнаменованием, как говорит святой Августин, столь героических подвигов, которые ему предстояло совершить позже в зрелом возрасте в защиту своего народа.

Этот же благоприятный опыт замечен и у нашего достопочтенного отца Клавера, ибо хотя мы располагаем немногими сведениями о его воспитании и о том, как он поступал в свои нежные годы, знаем, однако, что он был по натуре кроток, миролюбив, весьма послушен и покорен своим родителям, любил богослужение и молитвы, а также расположен ко всяческим делам добродетели. Сие оказалось предзнаменованием великого достоинства, которое он должен был приобрести, возрастая в летах. И, кажется, Бог ещё в детстве запечатлел в его сердце, сколь важно упражняться в добрых делах и удаляться от пороков, ибо сие учение весьма часто было на устах его, и он повторял его в различных пословицах, которые со своей святой простотой и добрым духом обычно говорил детям и юношам, дабы они отстранялись от пороков. Некоторые из этих изречений были найдены записанными среди его заметок и гласили: «Что усвоено в колыбели, то пребудет навеки». Также: «Что всосано с молоком, то изливается в могилу» и «Кто ходит по дурным путям, тот поднимает дурную пыль». И подобным образом он имел и другие изречения, в которых выражал

свою высокую оценку добродетели у детей и важность того, чтобы они как можно раньше начинали упражняться в святых делах. Ибо, как говорит Дух Святой устами Мудреца: «Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него и в старости» (Притч. 22:6). И хорошо видно, что наш отец Клавер избрал этот путь, добрый и святой, в своей юности, ибо он никогда не оставлял его на протяжении всей оставшейся жизни. И нет ни единого человека, кто не знал бы его всегда святым, добродетельным, примерным — сущим зеркалом добродетели для всех своих сверстников.

Заботясь о его преуспевании, родители отправили его на учёбу в город Барселону, столицу того княжества, дабы он изучал латынь в училищах, которые там имеет Общество Иисуса. Имелись у них и иные возможности устроить его, поближе и, быть может, удобнее, дабы чаще получать весточки о нём; и дядя-каноник из Сольсоны с удовольствием принял бы его и содержал в своём доме. Но благие родители, паче ревнуя о его духовном благе, нежели о временном и предпочитая его преуспевание в добродетели собственному утешению, отправили его в нашу Коллегию, дабы через общение с иноками он научился благочестию, а вместе с молоком наук впитал бы и молоко добродетелей. Это и есть главное, что наш Орден стремится дать в своих училищах, которыми он руководит по всему свету, обучая как латыни, так и прочим наукам. И Бог благословил их намерения и увенчал успехом их святые желания, ибо поскольку отец Клавер был весьма смыслён от природы и прекрасно воспитан своими родителями, он воспринял доброе учение и святые советы, данные ему его учителями, подобно тому, как белая и хорошо обработанная шерсть впитывает первые цвета, в которые её окрашивают.

Здесь он научился с горячим сердцем почитать Пресвятую Деву Марию, каковой навык впоследствии ревностно хранил на протяжении всей своей жизни. Здесь он воспринял почитание святого Ангела-Хранителя, в котором постоянно возрастал, как мы увидим впоследствии. Здесь он начал часто причащаться Святых Таин, согласно нерушимому обычаю, соблюдаемому в наших училищах. Здесь он научился молитве и размышлению о Божественных таинствах, будучи, благодаря знакомству с богословием, наставлен в главных правилах созерцания и глубокого богообщения. Здесь, наконец, он заложил основу всей своей жизни и явил вернейшие предзнаменования того, каким должен был стать впоследствии.

В изучении латыни он достиг больших успехов, а от неё перешёл к риторике, в которой также весьма преуспел и был одним из лучших среди соучеников. По достижении надлежащего возраста его посвятили в клирики (он принял tonsuru и младшие степени), и в его документах епископ оставил свидетельство, что он обладал достаточным знанием наук, которые требует Святой собор (*Тридентский – Прим. пер.*) для получения священного сана; и что, побуждаемый его добрыми качествами, епископ позволил хиротонию, отдавая большее предпочтение его добродетелям, нежели достоинствам других, даже если те и были весьма выдающимися, как уже было сказано.

ГЛАВА ВТОРАЯ. КАК ОН БЫЛ ПРИНЯТ В ОБЩЕСТВО ИИСУСА И УСПЕХИ ЕГО В НОВИЦИАТЕ ДО ВСТУПЛЕНИЯ В ОРДЕН.

Божественное Величие, которое, как говорит святой Григорий, во всякое время и час избирает и призывает работников для Своего виноградника, избрало и призвало отца Петра Клавера на рассвете разума, когда разгорался день рассудительности и благоразумия, дабы сделать его выдающимся тружеником Своей Церкви.

Он учился, как уже было сказано, в нашей коллегии в Барселоне, с теми успехами в добродетели и науках, о которых уже шла речь. И, взирая очами души на святость и пример иноков той обители, на столь пылкую ревность, с коей день и ночь они трудились ради спасения душ, на неустанные усилия, которые они прилагали в обучении юношей, на добрые советы, коими они их воспитывали, на скромность сих наставников, терпение и кротость и на высоту добродетелей, которые во всех сообща, и в каждом в отдельности сияли, — он привязался к ним так, что желал бы никогда не расставаться с их святым Обществом. И хотя он по смирению своему не считал себя достойным вступить в него, но, видя, как принимают других из его соучеников, набрался духу, чтобы просить своих учителей о принятии.

Он обратился к Богу в молитве, покаянии и через святые Таинства, прося Его о свете и благодати, дабы преуспеть в столь важном деле. И Твоё Божественное Величие, действовавшее внутри его души, постучало в двери его сердца голосом Своего святого вдохновения, и сердце, как верный слуга, тотчас откликнулось и распахнуло двери настежь. Чувствуя, что Божественная воля Его объяла его, и свет Его благодати повел его, он приготовился усердно служить Ему, ибо таковых рабов, как гласит Писание (Лк. 12:35), призывает Бог на Своё святое служение.

Итак, услышав глас Божий, с благословением и советом своего Исповедника, он просил настоятелей о принятии в Общество, дабы вечно посвятить себя в нём Богу. Они же, проведя со всей тщательностью необходимые расспросы и испытания, а также обычные проверки для подтверждения его призвания, нашли его твёрдым и постоянным и с явными признаками того, что его призвание идёт от Божественного Величества. И приняли его в Общество, в коллегии Барселоны, когда ему было семнадцать лет, в тысяча шестьсот втором году, седьмого августа, в Октаву праздника святого Игнатия, Отца нашего. А его сыном Пётр был всегда, притом не только по одеянию и обету, но гораздо более в своей приверженности его добродетелям, почитании их и подражании им. Впрочем, облачение ему дали не здесь, а в новициате Таррагоны, куда его и отправили, и приняли согласно обычаю того времени, как свидетельствуют книги провинции [ордена].

Но какой язык сможет выразить радость его сердца, когда он, увидев себя уже иноком, ощутил исполнение заветных желаний своей души? Он вселился в Дом Господень, его причислили к членам Его Семьи, и, подобно Самуилу в Его Храме, под водительством и послушанием своего иерея, он должен был теперь служить Ему вечно. Он простёрся ниц перед Его алтарём, вознося Ему безмерную благодарность за несравненную милость. Он принёс себя всего во всесожжение Его Божественному Величеству, дабы любить Его и служить Ему всеми силами своей души. «Я уже не принадлежу себе, Господи, — говорил он, — я Твой; и Тебе Единому должен я служить. Прими меня в число рабов Своих, ибо в Твоих узах я выйду из своих, и тогда, наконец, жизнь моя обретёт истинный смысл. Дай мне руку [Твою], как дал мне призвание, дабы в новом одеянии и обители обновил я жизнь и начал иное, угодное в очах Твоих и приятное Тебе служение». Эти и подобные слова произносил новый воин Христов, облечённый в доспехи Его святого воинства, призывая в заступницы Царицу Ангелов, Отца нашего святого Игнатия, святого ангела-хранителя и прочих святых, кого особо почитал, наполняя воздух вздохами и орошая землю слезами, рождёнными пылом его духа и желанием исполнить свой долг.

Он тотчас известил родителей о своём новом положении. И те, будучи весьма богобоязненны, отнюдь не стали ему препятствовать. Напротив, они ободряли и увещевали его к постоянству в своём призвании, ибо хотя и любили его как сына, и полагали, что, унаследовав дядин каноникат или получив другую достойную должность, он жил бы в богатстве и чести, а им давал бы утешение в старости, но,

предпочтя служение Богу своим удобствам и духовное благо своего сына – всем почестям и богатствам земли, они с величайшей благодарностью принесли его в жертву Божественному Величеству, моля Его простереть Свою руку и принять их сына под Свою защиту, дабы он служил Ему вечно. Они дали ему своё благословение, а с ним, подобно как Исаак Иакову, первородство небесное, испросив ему у Божественной длани безмерные милости на небесах и на земле.

Приняв это благословение, он начал свой новициат с таким изобилием добродетелей, с каким другие его обычно заканчивают. Легко было предвидеть, сколь усерден он будет в Ордене, ведь и в миру он служил с великой ревностью, и с ранних лет значительно преуспел в добродетели, одолевая множество врагов, что осаждают юность. И вот после победы над ними он, благодаря близкому общению с иноками, руководству настоятелей и воспитательным усилиям наставников новициата, достиг великих успехов в добродетели, возрастая изо дня в день и миг за мигом, подобно кедр.

Все, кто его знал, утверждают, что он сиял среди прочих, подобно деннице среди звёзд, и что с первого дня, как он вступил в Орден, служил образцом святости для всех иноков: скромн, молчалив, смиреннее праха, послушен и покорен своим начальствующим, как ангелы Богу на небесах, он с готовностью ловил малейший знак или проявление их воли; творил покаяние и подвиги аскетические — Ему было достаточно лишь Бога, будто он жил только молитвой и общением с Ним. Правила и обычаи Ордена он блюл столь строго, что, как говорит Христос о Себе, не преступил ни единой йоты, ни единой черты закона, и никто ни разу не видел, чтобы он нарушил даже малейшее из предписаний. Он был весьма услужлив и готов помочь, а потому любим всеми, ибо все обретали в нём облегчение, утешение и помощь при любых своих нуждах, не только здоровые, но и больные, ибо он стал всем для всех, стремясь служить каждому.

Бог, возводя здание его духа, заложил глубочайшие основания. Поскольку стены его должны были быть высоки и состоять из возвышенных добродетелей, то и фундамент требовался соответствующий — глубоко утверждённый в смирении, соблюдении правил и святости совершеннейшей жизни. Итак, отец Пётр Клавер, возводя здание своего духа на столь твёрдом камне, укрепил своё постоянство и явил непреклонную стойкость, а великое сокровище добродетелей, что принёс он с собой в Орден, с тем же упорством хранил всю свою жизнь. Ибо, как гласит его житие, даже спустя сорок лет пребывания в Ордене, он сохранял неизменными и уклад свой, и манеры, и ревность, какими отличался в самом начале.

Так, ещё в новициате он отличился неукоснительным соблюдением правил и достиг совершенства, словно был уже старым монахом с многолетним опытом. А достигнув весьма преклонных лет, он вёл себя как новоначальный, не теряя первого пыла и ни в чём не ослабив за столь долгие годы монашеской дисциплины. Он был так же послушен, смирен, молчалив и сдержан, отличался тою же простотой, аскетичностью и кротостью, как и в начале своего пути. И если в новичке высоко ценится опытность старца, то в старом монахе столь же важны смирение и искренность новоначального. Всё это с особой полнотой проявилось в отце Клавере, ибо он всегда был примером для каждого в любых обителях и коллегиях, где бы ни пребывал. Он следовал совету, столь высоко ценимому, но мало кем соблюдаемому, который авва Агафон дал своему послушнику: всегда быть таким, как в первый день пострига, сохраняя ревность и искренность, с которой начал служение Ордену. Так наш новобранец и поступал. Сразу стало очевидно, что Бог избрал его духовным наставником для многих, ибо с тех пор он начал писать духовные трактаты. Среди прочих он составил сборник медитаций и упражнений для тех, кто приносил первые обеты при вступлении в Орден. Эти обеты он соблюдал всю свою жизнь, и его записи были найдены среди прочих его бумаг.

По истечении двух лет новициата он принёс обеты в точности, как подобало столь преуспевшему подвижнику, что, по мнению многих, мог бы быть даже мастером новициата. Сие свершил он перед лицом ректора с той подобающей торжественностью, что принята в Обществе, но и с искренним радостным благоговением, всецело вверяясь Божественному Величеству. Присутствующие получили великое назидание и прониклись глубоким умилением, не зная даже, что трогательнее: слёзы его или слова. Когда он осознал, что теперь всецело принадлежит Богу, что принят в Дом Его, отделился от мира и стал членом Ордена, душа его возликовала так, что словами не выразить. Он решил, что новые обеты обязывают его к новой жизни и к новому подвижничеству. И в то время как теплохладные, возрастая в Ордене, обычно ищут исключений, порождающих расслабленность, наш отец Клавер всегда стремился к вящей строгости и соблюдению устава, считая себя тем паче обязанным к ней, чем более он возрастал в летах и в служении.

Обычно по принесении обетов студенты тотчас отправляются в семинарию, дабы усовершенствоваться в латыни и подготовиться к преподаванию её, но любовь, которую к Петру питал его ректор, была так велика, что в союзе с уважением к его святости побудила почтенного мужа задержать его на два месяца в новициате, дабы своим примером и руководством он наставлял других новициев и вёл их по пути совершенства. Отец Пётр исполнил сие с великим смирением и с большим утешением для своей души, ибо он находил великую радость в беседах о духовных вещах и в понуждении себя к смирению.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. О НАЧАЛЕ ЕГО УЧЁБЫ И УСПЕХАХ В НЕЙ.

По истечении двух упомянутых месяцев, после того как он принёс обеты, настоятели отправили его в коллегию Жироны, где находится семинария той провинции. Здесь он должен был совершенствоваться в латыни, а также изучать греческий и риторику. Ко всему этому он приложил все свои силы, как истинный сын послушания. Один год он провёл в этой коллегии, занимаясь науками.

За это время он стал примерным студентом и преуспел во всех трёх дисциплинах, так что его учителя восхищались его способностями и тем, как он помогал усвоить пройденное многим своим соученикам. И хотя он с таким великим усердием отдался изучению наук, отнюдь не ослабил своих занятий по усовершенствованию добродетелей. Напротив, пользуясь науками для духовного продвижения, он посвящал Богу свои труды, а также те тяготы, что претерпевал, изучая греческий — язык ему совсем незнакомый. Трудности этого языка повергли в уныние святого Августина, как он сам признаётся, ибо он начал было его изучать, однако, натомившись и высушив мозги, сдался и бросил.

Ну а наш студент благодатию Божией принял своё призвание с таким великим рвением и твёрдостью в послушании, что, начав путь свой, продолжал его, преодолевая все встречавшиеся трудности, пока не достиг в том совершенства. Был он также и превосходным ритором, и в обеих сих областях мог бы стать знаменитым наставником, если бы остался в Испании. Но благоугодно было Господу нашему предназначить его к преподаванию наук более высоких и к водительству великого множества душ, которые он направил на небо своим посредничеством.

Наступил год тысяча шестьсот пятый. К тому времени Пётр провёл три года в Обществе и многие годы в иноческой жизни, совершенствуясь духовно. Дабы он начал изучать науки и стал служителем Евангелия, послушание направило его вместе с

другими его соучениками в коллегию, которую содержит Общество на острове Майорка, с тем, чтобы он там изучал свободные искусства и постигал философию. Принял он сие послушание с величайшею радостью.

Во-первых, потому что мог принести Богу жертву в опасностях морских — ибо хотя залив был не столь широк, но не лишён угроз от множества мавров, промышлявших у тех берегов и незадолго до того времени пленивших одного наставника с одиннадцатью учениками. Но при воспоминании о том, что Христос бороздил моря любви нашей ради, возрадовался дух его случаю хоть в чём-то подражать Ему и подвергнуть себя опасностям плавания ради служения Ему.

Во-вторых же, и что было главнейшею причиною его радости о сем послушании, — он знал, что живёт в той коллегии святой брат Алонсо Родригес, молва о святости которого облетела весь мир. Он знал его по сей молве и пламенно желал увидеть его, войти с ним в общение и стать его учеником, дабы воспользоваться его святыми советами и постигнуть высочайшую науку совершенства из примера его жизни. И не тщетна была надежда его, ибо желания его исполнились, и он обрёл в сём святом иноке богатую сокровищницу для обогащения своего духа.

Отплыл он в том же году со своим наставником и соучениками, а по прибытии на Майорку, едва ступив в коллегию, он ни о чём паче не заботился, как о встрече с упомянутым святым братом. Потому, получив благословение настоятеля, отыскал его и пал к ногам его. Брат Алонсо противился сему со святым упорством, и не предугадать было, кто кого превзойдёт в смирении, — что подобно тому состязанию, какое случилось между святым Павлом и святым Антонием в пустыне, когда они встретились по Божию изволению. Ибо святым столь же свойственно быть учтивыми, сколь и смиренными. Обнялись они с любовью и прочли сердца друг друга, поскольку в обоих обитал тот же дух, внушавший им одинаковые помыслы и служивший узами милости и связью искреннейшей любви, как то бывало у верных первобытной Церкви, о которых говорит святой Лука, что было у них одно сердце и одна душа, ибо если едины были душа и дух, то не могло не быть у всех единым и сердце. Подобным же образом можем сказать, что сии два святых инока были одной душой и одним сердцем — по той сердечной любви, какую питали друг ко другу, рождённой от того же духа.

Двадцать лет было отцу Петру Клаверу, когда прибыл он в коллегию на Майорке — возраст подходящий и зрелый для преуспевания в науках и в духе, и поскольку не менее ценил он последнее, нежели первые, то первым делом записался духовным учеником в школу святого брата Алонсо Родригеса. Дабы соблюсти все правила и обезопасить себя от своеволия, Пётр испросил на то дозволение у настоятеля, который охотно дал его ради великого плода, какого ожидал от сего наставничества. Святой брат, движимый Духом Святым, принял его с равною радостью. Назначили они время и подходящий час для слушания и изучения уроков небесной философии, дабы, не сбивая наставника, проходить одновременно обе науки, продвигаясь одновременно по стезе знаний светских, как и в божественных. Впрочем, знавшие Петра утверждают, что без сравнения больших успехов достиг он в духовной науке. И неудивительно, что в краткое время он более преуспел в небесной философии, нежели в человеческой, ведь высокими были основания, какие он заложил в иноческой жизни, о чём уже сказано, а кроме того и наставника в духовном руководстве избрал себе превосходного, наученного свыше и украшенного высочайшею степенью небесного богословия. Писания и учение его принесли и ныне приносят весьма обильный плод в мире, как то всем известно и о чём повествуется в книге, описывающей его житие.

Как важен наставник для успехов ученика, это хорошо известно и многократно повторено мудрецами. По словам Сенеки, у которого заимствовал это изречение святой

Иероним, каков наставник, таков обыкновенно и ученик — если велик, то велик, если мал, то мал. Ибо, как учил Боэций, плод соответствует дереву, а ученики — наставнику. Нравственно невозможно, чтобы от дурного наставника вышли хорошие ученики.

Каждый учит тому, что знает, как светоч даёт свет сообразно содержанию. И как пустой не светит, так и несведущий не учит, а мудрый наставник производит мудрых учеников.

Когда у Филиппа, царя Македонского, родился Александр, наследник его царства, он написал Аристотелю, говоря, что удачу родить сына в такое время, когда тот может стать его учеником, предпочитает всему величию своей державы. И сам Аристотель всегда гордился тем, что был учеником Платона, а Платон — учеником Энния. Воистину, мудрость учеников являет величие наставников.

Сие сказано для того, чтобы составить понятие о духовном богатстве, которое стяжал отец Клавер благодаря превосходным качествам своего наставника. Ибо, как говорит святой Иероним, каков наставник, таковы и ученики. От наставника святого, да и столь святого, ясно следовало ожидать ученика святого, каким и стал отец Пётр. Не зря же металл его духа был добыт из рудника святого наставника.

Слушал он его с почтением и благоговением, словно самого Христа. Принимал учение Божие, внимал советам его и записывал их, дабы забвением не утратить ни одной из многоценных жемчужин. Ну и сам святой брат многократно давал ему записи своих поучений.

Пётр открывал ему свою совесть со всею правдивостью и ясностью, как духовному отцу своему, и потому брат Алонсо с лёгкостью вёл его по пути совершенства. Ибо где недостаёт откровенности с духовным отцом, там всё сплошь тьма, преткновения и падения, и вместо того, чтобы двигаться вперёд, человек шаг за шагом пятится.

Ученик внимал столько же жизни, сколько и учению наставника, стремясь подражать ему в поступках. Поскольку подлинник был весьма совершен, то и во всём сходная с ним копия вышла прекрасной. Все, кто видел Петра, почитали его за совершеннейший образ святого инок, ибо был он скромн, молчалив, сосредоточен, смирен и послушен. Ходил всегда перед Богом, к Которому направлял все дела свои, моля, чтобы они свершались во славу и честь Его.

Был он первым в молитве и умерщвлении плоти — как явном, так и тайном. Безмолвием проповедовал всем своей кротостью, стойкостью и долготерпением. Примером своим назидал прочих и воспламенял их в духе. Потому был любим как настоятелями, так и благим наставником своим, который помогал ему не только святыми советами, но и пламенными молитвами, непрестанно молясь о нём Богу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. В КОТОРОЙ ПРИВОДЯТСЯ НЕКОТОРЫЕ ДУХОВНЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ, КОТОРЫЕ СЯТОЙ БРАТ АЛОНСО РОДРИГЕС ДАЛ ОЦУ ПЕТРУ КЛАВЕРУ

Св. Иероним весьма гордился тем, что имел наставником св. Григория Назианзина, столь же славного благочестием, сколь и учёностью, ибо честь ученика — в превосходстве наставника, как честь сына — в благородстве отца его.

Не менее гордился и отец Клавер тем, что имел духовным отцом и наставником души своей святого брата Алонсо Родригеса — мужа столь знаменитого благочестием, столь просвещённого Богом и столь искусного в науках и учении духа. Почтение и любовь к

нему длились всю жизнь. Он всегда открыто величал его своим святым наставником и хранил его наставления и записи с тем же благоговением и почтением, с каким принял их – будто откровения свыше.

Перечитывал он их весьма часто, возобновляя память о святом наставнике своём и приводя их в исполнение, словно святой в тот самый миг говорил их ему. Множество таких записей нашлось в его бумагах — по-видимому, те самые, которыми пользовался святой брат для блага души его.

Мне показалось уместным привести их здесь как для общего назидания, так и дабы сохранилась память о них и не погребла их неблагодарная пыль забвения. Также и потому, что они словно набросок всей его жизни и краткое изложение того, что он в ней совершил.

Вот, что мне удалось собрать:

1. Углубляйся в познание самого себя — это есть твёрдое основание. Кто познаёт себя, тот презирает себя. А кто не познаёт себя, тот тешится собою.
2. Мало говори с людьми, много — с Богом.
3. Кто сумеет найти уединённый уголок, тот найдёт благоговение.
4. Добрый инок должен быть подобен Мелхиседеку — без отца, без матери, без родословия родичей и родственников. Ибо не должен он обращаться с ними иначе, чем если бы их у него не было.
5. Не должно быть в мире ничего, кроме Бога и тебя, потому что Он один должен быть для тебя всем.
6. Взирай на Бога во всех людях и служи им как Его образам.
7. Молись Богу за тех, кто тебя обидел, и делай им больше добра, чем они причинили тебе зла.
8. Первые плоды дня приноси Господу нашему, предлагая Ему своё сердце и все дела того дня.
9. Посвящай свои дела Богу в начале, в середине и в конце. В начале — возымев намерение к Его вящей славе и служению. В середине — соединяя их с делами Иисуса Христа, дабы они имели смысл и были угодны Его Величеству. В конце — принося в жертву их за свою душу и души ближних.
10. Держи Бога в своём сердце и не делай и не говори ничего, не испросив у Него дозволения и не посоветовавшись с Ним.
11. Удаляйся во всякий час в убежище своего сердца, дабы почитать Бога и испросить у Него благодатной помощи служить Ему и не оскорбить Его.
12. Никогда не выходи из кельи без нужды. Испрашивай дозволения у Господа нашего и благодатной помощи не оскорбить Его. По возвращении испытай, таким ли пришёл, каким вышел.
13. Прежде чем выйти из обители, посети Господа нашего в Его храме. Проси, чтобы Он сопровождал тебя, и иди всегда с Ним.
14. Не пользуйся чувствами, разве только для дел необходимых и для служения Богу. Не смотри на вещи любопытные, необычные или бесполезные – они опустошают сердце.
15. Никогда не говори о еде или одежде, не проси их, а равно не проси и кельи. Веди себя во всём как тот, кто умер для мира и жив только для Бога.

16. Никогда не ешь ничего сладкого, изысканного или сверх того, что необходимо для поддержания жизни. Кто допускает утехы тела, тот теряет утехы духа. Кто услаждается общением с людьми, тот теряет утешения Божии.
17. Почитай похвалы за поношения, вспоминая о том, что ты такое в очах Божиих. Люди смотрят на внешнее, но Бог, Господь наш, видит сердце.
18. Радуйся поношениям и цени поругания ради тех, которые Христос претерпел за тебя. Смиряться в обидах, ибо заслуживаешь горшего за свои грехи.
19. Непрестанно размышляй о последних вещах (*смерть, суд, рай, ад.* – *Прим. пер.*), особенно о смерти, ибо она наступит скоро. Воодушевляйся на дела и страдания, ибо время, когда можно исправиться, подходит к концу.
20. Часто размышляй о Страстях Господних. Каждый час вспоминай, что Он претерпел за тебя. Благодарим Его много и проси у Него креста. Неси оный с радостью ради любви к Нему.
21. Размышляй о добродетелях, особенно иноческих, которые сообразны твоему званию. Помни, что каждая из них сопряжена с большими трудностями, такими как неприятные послушания и великие труды. Не переставай, пока не покоришь своё сердце, нести их с радостью ради любви к Богу.
22. Говори о всех хорошо, а о себе — худо.
23. Укоряй и наказывай себя за проступки, в которые впал. Проси у Бога прощения и помощи не впасть в грехи большие.
24. Избегай обстоятельств, в которых однажды пал или мог бы подвергнуться опасности падения. Они суть сети диавола, которому должно сопротивляться до победы.
25. Прислужи на мессах всякий раз, когда есть возможность. Помни, что ангелы предстоят и служат Господу, Который при литургии приносится в жертву. Взирай на Него на алтаре, как на Голгофе. Возноси Его вместе со священником Вечному Отцу за весь мир и за себя в особенности.
26. Отрешай сердце от всех творений и полагай его в одном Боге. Совершай в течение дня множество актов любви, разжигая огонь в святилище своего сердца.
27. Глубоко чти Пресвятую Деву, любя и служа Ей от всего сердца. Навещай Её почаще в течение дня. Приноси Ей в дар все свои дела, читай Её розарий, а если можешь — и Её Часы. Не упускай случая оказать Ей какую-нибудь услугу. Размышляй о Её добродетелях и старайся им с Божией благодатью подражать.
28. Чти также святого ангела-хранителя и св. Игнатия, отца нашего. Люби его как сын, уважай как отца. И того, и другого поставь ходатаями, чтобы стяжать от Бога то, о чём просишь.
29. Почитай образы святых, словно они присутствуют пред тобою. Вспоминай их добродетели и то, как они служили Богу. Помни, как стремительно миновали труды их и какую награду они за оные получили. Размышляй о краткости этой жизни и о вечности той. И всё покажется тебе лёгким и вполне терпимым – ради любви к Богу.
30. Много бодрствуй и мало спи. Сколько отнимешь от сна, столько прибавишь к жизни и заслугам.
31. Изучай внимательно необходимое, а не излишнее. Подобающая наука приносит пользу, а излишняя — суетна.

32. Ищи Бога во всех вещах, и найдёшь Его, и будет Он всегда при тебе.

Таковы некоторые из наставлений, которые святой наставник дал своему послушному ученику. Тот хранил их всегда как драгоценное сокровище и часто перечитывал, претворяя в дело. Как видно из жития святого брата Алонсо Родригеса, это почти те же самые наставления, которых он сам придерживался, ведя по своим стопам своего ученика. Именно в его обществе и под его руководством Пётр Клавер умудрился достичь в столь короткое время той вершины совершенства, которой он достиг.

ГЛАВА ПЯТАЯ. В КОТОРОЙ ПОВЕСТВУЕТСЯ ОБ ОДНОМ ОТКРОВЕНИИ, ПОЛУЧЕННОМ СЯТЫМ БРАТОМ АЛОНСО РОДРИГЕСОМ О СЯТОСТИ И ЗАСЛУГАХ ОТЦА ПЕТРА КЛАВЕРА

Любовь и привязанность, которые питают наставники к воспитанникам, бывает столь велика, что часто равняется, а иногда превосходит ту, которую родители питают к своим детям. Святой Павел возымел к своим ученикам столь великую любовь, будто сам их породил. Он уподобил себя матери, которая их родила — и по болезням, которых ему стоило вновь родить их во Христе, и по великой любви, которую к ним питал.

Как учит Аристотель, матери имеют гораздо большую любовь к детям, чем отцы, по причине времени, которое носят их во чреве, молока, которое им дают, и многих трудов, которые они им стоят. Эта любовь обычно возрастает от сродства — она растёт в их сердце по мере того, как дети становятся на них похожи, ибо сродство всегда порождает любовь.

Чтобы выразить ту любовь, которую питал Апостол к верным, которых он возродил во Христе, он говорил им, что любит их, словно он мать каждого из них.

Святой брат Алонсо Родригес был исполнен любви к Богу и ближним, которых любил как самого себя. Однако при всем том благоговении, которое он питал к добродетели, и при желании видеть, как все прославляют Бога своими деяниями, он не мог не находить особую радость в тех, кто усердствовал в служении Господу с большим радением — подобно тому, как ангелы радуются при богослужении.

Поскольку его добрый ученик столь выделялся добродетелью и легким полетом устремлялся к вершине совершенства, святой Алонсо радовался в Господе, видя его духовные успехи. Он благодарил за это Бога и непрестанно молился за то нежное растение, которое произрастало для великой славы Божией в саду Ордена. И любовь, которую он питал к Педро Клаверу, была соразмерна его добродетели.

Эта любовь возростала от частого общения и сродства в нравах. Благодаря доброму нраву Клавера все проникались к нему еще большим расположением, а сам Алонсо еще сильнее воспламенялся желанием помочь ему в духовном возрастании, дабы его святые стремления исполнились.

И если Христос Господь наш, по любви к своим ученикам, проводил ночи, как говорит святой Лука, в молитве о них к своему Предвечному Отцу, то то же самое творил и святой брат Алонсо Родригес — молился, взывая к Божественному Величеству, о своем возлюбленном ученике отце Петре Клавере, прося, чтобы Господь взял его под свою защиту и даровал ему благодать во всеобилии, дабы он достиг святости, а таланты употребил на служение Богу.

А поскольку заслуги святого брата были весьма велики, благоугодно было

Божественному Величеству утешить его следующим видением.

Однажды молился он Богу о брате Петре Клавере. Вдруг его охватил духовный восторг, и он лишился чувств. Ему открылось видение: небо разверзлось, и он узрел лики славы небесной. Там, на престолах, подобно тому, как их изображают в Апокалипсисе Иоанна Богослова, восседали святые. Среди них он заметил одну пустую скамью, возвышавшуюся на великолепном троне, сияющем славой великой и блеском. Это зрелище наполнило его душу радостью неизреченной. Но ещё большее удивление вызвало, что столь величественное место среди тронов оставалось незанятым, и он не знал, кому оно предназначено.

Пока он размышлял об этом, его ангел-проводник заговорил и сказал: «Это место уготовано твоему ученику Клавелю – за его добродетели и за души, которые он приведёт к Богу в Индиях своей проповедью». Услышав слова сии, Алонсо пришёл в себя, а видение исчезло. Он размышлял о том, что увидел, и сердце его не могло вместить переполнявшей радости. Если он уж и прежде высоко ценил Петра, то с этого дня его любовь к нему возросла безмерно. Он стал смотреть на него как на святого, избранного Богом для высокого служения и достойного великой награды в небесной славе, заслуженной трудами и добродетелями.

В житии святого Антония Падуанского повествуется, как Бог явил ему откровение: один из писцов того города умрёт мучеником и будет наделён в небесах венцом сияющим и пальмовой ветвью в лике мучеников. Антоний проникся столь глубоким уважением к нему и святой завистью к его счастью, что всякий раз при виде его преклонял колени, чтобы почтить его как избранника Божия. Если так поступал Антоний с простым мирским писцом, то не диво, коли святой брат Алонсо Родригес, видев своего возлюбленного ученика в украшении редкостных добродетелей, поступал бы так же. Получив сие откровение, он попросту не находил слов, дабы выразить своё великое уважение к отцу Петру. Однако, будучи богобоязнен и благоразумен, он умел скрывать свои чувства и молчать, как того требуют тайны Божии. Он не дал Петру понять, что открылось ему в видении, но поведал о нём своему духовному отцу, как было принято, чтобы укрепить свой дух в уверенности. От духовника-то откровение позже и стало известно.

Нельзя пройти мимо столь важного события, не поразмыслив о великих заслугах отца Петра. Они открываются в пророчестве и небесном видении, явленном, когда он был ещё братом-артистом (*студентом свободных искусств и философии.* – Прим. пер.) и даже не помышлял о путешествии в Индии. Его добродетели были столь велики, что уже тогда в небесах для него был уготован трон и престол великой славы. Ведь святые в небесах различаются, подобно звёздам на небосводе, которые сияют разным светом сообразно заслугам своим. Без сомнения, заслуги сего святого инок были велики, коль для него с самого начала был приуготован престол столь славный и трон столь возвышенный.

В житии серафического отца Франциска рассказывается, что что святой собрат его брат Лев, пребывая однажды в молитве, узрел на небесах среди серафимов и херувимов престол величайшей славы; и ангел, показавший ему сие, сказал, что уготован он смиренному Франциску — ибо возвысило его Божественное Величие на небесах настолько же, насколько смирил он себя на земле.

Видение о Франциске Ассизском, о котором рассказано ранее, явлено было спустя много лет после того, как он основал свой орден и совершил героические и дивные деяния, о коих повествует его житие. А вот видение святому брату о Петре Клавере состоялось, когда тот был ещё юношей, всего через четыре или пять лет после вступления в Общество Иисуса, когда он проходил начальные науки и находился в

самом начале своего духовного пути.

В очах Божиих будущее так же ясно, как настоящее. И всё же нельзя отрицать, что это видение свидетельствует о величии добродетелей отца Петра и его высоких заслугах. Оно говорит о славных делах, для которых Бог избрал его. В этих делах он проявил столь великую любовь, что заслужил место на троне среди хоров ангелов и величайших святых небесных. Немалая слава как для него самого, так и для Общества Иисуса, обретшего в наши времена мужа столь высокой святости, который может сравниться с серафическим патриархом Франциском, человеком несравненным и преисполненным величайших заслуг.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. О ТОМ, КАК ОН ПРОДОЛЖАЕТ СВОИ ЗАНЯТИЯ И ПОЛУЧАЕТ ПРИЗВАНИЕ ОТ БОГА ОТПРАВИТЬСЯ В ИНДИИ

Отец Пётр Клавер продолжал свои занятия, совершенствуясь всё больше в добродетели под руководством столь святого наставника. Однажды святой брат Алонсо Родригес находился в своей келье. И вышел он к брату Петру и его товарищу, приблизился к ним и сказал, указывая пальцем на брата Клавера: «Вот отец». Затем, указав на его спутника, добавил: «Вот сын». Положив руки на их плечи, он довершил пророчески: «А вот Дух Святой». На этом он благословил их, и они отправились исполнять своё послушание.

Слова эти произвели столь сильное впечатление, что, казалось, Дух Святой вошёл в их души. Брат Пётр Клавер ощутил в сердце своём пламя божественной любви, столь пылкое, что оно, казалось, готово было разорвать ему грудь. Его душа наполнилась неизъяснимой сладостью и таким глубоким благоговением, что он был весь во власти этого чувства и не мог спокойно заниматься обыденными делами. Он старался, как мог, сдерживать этот порыв и спросил своего товарища, чувствовал ли тот что-либо подобное. Тот ответил, что да, но не столь сильно, как брат Клавер. Ведь Дух Божий, подобно огню, действует тем сильнее, где большую встречает в сердце готовность. Сердце нашего отца было так хорошо подготовлено (ср. Пс. 56:8), что в нём вспыхнуло могучее пламя, от которого он словно бы потерял себя.

Пётр стал размышлять, следует ли ему вернуться в уединение, чтобы насладиться этой милостью, дарованной ему Господом, или продолжать исполнять своё послушание. Он избрал последнее, как более явную волю Божию, и молил Бога умерить этот пыл, чтобы следовать своему послушанию. Господь услышал его и смягчил жар, но, подобно печи, что долго сохраняет тепло после огня, душа его ещё многие дни хранила жар той сладости и благоговения, которые зажёл в его сердце Дух Святой.

В тот вечер оба товарища пережили то же, что Франциск Ассизский и святая Клара в подобный момент. Их сердца, пылающие божественной любовью, рождали слова, которые были словно искры благоговения и хвалы Богу. Их святая беседа питала этот огонь, подобно ветру, раздувающему пламя. Как из холодного сердца исходят слова блеклые, так из сердца, пылающего любовью к Богу, исходят слова, полные огня.

В это время произошло событие, о котором поведал отец Висенте де Аркайна, служивший в ту пору в нашем валенсийском доме профессов (*Т.е. полноправных иезуитов, завершивших весь цикл духовной, интеллектуальной и пастырской подготовки.* – Прим. пер.). Тогда он жил в коллегии Монте-Сион на Майорке, где учился отец Пётр Клавер. Однажды отец Аркайна стоял у входа в ризницу вместе со святым братом Алонсо Родригесом. По двору шли братья Пётр Клавер и Хуан де Уманес, оба

ученики отца Бласа де Байльо. Находились они примерно в пятидесяти шагах. Святой брат спросил: «Кто эти двое, что идут туда?» Отец Аркайна ответил, назвав их имена. Тогда Алонсо добавил: «Эти братья отправятся в Индии и пожнут там обильный урожай спасённых душ».

Пророчество это в точности исполнилось. Отец Хуан де Уманес отправился в Парагвай, где и подвизался, а отец Пётр Клавер — в Новое Королевство. Оба стали апостольскими мужами и выдающимися тружениками в винограднике Господнем.

Святой брат Алонсо Родригес, уже получив небесное откровение о великих деяниях, которые его возлюбленный ученик Пётр Клавер совершит в Индиях, стал побуждать его к этому пути. До того времени Пётр почти вовсе не думал о миссии в Индиях. Как истинный послушник, он всецело предался в руки своих настоятелей, предоставляя им все решения и полагая их волю волей Божией. Ибо, как учил отец наш Игнатий, добрый послушник не должен склоняться к чему-либо сам, но, подобно стрелке весов, оставаться беспристрастным, готовым последовать туда, куда направит его послушание. Таким был и наш брат, в высшей степени послушный: готов ко всему, не привязан ни к чему, подобен младенцу в руках настоятеля. Потому он никогда не выказывал предпочтений относительно личного поприща.

Но миссия в Индиях — не для всех, а лишь для тех, кого Бог призывает и избирает для сего апостольского служения, а настоятели благоразумно изыскивают тех, кого Бог с особой силою вдохновляет на это святое дело. Святой брат Алонсо Родригес побуждал своего ученика просить о поездке в Индии, ибо знал, что Бог желает его служения именно там. Не пришлось долго убеждать Петра последовать этому совету. Он так высоко ценил своего наставника и был уверен, что все его советы — от Бога, что с готовностью согласился вступить на этот путь, хотя тот и был нелёгким. Как дерево без глубоких корней легко пересадить, так и инок, не привязанный к земным вещам, а укоренённый лишь в Боге, легко следует Его зову. Таким был наш брат. По совету своего святого наставника он совершал покаянные подвиги и многие часы проводил в молитве, чтобы обрести свет и силу для служения, угодного Богу. Он сообщил о своём призвании ближайшему настоятелю, дабы удостовериться в богоугодности сего послушания. Затем он решился просить об отправке в Индии: написал отцу-провинциалу, известив его о своём новом призвании и предав себя в его руки, дабы тот распорядился им ради вящей славы Божией.

В этих трудах завершилась учёба Петра Клавера, и настало время возвращаться в Барселону, чтобы штудировать там богословие. Он достиг больших успехов в философии под руководством своего наставника, но ещё большие успехи проявил в философии духа — самой глубокой и истинной науке, которая никогда не прекращается. Начавшись в этой жизни, она продолжается вечно в жизни грядущей.

Его провинциал отложил решение по его прошению, поскольку близилось время отъезда. Он хотел обсудить просьбу устно, как подобает благоразумному настоятелю, а прежде чем вынести решение, намеревался выслушать все стороны и лично рассмотреть дело. Как говорится, лучше раз увидеть, чем сто раз услышать.

Когда пришло время расставания, сердце Петра разрывалось от боли, так тяжело ему было покидать своего любимого наставника. Язык его онемел, но глаза говорили красноречивейше — изливая потоки слёз: так велико было его горе при разлуке с невероятно дорогим ему человеком. Святой брат Алонсо Родригес утешал его, говоря, что такова воля Божия, и она — истинное утешение для Его слуг. Он обещал всегда помнить Петра в своих подвигах и молитвах. В знак своей любви святой брат подарил отцу Клаверу книгу с описанием духовных упражнений, начертанную собственною рукой — в ней он изъяснял путь к совершенству.

Получить эту книгу было непросто. Настоятель запретил выносить из коллегии сочинения брата Алонсо Родригеса, поскольку просьбы о них поступали отовсюду – столь велико было их значение для духовного роста. Но святой брат, движимый искренней любовью к своему ученику, испросил у настоятеля разрешение подарить книгу, объяснив, что Пётр отправляется в Индии, где она будет ему весьма полезна. Брат Пётр Клавер принял сей дар как драгоценную реликвию и хранил его всю жизнь. Он пользовался книгой для укрепления своей души и при всех своих трудах в апостольском служении, стяжая чрез неё многие милости от Бога.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. О ТОМ, КАК ОН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В БАРСЕЛОНУ, ИЗУЧАЕТ БОГОСЛОВИЕ И ПОЛУЧАЕТ НАПРАВЛЕНИЕ В ИНДИИ

Получив благословение своих настоятелей и святого наставника, Пётр Клавер в 1608 году вместе с соучениками отплыл в Барселону. Путешествие прошло благополучно.

Там он приступил к изучению богословия и показал себя прилежным студентом. Но ещё большие успехи он обрёл в стремлении к совершенству: в этом он постоянно возрастал, подобно солнцу, которое восходит и достигает зенита, ибо всегда следовал наставлениям своего святого учителя, словно тот был рядом.

У других занятия науками порой приводили к ослаблению духовной жизни. Ум естественным образом отвлекается на споры, доводы, возражения, лекции и разные дисциплины... Потому отец наш Игнатий установил в Обществе Иисуса третий год испытания для послушников. Это время предназначено для восстановления духовного рвения и благоговения, которые могли угаснуть из-за учёбы. Но отцу Петру Клаверу это не понадобилось. Его духовное рвение не только не ослабло от занятий науками, но, напротив, укрепилось. Он использовал учёбу для усовершенствования, а совершенство — для углубления познаний. На этих-то двух крылах — науке и духовности — он и возносился к духовному преуспеянию.

Свидетелем тому служит его соученик, отец Гаспар Гарригас, живший в валенсийском доме профессов. В письме, адресованном отцу Алонсо де Андраде, от 15 августа 1656 года он писал следующее:

«Если бы в те годы, когда я был соучеником отца Петра Клавера в богословском училище, я его исповедовал, то, без сомнения, узнал бы многое о его удивительно совершенной жизни. Всё, что я знал о нём тогда и знаю теперь, позволяет мне сказать: в нём не было ничего, что не было бы исполнено совершенства и святости истинного инока. Всех вдохновляла его скромность и кротость; он был приветлив в общении и добросовестен в служении, стараясь угодить каждому. Его все любили. Никогда я не слышал, чтобы он жаловался на кого-либо. Он всегда говорил о Боге и о том, что способствует духовному росту. Всё, что было в его силах, он делал на благо ближних. При этом был чрезвычайно смирен и столь же послушен, к своим настоятелям относясь с великим уважением.

О подробностях его жизни я сказать ничего не могу, ибо он был молчалив и склонен к уединению, но знаю точно: никогда он не нарушил ни единого правила, даже самого малого. Во всём он стремился подражать святому брату Алонсо Родригесу, с которым в Майорке его связывала тесная дружба и близкое общение, в котором-то он и обучился постоянно пребывать с Богом. Пётр хранил тетради, написанные рукой Алонсо Родригеса, с наставлениями о молитве и умерщвлениях плоти, которые тот сам практиковал, и отец следовал сим наставлениям. Неудивительно, что Бог творит

чудеса через него, ведь он жил поистине свято. Да дарует мне Господь милость подражать ему и узреть его в небесах. Аминь».

Как в молитве Давида разгорался огонь, воспламеняя его сердце жадой служения Богу, так и в эти дни в сердце отца Петра Клавера пылал огонь. Его душа возносилась пламенем желания служить Богу и вести к Нему ближних, возжигая их души жадой небесной. С сим горячим стремлением он писал настоятелям, настойчиво прося отправить его в Индии, куда, как он чувствовал, призывал его Бог. Он продолжал вновь и вновь писать, множа доводы, и чем обильнее Бог ниспосылал ему Свои милости, тем настойчивей становились его мольбы.

Два года он упорно добивался этого, а настоятели медлили, испытывая его призвание. Убедившись в его неодолимой решимости, они наконец дали ему долгожданное разрешение и назначили его в Новое Королевство Тьеррафирме (*Эвфемизм для обозначения «дальних миссий», особенно в противопоставлении с Перу или Мексикой, где уже было установлено стабильное колониальное управление; по сути же и без обиняков выражаясь: «Тмутаракань». – Прим. пер.*) — новую провинцию, нуждавшуюся в тружениках. Письмо отца провинциала, подтверждающее его просьбу, сохранилось, и я привожу его здесь в качестве дополнительного свидетельства. Оно гласит следующее:

«Нельзя противиться воле Господней, проявление коей я ясно вижу в вашем неизменном желании послужить Ему среди индейцев. Верю, что благодати Божией они получают от вас, брат мой, великую помощь. Хотя я удерживал вас, сколько мог, мне кажется, что не следует более препятствовать вашим боголюбивым и вполне обоснованным устремлениям. Поэтому я поручаю отцу ректору немедленно отправить вас в Севилью. Да ниспослёт вам Бог Своё святое благословение, да направит все ваши труды и дела к вящей славе Своей, о чём и молю.

Тарагона, 23 января 1610 года. Хосе де Вильегас».

Можно лишь представить радость, которую Пётр испытал, получив это разрешение после столь долгого и упорного ожидания. Прежде всего он воздал благодарение Богу за милость, дарованную ему. Затем обратился к Пресвятой Деве, своей Покровительнице и Руководительнице во всех делах, а также к отцу нашему Игнатию и святым, к которым питал особое благоговение. Он горячо молил их быть его ходатаями перед Божественным Величеством, испросить для него благодать верно исполнить сие служение вящей славе Божией и на благо спасения душ.

Без промедления он заручился благословением ректора и, не задерживаясь, чтобы повидаться с отцом, матерью и родными, словно бы их и не было, отправился в Севилью. Там его ждали ещё пять товарищей, направлявшихся в ту же провинцию. Вместе с ними он приготовился к плаванию.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. О ТОМ, КАК ОН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ИНДИИ, ЗАВЕРШАЕТ СВОИ ЗАНЯТИЯ И ПРИНИМАЕТ СВЯЩЕННЫЙ САН

В 1610 году, в возрасте двадцати пяти лет, Пётр отплыл в Картахену в сопровождении отца Алонсо Мехиа, уполномоченного по делам провинции Перу, вместе с пятью товарищами, о которых упоминалось ранее. О том, что происходило, и какие дела он совершил во время этого плавания, у нас нет сведений. Известно лишь, что, подобно огню, который повсюду греет, его сердце, пылавшее божественной любовью и радением о благе ближних, везде билось одинаково. Во время плавания он, несомненно, приносил всё те же плоды, вдохновляя иноков своим примером, а мирян

— своими делами и словами. Он не упускал ни одной возможности послужить спасению душ, при этом всегда в первую очередь заботясь о своей собственной, ибо считал это своей главной обязанностью. Тяготы морского пути он нёс с радостью, памятуя о страданиях Христа, и твёрдо уповал на божественную защиту среди частых опасностей, сопровождавших плавание.

Они прибыли в Картахену, где их приняли иноки местной обители, как ангелов небесных, подражая милосердию Авраама, который принимал ангелов, как странников, а странников — как ангелов, не различая их в своём гостеприимстве. Затем прибывших распределили по обителям и служениям. Отца Петра отправили завершать изучение боословия в город Санта-Фе, находившийся в двухстах лигах от Картахены. Путь туда был нелёгок, но Пётр прошёл его с тем же ровным духом и благоговением, с каким преодолевал все прежние дороги, всегда радуясь возможности пострадать за Бога.

В Санта-Фе он продолжал занятия в течение трёх лет, сохраняя тот же образ жизни, что и в Барселоне. По завершении учёбы его здоровье сильно пошатнулось. Причиной тому были и суровый климат той страны, и тяготы, что обрушились на его сердце и голову, и многие покаянные подвиги, которыми он изнурял своё тело, и непрерывный труд учёбы. А скорее всего, всё это вместе. Настоятели повелели ему вернуться в Картахену. Он прибыл туда в 1615 году, а в 1616 году был рукоположен в священники, чтобы служить мессу. К этому он подготовился долгими и благоговейными духовными упражнениями, которые совершал с великим сосредоточением и многими покаяниями, моля Бога о благодати достойно исполнять столь святое служение.

Свою первую мессу он свершил (с глубоким благоговением, без пышности) у алтаря Пресвятой Девы — чудотворного образа, находившегося в церкви той коллегии. Его душа исполнилась такой радости, какую может постичь лишь человек равно духовный и благоговейный.

Став священником, отец Пётр начал размышлять об обязанностях, связанных с этим высоким служением, и о том, какой отчёт придётся дать Богу. Он вспомнил о чистоте совести и святости жизни, которых Бог потребовал от св. Франциска, явив ему небесное видение сосуда с чистейшей водой — образ той чистоты, которой должен обладать священник. Если и до того времени Пётр уже жил богобоязненно, как было описано, то с сего мгновения он стал словно другим человеком. Стремясь стать достойным служителем Господа, он установил для себя новые, суровые правила: строгие покаяния, умерщвление плоти, сосредоточенность, молчание, смирение и терпение. Его жизнь и достигнутые им степени совершенства сделали его образцом для благоговейных иереев и примером для иноков самых ревностных.

К мессе он готовился долгими часами мысленной молитвы, за которой следовала исповедь во грехах своих, совершаемая с такой скорбью и слезами, словно то были тяжчайшие злодеяния в мире. Затем облачался в священные ризы в глубоком молчании, размышляя о том, как каждая из них символизирует страсти Господни — это помогало ему ещё горячее воспламеняться благоговением. С таким расположением подступал к алтарю, а мессу служил с величайшим почтением, сосредоточенностью и вниманием. Слова он произносил медленно и спокойно и служил мессу с величайшим благоговением, сосредоточенностью и вниманием, строго придерживаясь церковных обрядов, никогда не отступая ни от одного из них. В этом он был чрезвычайно скрупулёзен и за точностью чинопоследования следил ревностно.

Он всегда призывал своего ангела-хранителя, дабы тот вместе с ним вознёс Богу сие божественное жертвоприношение. Мессу он совершал с такой нежностью и благоговением, что приводил в умиление всех, кто её слушал. Во время мессы он принимал великие милости Божии, которые были для него утешением и поддержкой.

Месса стала для него как бы арсеналом, где он черпал силы и обретал мужество для духовных битв, которые вёл, а Господь чрез Своё божественное таинство вооружал его небесным светом и крепостью духа на подвиги и служение.

Хотя месса была для него великим утешением, он не затягивал её, строго следуя правилу, установленному Обществом Иисуса для иереев – это позволяло ему и устав не нарушать, и слушающих не утомлять. Ибо держался он того мнения, что всё совершаемое против устава, сколь бы хорошо оно ни было, умаляет иноческое совершенство и более вредит духу, нежели пользует. Подобно тому, как камни, кладомые в здание, пусть даже цены высочайшей, если не выровнены по правилу зодчего, искривляют постройку и служат причиной её разрушения, — таким же образом поступки инока чинят разрушения зданию совершенства, если не выровнены по уставу ордена. Поэтому, несмотря на утешение и благоговение, которое могло удерживать его у алтаря часами, он подчинялся правилу и ограничивал мессу полчасом, как предписано, учитывая также, насколько благоговейно настроены и рядовые участники. При этом он не терял божественных утешений, ведь Бог никогда не отказывает в них истинно послушным, но изливает их затем полными горстями, а потому во всё оставшееся время Господь творил несказанные милости в его душе.

После мессы отец Пётр уединялся в укромном уголке церкви или в какой-нибудь отдалённой часовне. Там, стоя на коленях, он долго и с глубоким благоговением благодарил Бога за сие несравненное благодеяние; наслаждался общением с Женихом своей души, поверяя свои намерения Божественному Величеству; молил о свете, чтобы верно служить Господу, и о благодати и милостях для себя и всех, кто поручал себя его молитвам, ибо сознавал, что для христианина нет более благоприятного времени просить милостей от руки Господней, нежели принимая Его в доме своём, и потому никогда не упускал столь драгоценной возможности.

Чтобы полнее описать его отношение к таинству мессы, скажем, что за тридцать восемь лет, пока здоровье позволяло, не было дня, чтобы он, пребывая в коллегии, пропустил богослужение. Всегда служил последнюю Мессу: во-первых, чтобы избавить братьев-инок от лишнего труда (в жарком климате это была нелёгкая ноша); во-вторых, считая себя недостойным приступить к Господней трапезе, пока не «заработает хлеб», то есть не послужит людям. Потому в будни он служил в десять часов, а в праздники — в половине двенадцатого, после долгих часов молитвы и исповеди, что начинались ещё до рассвета.

На Рождество он совершал первую Мессу в три часа утра, когда все ещё почивали; вторую — между восемью и девятью дня для тех, кто приходил её слушать, и последнюю — в половине двенадцатого, что был его обычный час. И хотя все мессы совершал с упомянутым благоговением, но в главные праздники Господни, и Пресвятой Матери Его, и святых, к которым питал особое почитание, а также в Адвент и Великий пост он расправлял паруса благоговения своего, душа его раскрывалась, он погружался в неизъяснимую сладость и проливал нежные слёзы, рождавшиеся из сердечного умиления.

Что же до чтения божественного оффиция, то здесь он явил миру пример такого внимания, точности и благоговения, какое едва ли найдёшь у другого священника. Часы он вычитывал строго по расписанию, не забегая вперёд и не откладывая, разве что по неизбежной причине. Способ, которым он их совершал, был таков: перед началом он настраивал свой дух, размышляя о Божественном Величестве, к Которому обращался, исполняясь почтения и благоговения. Он просил ангелов, особенно своего ангела-хранителя, наставлять его, помогать и соучаствовать в его хвале Богу. Затем надевал на шею верёвку и возлагал на голову терновый венец, подобный тому, что

носил Христос, наш Искупитель, в час Страстей. В таком облачении он входил в присутствие Божие с величайшим трепетом. Преклонив колени перед святейшим образом Спасителя, он воздавал Ему глубокое почтение, словно видел Его телесными очами, душой же своей взирал прямо на Господа. Затем открывал breviарий и с великой неспешностью, вникая не только в звучание слов, но и в их смысл и дух, читал молитвы, беседуя с Богом. При этом он соединял умственную молитву с молитвой устной, прося сердцем того, что произносил устами, поэтому при чтении официи он нередко воспламенялся огнём томленья по Богу и любви к Нему – так же, как в минуты глубокого созерцания.

Вот зрелище, поистине достойное любования и восхищения: святой инок, слуга Христов, облачённый в одеяние своего Господа и увенчанный венцом Его!

Если бы видел его святой Иоанн Златоуст, сказал бы то же, что об Елисее, когда узрел его облечённого во внешнее одеяние Илии и во внутреннее — дух его: *Duplex Elias, Elias sursum, Elias deorsum* (Двойной Илия, Илия горé, Илия долу), — двух Илий увидел, одного в вышине небесной, другого в низине земной, ибо умножился Илия в ученике своём Елисее, дав ему одежду свою и сообщив дух свой.

То же можно было бы сказать о и нашем боголюбивом иерее. Видя его с верёвкой на шее и терновым венцом на голове, уподобившегося Христу одеянием и знаменiem, осознаём, что Христос умножился в нём, даровав ему и одежды Свои внешне, и дух Свой внутренне. Двух Христов созерцаем: одного в вышине небесной, другого на земле, подобно тому, как святой Иоанн Златоуст видел двух Илий. Слуга стал образом своего Искупителя, и хотя он так и оставался навсегда слугой, нельзя отрицать, что его жизнь была исполнена высочайшего достоинства, ведь его пример в чтении божественного официи стал назиданием для всей Церкви, но главное: Христос, увидев в нём Свой образ, устремился к нему, как подобное по природе своей тянется к подобному. И пленил его сердце.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. О ТОМ, КАК ОН НАЧИНАЕТ ПРОПОВЕДЬ И АПОСТОЛЬСКОЕ СЛУЖЕНИЕ ОБРАЩЕНИЯ ДУШ К БОГУ

Искупитель мира до тридцати лет хранил молчание и не приступал к божественной проповеди, проповедуя весь этот час миру делами своими, а не словами. Тем Он показал труженикам Своего Евангелия, что не следует торопиться с этим святым служением, но сперва укрепить основание духом и благочестием, ибо здание, не имеющее прочного основания, обречено на плачевное разрушение. Как говорит св. Григорий, проповедники, которые приступают к сему святому служению, не напившись благочестия и не обретя необходимых знаний, подобны птенцам, бросающимся в полёт прежде, чем оперяться их крылья; вместо того чтобы парить в небесах, влачатся они по земле и служат забавой мальчишкам. То же происходит с теми, кто бросается проповедовать, не подготовив себя духом и наукой — крыльями, необходимыми для этого служения: вместо того чтобы воспарить и принести плоды, они ползут по земле, впадают в ошибки и невежество, становясь посмешищем и притчей во языцех. В худшем же случае они губят себя и не приносят пользы другим. Потому Христос Своим примером научил нас умерять пыл благоразумием и не приступать поспешно к проповеди, пока не достигнешь зрелого возраста и не укрепись духом и небесной мудростью. Этому примеру Христову и последовал наш добрый отец Клавер.

В его груди всегда пылала ревность о спасении душ, и, если бы он дал волю своим

устремлениям, то ещё с юности, едва выйдя из новициата, ринулся бы им на помощь. Но он умерял свой пыл правилом благоразумия и, подобно Христу, тридцать лет молчал, проповедуя в эти годы примерами дел своих. Достигнув же возраста исполнения, он пошёл по Христовым стопам, отверз уста и к примеру дел прибавил слово, начав с того же, с чего и Христос, — проповедуя покаяние и крестя тех, кто каялся во грехах своих.

Господь определил ему апостольское служение в Картагене, что в Индиях, где он подвизался в течение сорока лет с великим духовным пылом, с такой горячей ревностью о спасении душ и со столь обильными плодами, что без преувеличения может сравниться с величайшими тружениками, каких знала Церковь. Он неустанно работал днём и ночью, во всякий час, в городе и деревнях, среди жилищ и в полях, на суше и на море, не жалея ни забот, ни усилий ради спасения душ. С пламенной ревностью о их благе приходил он и к великим, и к малым, не делая различия между богатыми и бедными, знатными и простолюдинами, мудрыми и невеждами. Словно солнце, которое одинаково освещает всех, это новое духовное светило душ, поставленное Богом на небесах Общества для блага Церкви, всех одинаково озаряло светом своего учения, а жаром проповеди воспламеняло в людях огонь божественной любви.

Плод соответствовал его трудам, как доброта и обилие плодов — качеству дерева. Он обратил в нашу святую веру язычников-неверных и крестил собственными руками более ста десяти тысяч душ, как явствует из книг приходов Картагены. Он наставил в вере и научил около четырёхсот тысяч негров, которые, хоть и были крещены, совершенно не знали церковных молитв и важнейших тайн веры по недостатку наставников и нерадению тех, кто их крестил. Те позаботились лишь о том, чтобы преподать им крещение на их родине или на кораблях, едва услышав, что они желают стать христианами. А отец Пётр, ценой безмерных трудов, обучал и наставлял их в познании нашей святой веры, делая их истинными чадами Церкви.

Он привёл к Богу великое множество мавров, прибывавших с испанскими флотами, обратив их и сделав христианами. Он возвратил в лоно Церкви великое число еретиков, приплывавших на кораблях, побудив их отречься от ереси и примириться с Церковью католической.

Множество таких растений насадил сей святой и апостольский муж в райском саду Церкви. Но кто в силах сосчитать те, что он взрастил? Те, что были не им посажены и росли верующими, но увядали в зное пороков, он орошал своими проповедями и святыми словами, и они вновь оживали, вновь зеленея.

Невозможно подсчитать все спасённые им души, ибо, если бы мы заявили, что их миллионы, никто из знавших его и видевших его неутомимое рвение, жажду и алчбу, с которыми он во всякий час, во всех местах и во всякое время их искал, не сочтёт это преувеличением. Серпом своей проповеди он пожинал души целыми снопами.

Величие свершённого им станет ещё легче представить, когда мы подробно опишем его подвиги и труды. Я не утверждаю и не отрицаю точных цифр, но оставляю это на суд благочестивых и мудрых читателей, которые знают его историю, жизнь и рвение, с которым он всегда действовал.

Первое служение, которое он исполнял, было в годы 1616 по 1617 год в Картагене, где он начал свою проповедь с искренним воодушевлением, со всей мощью явив огонь божественной любви, пылавший в его сердце. Ибо как воздух принимает свойства земель, над которыми проходит — если над холодными, то становится холодным, а если над тёплыми, то тёплым, — так и воздух слов принимает свойства сердца, из

которого исходит, — если сердце пылает огнём божественной любви и ревностью о спасении душ, слова выходят такими жаркими, что возжигают слушателей любовью к Богу и раскаянием во грехах, побуждая их к исправлению. Но если сердце холодно, слова остаются безжизненны, и, хоть достигают ушей, оставляют сердце холодным, а грешников — во льду их прегрешений.

Сердце отца Петра пылало живыми огнями любви к Богу и ревностью о спасении ближних, и потому проповеди его были подобны пламени, как и слова пророка Илии, зажигавшие сердца пожаром любви божественной. Послушав его проповеди, люди выходили с сокрушением, преображённые и исполненные благоговения, били себя в грудь и плакали о грехах своих. Его беседы и увещания были словно сети, которые с мягкой настойчивостью извлекали людей из плена их пороков, и тысячами приходили они исповедать свои грехи у ног духовника.

Блаженный отец постоянно собирал на площадях детей, рабов и простой люд, наставляя их в христианской вере, научая молитвам Церкви и тому, как правильно исповедоваться, в чём в ту пору была великая нужда в том городе. Он посещал тюрьмы и, обращаясь к узникам – иногда ко всем вместе, – рассказывал поучительные истории, побуждавшие их к покаянию, а иногда – к каждому в отдельности, особенно к тем, чьи души, как он видел, были в большей беде. Его добродушие и любезность, споспешествуемые благодатью Божией, помогли вернуть Господу множество погибших душ.

Если кого-то приговаривали к казни, он находился рядом, с великой любовью заботясь о душе осуждённого, и не терял его из виду, пока тот не отправлялся на небеса с великим утешением. Он помогал несчастным не только духовно, но и по мере сил телесно: приносил гостинцы и утешал их, стремясь подсластить горькую чашу смерти.

Случилось, что одного преступника приговорили к удушению, и отец Клавер сопровождал его со свойственным ему духовным рвением, утешая и ободряя его, окружив искреннейшей любовью и милосердием. Мавр, находившийся поблизости и наблюдавший воодушевлённое милосердие священника, был так тронут, что это подействовало сильнее всех прежних увещаний. Тотчас пал он к его стопам и попросил научить его святому закону Божию, заявив, что желает креститься, и жить, и умереть в том законе, который исповедует столь святой человек. Отец с великой радостью обнял его, возрадовался о его душе, наставил в вере и крестил – к назиданию всего города и его собственному утешению. Минутный пример, обративший неверного на путь истины, оказался действеннее слов, звучавших двадцать четыре года.

Что же сказать о его служении в исповедальне? Он словно бы родился только для того, чтобы постоянно исповедовать, особенно бедных и нищих, рабов и отверженных обществом. С таким рвением он отдавался этому служению, что казалось, будто иных дел у него и вовсе не было. Обычным его правилом было спускаться в исповедальню в половине четвёртого утра, едва брезжил рассвет, и оставаться там, исповедуя, до часу дня. В праздники и воскресенья, когда собиралось больше народу, он не уходил, пока оставался хоть один желающий исповедаться. Его усердие было так велико, что не раз его выносили из исповедальни без чувств, в обмороке от страшной местной жары, усиленной испарениями от множества кающихся. Каждый из них был словно раскалённая печь, а запах от негров и больных ещё паче усиливал тяготы. Всё это лишало его сил, но не рвения и не жажды спасения душ: стоило только поднести к его ноздрям платок, смоченный спиртом, как он приходил в себя и тотчас возвращался к исповеди с тем же усердием и воодушевлением, что и вначале. И был он подобен тому, кто собирает полными горстями драгоценнейшие жемчужины, ибо за таковые почитал он души верных, которых приобретал для Бога.

В Великий пост он с поразительной неутомимостью проводил в исповедальне утро, день и ночь почти без перерывов на сон, исповедуя рабов, чтобы они могли идти на работу, не провинившись перед хозяевами. То же происходило во время миссий, о которых мы расскажем позже: каждая из них была точно сплошной Великий пост.

Однажды ризничий из любопытства подсчитал записки с просьбами об исповеди, которые отец Клавер получил за Великий пост, и их оказалось более пяти тысяч, причём блаженный наш иерей откликнулся на все, не оставив ни одной без внимания.

Он заранее предупредил настоятеля и привратника, чтобы его будили ночью, если кто-нибудь придёт исповедаться, а поскольку он почти всегда бодрствовал, то при первом же звоне колокольчика у ворот вставал, полагая, что зовут именно его, и в полном облачении бежал, не дожидаясь спутника, чтобы поспеть к больным. С тем же рвением он исповедовал в больницах, часто их посещая, где утешал больных, укреплял их духовно и телесно. Он был отцом для всех и служил им с величайшей любовью, относясь к каждому, точно к брату родному. Не было дня, чтобы он не привёл к Богу множество душ из числа тех, над которыми трудился, и считал потерянным тот день, когда не удавалось совершить сколь-либо знаменательного служения Богу или принести блага ближнему, и в этом был подобен Цезарю, скорбевшему о всяком дне, не отмеченном какой-либо знаменательной милостью для подданных, но только у доброго исповедника было на то больше оснований.

Кто теперь усомнится, что отец Клавер, неустанно трудясь сорок лет, привёл к спасению несметное множество души, может быть, миллионы? С равным рвением он обращал неверных и укреплял верующих, одних исповедуя, других крестя, ни на миг не прерывая своего плодотворного подвига. Святой Иоанн Златоуст учит, что нет более явного признака, указующего на предназначение человека к небесной славе, чем обращение им хотя бы одной души от мрака греха к свету благодати. Сколько же таких свидетельств стяжал сей апостольский муж, благодаря чьей проповеди столь великое множество душ обрело путь к небесам!

В хронике святого Франциска рассказывается, что когда один проповедник из Италии находился при смерти, пришли семьдесят тысяч душ, облечённых славой, чтобы отвести его на небо. Они спаслись через его посредство и в тот час пришли воздать ему за добро, которое он им сотворил. Если же наш святой инок населил чертоги славы миллионами душ, которые вступили в них через его посредство, то сколь совершенное и славное воинство явится в час кончины его, дабы торжественно сопроводить его к награде за подвиги? Воистину, можно верить, что небесное воздаяние будет соразмерно его трудам, и Бог прославит его в жизни грядущей сообразно тому, как он послужил Ему в этой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. О ТОМ, КАК ОН ПОЛУЧИЛ ПОСЛУШАНИЕ ОБРАЩАТЬ НЕГРОВ

Для понимания того, о чём предстоит говорить, следует знать, что город Картахена служит как бы вратами в земледельческие угодья Нового Света. Сюда стекаются торговцы со всего мира, как с материка: из Перу, из Мексики, Кито и Потоси, – так и с соседних островов, из Бразилии, и даже из Анголы, Конго и с берегов Гвинеи. Поскольку почти всюду в Индиях пользуются трудом негров для обработки земель и разработки рудников, невольник сделался здесь таким же обыкновенным предметом торговли, как пряности, шёлк и прочие плоды земли.

Дело это столь прочно поставлено, что король продал множество ценных бумаг,

основанных на податях с торговли неграми. И эти бумаги не менее надёжны других, поскольку делом этим занимается огромное множество купцов. А чтобы развеять сомнения тех, кто недоумевает, как это так легко удаётся покупать негров прямо у них на родине, надобно сообщить следующее.

В землях и царствах, где они обитают, идут постоянные войны между разными племенами. Вожди и цари портовых городов — таких как Ангола, Сан-Томе и берега Гвинеи — видя, что европейские купцы постоянно прибывают покупать невольников и выменивают их на вино, масло и другие товары, в которых есть нужда в их краях, выходят в походы, захватывают пленников, держат их в заточении и продают по столь умеренной цене, что каждого отдают меньше чем за полведра вина или масла, а то и за пригоршню стеклянных бус.

Тот, кто в Анголе стоит один-два реала восьмеричных (*Испанская серебряная монета, служившая главной валютой в международной торговле; в русской литературе её порой называют «пиастр» или «песо».* – Прим. пер.), продаётся в Картахене за двести. Расходы на перевозку невелики, а поскольку прибыль столь огромна, многие, поддавшись корыстолюбию, предаются этому промыслу, и вот каждый год в Картахену прибывает от десяти до двенадцати тысяч негров, привозимых капитанами и купцами.

Поскольку вся их забота — лишь нажива, они не думают о душах невольников: покупая их неверными, они и привозят неверными. Правда, некоторые, более богобоязненные работоторговцы во время плавания сообщают своим пленникам что-то о нашей святой вере и убеждают стать христианами, а поскольку те мало что понимают, то и не возражают особо, но, движимые страхом перед своими хозяевами, говорят, что готовы стать христианами. Тогда их тотчас крестят, не оглашая и не обучая тому, что они обязаны знать. Так и прибывают они в Картахену, нуждаясь в наставлении не меньше, чем самые что ни на есть неверные.

Видя тысячи негров, которые каждый год высаживались в Картахене, и духовную нужду, с которой они прибывали, Общество Иисуса взяло на себя заботу о них и решило всеми силами позаботиться об их спасении, употребив для этого всё возможное попечение. Для этого отцы Общества назначали нескольких инок, которые должны были учить невольников, обращать и крестить, а одного выбирали как бы настоятелем над всеми и общим их руководителем.

Первым, на кого легло это поручение, был отец Алонсо де Сандоваль, уроженец Толедо, умерший во время мора в Картахене в 1650 году. Он трудился в апостольском духе и составил весьма толковую книгу как руководство для сего святого служения. На этом поприще он подвизался до 1617 года, когда по послушанию отправился в Лиму.

Затем настоятели, распознав в отце Петре Клавере пламенную ревность о спасении душ, которой пылала его собственная душа, вверили это дело ему. Поручение он воспринял его с живейшей готовностью — во-первых, как послушание, а во-вторых, как апостольское призвание: малопочётное, весьма трудное, но приносящее великий плод. И исполнял он его в течение тридцати шести лет, пока хватало сил.

Какими словами поведать о делах, трудах и плодах сего апостольского мужа в его святом служении? Нет купца, столь алчного к наживе, чтобы он с такой отвагой встречал опасности ради прибыли, с какой сей святой отец преодолевал трудности ради спасения душ. Рвение о душах палило ему сердце. Днём и ночью он не помышлял ни о чём ином, неустанно трудясь, чтобы привести их к Богу.

Поначалу дело его было нелёгким, ибо языки чернокожих из разных краёв многочисленны и разнообразны. На реках Гвинеи говорили на тридцати различных наречиях, а языки Анголы, Конго, Айды, Кабрала, Кабо-Верде, Сан-Томе и других

земель отличались друг от друга. Отец Клавер не владел ими, а на кораблях часто оказывались невольники из разных племён, поэтому приходилось с великим трудом приискывать толмачей, чтобы наставлять и обращать новоприбывших. Он щедро платил им за помощь.

Ничто не доставляло ему большей радости, чем весть о том, что прибыл корабль с неграми и стоит у порта. Узнав об этом, он спешил туда с товарищем, нагруженный дарами, а если не знал языка, брал с собой толмачей. Войдя на корабль, он сердечно приветствовал несчастных невольников, являя всю возможную доброту. Он раздавал им подарки, обнимал каждого, словно родного брата, и рассеивал их страх, внушённый слухами, будто их везут, чтобы переработать на масло, жир или костную муку. Убедив их, что они найдут в нём друга и защитника, готового помочь всем, чем только можно, он завоёвывал их доверие, и они привязывались к нему сильнее, чем к своим господам.

Отец Пётр прежде всего разузнавал, нет ли среди них новорождённых, которым грозит опасность, и если такие находились, крестил их, не сходя с корабля. То же делал с больными: осматривал их, утешал, а если их жизнь была под угрозой, через толмачей наставлял их в вере, насколько позволял время, и совершал святое крещение, чтобы они не умерли без него. А обнимал он их с такой нежностью, словно они были его детьми родными.

Служение своё он начинал ещё на корабле, но, когда невольники сходили на берег, его труды продолжались. Он ходил по их хижинам, прежде всего навещая больных, одаривал их, утешал и при нужде уделял им таинства. Затем собирал всех негров в одном дворе и там, вместе с толмачами, опускался среди них на колени, держа в руках образ Христа, как делал наш отец святой Франциск Ксаверий. Так он готовил их к принятию веры, наставляя в христианском учении. На это уходило много времени, и, когда силы покидали его, он вставал и продолжал учить, опираясь на длинный посох. Если и тогда слабел, садился на циновку или пустую бочку, а негры и толмачи рассаживались вокруг — кто на стульях, кто на скамейках. Капитаны и рабовладельцы, присутствовавшие при этом, восхищались его рвением и смирением и дивились, с какой любовью он заботился о спасении этих бедных рабов да притом как смирялся, следуя советам чернокожих невольников, которые ему помогали.

После крещения отец Клавер часто собирал негров, наставлял их в христианском учении и увещевал почаще приступать к таинствам, особенно к исповеди. При этом он объяснял им, как следует исповедоваться и иметь сокрушение о грехах, старательно описывая им тяжесть греха и ужасы наказания, что ожидают грешников. Для этого он использовал картины, изображавшие души в аду и демонов, их терзающих, каковые картины служили как бы книгами для неграмотных. Созерцание их вселяло в негров страх перед грехом, и некоторые из них давали обеты скорее умереть, чем согрешить. Такие наставления завершались актом сокрушения, который все сообща совершали, повторяя за ним слова, причём он стоял посреди них на коленях. Затем святой муж давал им своё благословение, раздавал гостинцы, приготовленные по случаю, и с лёгким сердцем отпускал слушателей, побуждая вновь приходить на учение.

У него были назначены особые дни для исповеди слепых, безруких и хромых – он договаривался, чтобы их доставляли в носилках, – особенно в Великий пост, чтобы дать им возможность исполнить долг перед Церковью. Предварительно он испрашивал разрешение епископского наместника, дабы они могли исповедаться в нашей церкви, а собрав их, готовил к достойному принятию святых таинств, объясняя, что надлежит делать. С великой любовью и добротой он исповедовал их, служил мессу и причащал. Если кто-то был так слаб, что нуждался в подкреплении, он поручал ризничему принести вина, которое тот обычно доставлял. После причастия и благодарения

благодетельный иерей устраивал для них трапезу, при которой лично, стоя на коленях, словно перед Самим Христом, Которого являют эти бедняки, подавал им кушанья, а безруких и немощных кормил с ложки. По окончании трапезы он прощался с ними, вручая каждому милостыньку, и распоряжался отвезти их домой в тех же носилках, на которых они были доставлены.

Святой отец заботился, чтобы невольники посещали мессу в праздничные дни. Когда исповеди оставляли ему время, он сам ходил в дома капитанов и купцов, где держали негров, собирал их и вёл на мессу, начинавшуюся в полдень или час дня. Если же исповеди занимали весь день, он посылал толмачей или негров посмышлёнее, чтобы те привели остальных. Каждому он вручал чётки, кресты или медали, которые те носили как знаки христианской веры, научая их молитвам и почитанию святых в меру их разумения.

Когда негров отправляли в другие края, отец Пётр горячо умолял капитанов обращаться с ними милостиво, навещал несчастных, обнимал, словно родных, и говорил, что, будь это дозволено, сам бы поплыл с ними. Он ободрял их не страшиться плавания, уверяя, что капитан о них позаботится, обещал непрестанно молиться за них, увещевал блюсти закон Божий, читать выученные молитвы и, в случае болезни или опасности, свершать акт сокрушения с искренним сожалением о грехах. Затем, держа образ Христа, он опускался на колени среди них и вместе с ними произносил акт покаяния. Провожая их к причалу, он благословлял их, а они, стоя на коленях, принимали благословение, как дети от отца, после чего он обнимал их одного за другим и давал каждому какую-нибудь милостыньку, чтобы они отбыли с утешением. Вот с каким усердием и тщанием он возделывал молодые побеги в саду Церкви, чтобы они укрепились в вере и принесли плоды вечной жизни.

Стоит упомянуть случай, почитаемый за чудесный, дабы ярче воссияла ревность сего благословенного отца. Сыскать толмачей для всех негритянских племён было нелегко, а без них наставление в вере становилось невозможным. Тогда блаженный отец собирал подаяния и посылал за толмачами в их родные земли. Однажды знакомый капитан готовился к отплытию к побережью Гвинеи. Пётр Клавер вручил ему золото, собранное милостыней, чтобы тот купил двух или трёх смышлёных негров, способных толмачить для своих соплеменников. Он наказал капитану твёрдо уповать на Бога, ведь, взяв с собой эту милостыню, он благополучно доберется до места, ибо от успеха его путешествия зависит спасение стольких душ, сколько у него волос на голове, а Бог не попустит, чтобы он потерпел неудачу и погиб. Эти слова врезались в сердце капитана, будто исходили из уст Божиих, утвердив в уповании, что Божественное Величество даст его предприятию благополучный исход. Однако у берегов тамошних царств корабль постигла лютая буря, в которой капитан потерял всё имущество, но, по чудесному промыслу, сохранил жизнь и золото, вверенное отцом Клавером. Для вящей убедительности приведём выдержку из его письма, где он описывает происшедшее следующими словами.

«В тот самый миг, когда все — и корабли, и люди — шли ко дну, я позабыл обо всём на свете: помнил только о поручении Вашего преподобия. Привязав оное к кушаку и подпоясавшись им поверх белых штанов, что одни на мне остались оставались, я бросился в море, уповаю лишь на это поручение и на множество душ, от него зависящих.

И тут чудо! Когда даже королевские галеоны оказались в опасности, Бог — не по молитвам ли тех самых душ? — тотчас послал мне большую черепашую раковину вместо шлюпки. Забрался я в неё, крепко вцепился за края, и Бог вынес меня живым на берег. Правда, голым и безо всякого имущества, кроме белых штанов да кушака с

малым количеством золота в нём».

Так он описал в письме своё приключение. Добрый капитан оказался столь верен своему поручению, что несмотря на крайнюю нужду не прикоснулся к золоту, почитая его милостыней, посвящённой Богу на спасение из пекла душ через святое крещение. Впоследствии он отправился к рекам Кашеу, где купил трёх чернокожих толмачей, смыслящих в языках. Они весьма помогли святому отцу в наставлении и обращении их соплеменников. Капитан же всюду свидетельствовал и исповедовал, что благодаря этой милостыне и по молитвам отца Клавера Бог спас его от страшной бури, в которой погибло столько людей.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. О МИССИЯХ, ЧТО СВЯТОЙ ОТЕЦ СОВЕРШАЛ ВО СПАСЕНИЕ ДУШ

В Евангелии Христос уподобил апостольских мужей и тружеников Церкви свечам, что светят людям (Мф. 5:14–16), дев же сравнил со светильниками: они сияют, оставаясь на месте, а если их двигать, могут разбиться и оставить пятна. Свечи, напротив, освещают улицы, площади и дороги, их носят повсюду без той угрозы, которой подвергаются светильники. Сие учит нас, что женщины, сколь бы добродетельны ни были, должны блюсти уединение. Чем строже они его хранят, тем ярче сияют. Выход же их в мир грозит утратой чести и спасения души. Свидетельство тому — пять неразумных дев, что, оставив уединение, пошли на площадь, хоть и по делу, казалось бы, необходимому — купить масла для светильников, – но сие привело к их несчастью: они лишились небесного брака, который обрели те, что сохранили уединение и встретили Божественного Жениха в бдении (Мф. 25:1–13). Такова угроза для дев, не хранящих уединения. Апостольские же мужи, подобно свечам, шествуют всюду, озаряя мир светом своего учения; и им не грозит опасность погибнуть, напротив, они умножают заслуги, творя добро ближним.

Сему учению следовали апостолы и все, кто наследовал им в проповеди и рвении о спасении душ, как явствует из книги «Евангельский делатель». Так же поступал и Пётр Клавер, ученик Христов и сын святого Игнатия. Его рвение не ограничивалось городом, и, когда позволяло время, особенно после Пасхи, он отправлялся в миссии по окрестным селениям, деревням и поместьям, где трудились негры. Там он проповедовал, наставлял, исповедовал и вёл их к небесам. Эти миссии он совершал с таким апостольским духом, что казался живым подобием учеников, посланных Христом проповедовать миру.

Он всегда ходил пешком, захватив с собою лишь breviарий, чётки и скромные подарочки для рабов, чтобы расположить их сердца. Без денег, без сумы, без посоха, не опираясь ни на что, кроме упования Божия, он был вооружён терпением и кротостью агнца. С радостью сносил он козни демонов, что через злых людей чинили ему войну в его святом служении. Нередко ему препятствовали лукавыми речами, жалуясь, что он отвлекает негров от работы. Такие хозяева не давали рабам ни мгновения досуга, чтобы исповедаться, причаститься, исполнить долг перед Церковью, а тем более на то, чтобы познать христианское учение и путь ко спасению, который оно указывает. Всё это блаженный отец одолевал с непревзойдённым терпением и дивной кротостью.

Никогда он не останавливался в гостях у священников или у управляющих поместий; обычным пристанищем его бывала хижина самого больного или старого раба, отвергнутого хозяевами за непригодность к работе – с ним он проводил время, утешая и одаривая, чем мог. Его ложем был жёсткий пол, без иного укрытия, кроме бедного

плаща; пищей ему служила горсть риса, сваренного в воде. В редкий день он решался полакомиться и дополнял обычный рацион варёным или печёным на углях бананом, приправленным золою (а ведь этот плод только выглядит вкусным, будучи похож на испанские огурчики, но отнюдь не столь полезен, ибо обладает такой холодной природой, что выжатый сок его — яд, который гасит сердечное тепло и причиняет смерть) [1]. Таковы были обычные трапезы святого отца в миссиях. Он никогда не принимал приготовленной для него пищи, даже горшка простой похлёбки, и тем более не принимал приглашений на обеды, от кого бы они ни исходили. Не брал он также ни денег, ни украшений, ни одежды, ни обуви, ни подарков, сколь бы малыми они ни были.

Следуя наставлению, что Христос дал Своим миссионерам перед тем, как послать их в мир (Мф. 10:8), отец Пётр прежде всего он заботился о больных, особенно о самых нуждающихся и забытых, подобно Христу, исцелившему расслабленного у купели, что лежал там тридцать восемь лет (Ин. 5:5–9). Затем он проповедовал святым [2], собирая их вечером, когда они освобождались от работы, наставляя их, подготавливая к таинствам и исповедуя всю ночь напролёт, при чём не давал своему изнеможённому телу никакого отдыха, ибо лучшим для него отдыхом была помощь душам тех несчастных, оставленных напроцёк без попечения. На рассвете он произносил краткую проповедь, служил мессу, причащал их и давал какое-нибудь угощение. С тем и отправлял довольными в поместья, чтобы они не опоздали к хозяевам.

Проповедовал он также и испанцам, и индейцам, и метисам, и всем, кто находился в тех селениях и поместьях. Там он пожинал величайший плод покаяния, расторгая многие незаконные сожителства и обращая их в освящённые браки, как то обыкновенно делал святой Франциск Ксаверий, по чьим стопам он и следовал.

Во всём он действовал от имени епископов и генеральных викариев, когда требовалось отпускать грехи и давать разрешения в особых случаях, подлежащих их ведению, и сим способом он узаконил многие дурно заключённые браки и вывел из греховного состояния бесчисленное множество душ. Он искоренил многие дурные обычаи, которые за долгое время пустили глубокие корни к великому ущербу для духовного блага душ; примирил многих врагов, претворяя ненависть в любовь, а гнев — в благоволение. Через его посредство было возвращено немало несправедливо нажитого имущества.

Дети примирились с родителями, жёны — с мужьями, с которыми были в разлуке, слуги — с хозяевами, а рабы — с господами. Ибо, едва разносилась молва, что отец Пётр Клавер странствует по округе, беглые негры спускались из лесных чащоб и предавались в его руки, а он отводил их к хозяевам и примирял с ними, ручаясь, что отныне они будут служить верой и правдой, как они и поступали из почтения к нему. Он был общим отцом для всех, и в нём находили неиссякаемый источник милосердия, утешение для душ и исцеление для тел.

Благодаря любви, которую питали к нему, и силе духа, с которой он проповедовал, селения и поместья преображались так, что казались в сравнении с прежним совсем иными. Ибо там уже не слышалось ни божбы, ни ругани, ни злобы; не было ни вражды, ни дурной привязанности. Все жили в святом мире, и пороки пьянства и разгула были изгнаны. Не было там бесчестия, но добродетель и благочестие: все усердно молились, слушали мессу и вверяли себя Богу как добрые христиане. Таковы были миссии этого апостольского мужа: казалось, тогда Дух Святой сходил на верных и преображал грешников в святых.

Но и этими миссиями в селениях не утолялась жажда его пламенного духа, ибо как костёр никогда не говорит «Довольно!», но от новых дров лишь разгорается сильнее и

мечет всё большее пламя, так и огонь божественной любви, пылавший в груди сего апостольского мужа, не угасал от обильных плодов, что он пожинал в упомянутых миссиях. Напротив, жажда его возрастала, и он извергал ещё большие пламена милосердия к ближним своим, придумывая новые миссии в самом городе, где обитал.

Много раз в году обходил он окраины и дома, где жили мулаты, бедняки и рабы. Он проникал в конюшни, закоулки и ниши под лестницами, где обычно и лежали эти несчастные, больные и всеми забытые, словно сор, выброшенный из города. Там он навещал их, утешал и исповедовал с величайшей любовью, и давал им подарки, какие мог. Если же они были тяжело больны, он заботился, чтобы им преподали Напутствие, сам подготавливая всё необходимое. Он подметал комнату, где они лежали, стелил покрывало и ставил образ, который держал при себе для этого случая; воскурял ладан и благовония, и окроплял всё ароматной водой, дабы изгнать зловоние, исходящее от их язв, и со всем благолепием приготовить помещение для встречи столь высокого Гостя, шедшего их навестить. Также он ставил свечи и устраивал алтарь, когда в комнате имелось место и состояние больного позволяло. А если священник задерживался, он сам, с его разрешения, шёл за святыми Святыми Дарами и преподавал их больным, прибегая к помощи чернокожих толмачей. Для этого обряда у него был готов балдахин из тафты с камышовыми шестами вместо рукоятей, дабы Святейшее Таинство несли со всем подобающим почтением.

Наконец, если больной находился при смерти, он уделял ему святое елеопомазание и оставался с ним до конца, утешая и ободряя его в смертный час, дабы спасти его душу.

Когда он выходил на эти миссии, то носил через плечо кожаную суму, в которой хранились образки, святой елей, альба и стола, огарки свечей, святая и душистая вода, фляжка с вином и несколько сухарей — всё, чтобы без промедления откликнуться на любую нужду. И хотя он был изрядно нагружен, двигался с удивительным проворством, не теряя при этом скромности, так что два-три спутника, бывало, выбивались из сил за один вечер, пытаясь за ним угнаться. Он же всегда жаждал спасти души, не жалея ни трудов, ни усердия.

Посещал отец Пётр и места, где по его сведениям устраивали танцы, но если там не творили бесчинств, он благоразумно оставлял их в покое, ибо негры от природы своей весьма склонны к пляскам под звуки флейт и барабанов и не могут обойтись без этого утешения. Но если он замечал что-нибудь неподобающее — пьянство или распутство, — он укорял и наказывал их, и отбирал барабаны, и сам нёс их по улицам в какой-нибудь известный и надёжный дом, где и оставлял на хранение. Если же он узнавал о каком-нибудь скандальном пороке — у негра или любого другого человека — и понимал, что может его уврачевать, то не успокаивался, пока не исцелял того больного и не вызволял его из греха, полагая, и справедливо, что болезнь души важнее и достойнее исцеления, нежели болезнь тела. В этом он преуспевал, о чём свидетельствуют многие особые случаи, о которых мы вскоре расскажем.

Святой Амвросий, дивясь Аврааму в дубраве Мамврийской, который у дверей шатра своего призывал странников, чтобы оказать им гостеприимство, сказал, что тот по великому своему милосердию «охотился» за бедными и путниками, дабы явить им свою любовь. С какою же большею правотою можно сказать это о нашем блаженном отце! Он не дожидался дома, пока мимо пройдут нуждающиеся, чтобы облагодетельствовать их, но, подобно охотнику, неутомимо устремлялся в горы и леса, в селения и в пустоши, дабы разыскать их и принести исцеление их телам и душам. Воистину, велико было его милосердие и многопламенна — ревность, достойные апостола Христова.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. В КОТОРОЙ ПРИВОДЯТСЯ НЕКОТОРЫЕ СЛУЧАИ, ЯВЛЯЮЩИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЕГО ВЕЛИКОЙ ЛЮБВИ К БЛИЖНИМ.

Много было случаев в жизни сего апостольского мужа, в которых он явил пыл своего духа и чистоту любви к ближним. И хотя невозможно поведать обо всех, мы приведём некоторые, дабы они послужили своего рода указанием на прочие.

Однажды пришёл к нему приходской священник и рассказал, что один бедняк находится при смерти и так упорствует в нежелании исповедаться, что, несмотря на все старания, склонить его сердце к исповеди не удалось. Весть сия пронзила сердце отца Петра. Он тотчас же накинул свой плащ и, придя к больному, говорил с ним с такой нежностью и явил ему столько любви — и гостинцами, и лаской, и вниманием, — что тот наконец смягчился и согласился исповедаться. Отец Пётр с великой радостью выслушал его, исповедал, отпустил грехи и уделил ему Святые Таинства — Причастие и Елеопомазание. И как только больной принял их, он испустил дух. Великое утешение было для отца, что он направил душу в небеса, и не меньшее — для самого больного, обретшего спасение. Но на этом его милосердие не иссякло, ибо простиралось оно не только на души, но и на тела. И потому он позаботился о почившем мулате: распорядился принести свечи, пригласил клириков и певчих, устроил ему торжественное погребение и отслужил много месс за упокой его души. Прочие мулаты были этим несказанно обрадованы, а весь город — назидаем.

На одном из кораблей армады загорелся пороховой склад, и пятеро офицеров так обгорели, что на телах их не осталось ни клочка кожи. Их доставили в приют, но вскоре их раны покрылись гноем и стали источать столь чудовищное зловоние, что никто не мог его выносить. Лишённые из-за этого утешения и для души, и для тела, они были в отчаянии. Узнав об этом, отец Пётр немедленно отправился в приют, чтобы помочь им. Он утешал их, приносил гостинцы, обмывал их и отгонял от них мух своей биреттой, нимало не смущаясь невыносимым смрадом. Он исповедал и причастил их и не оставлял до тех пор, пока им не стало лучше. Весь город стекался посмотреть не столько на их несчастье, сколько на милосердие святого отца, который, казалось, находил отраду в уходе за этими страдальцами, которых все чурались, словно прокажённых.

Странствуя во время одной из своих городских миссий, он искал больных, чтобы исповедать или крестить их. Он подошёл к дому, где жили негры, и у дверей встретил хирурга [3], который сказал ему: «Там внутри умирает негритянка, она неверующая и умирает без крещения. Посмотрите, ваше преподобие, не сможете ли вы её крестить, ибо, когда я уходил, она была без чувств». Услышав это, отец Пётр, подобно цапле, устремляющейся на добычу, влетел внутрь со своим спутником. Он нашёл несчастную лежащей на полу, без постели, без одеяла, одетой не лучше, чем распоследняя оборванка. Взор её был замутнён, пульс не прощупывался, а тело стыло; она не подавала ни голоса, ни малейших признаков жизни. Демон уже был уверен в своей добыче, но любовь и доблесть блаженного отца вырвали умиравшую из его когтей. Не отступая от своего намерения, как караульный, упорно стоящий на своём посту, он пять часов подряд боролся за её спасение. Он принёс огонь, вино и масло, подобно милосердному самарянину из Евангелия, и множество душистых благовоний и занялся больной: снял свой плащ и, кутал её, согревая и окуривая. И столько трудов он приложил, что её оледеневшее тело согрелось, и, будучи почти мертва, она возвратилась к жизни, открыла глаза и уста. Когда она пришла в себя, он с той быстротой и усердием, каких требовала болезнь, наставил её в вере, крестил и направил на небеса, вырвав душу из когтей бесовских. Хотя это и стоило ему многих

трудов, все они были ему в радость, ибо славную он одержал победу над общим врагом. В подтверждение того безмерного милосердия, которое отец Клавер питал к своим ближним, я хочу привести здесь отрывок из письма, написанного им своему провинциалу в 1627 году, где он говорит так:

«Вчера, тридцатого мая, в день Пресвятой Троицы, на берег сошёл большой корабль, доставивший негров с рек [4]. Мы пошли туда, нагруженные двумя корзинами апельсинов, лимонов, табака и прочего. Мы вошли в их жилища и будто очутились в самой Гвинее: повсюду лежали груды людей. Мы проталкивались сквозь них, пока не добрались до больных, коих было великое множество; они лежали на чрезвычайно сыром и грязном полу, усыпанном острыми осколками кирпичей и черепицы — такова была их постель, и при этом они были наги, без нитки одежды. Мы сняли наши плащи, сходили в другой погреб за досками, настелили пол в том месте и на руках перенесли самых тяжёлых больных, пробираясь между остальными. Мы собрали больных в два круга. Одним кругом занялся мой спутник со своим толмачом».

Прибавим к этим случаям ещё один, с осуждённым на казнь, который также явил великое милосердие отца. Одного фальшивомонетчика приговорили к сожжению. Отец Пётр, по своему обыкновению, тотчас поспешил к нему, чтобы утешить, помочь и приготовить его к этому мучительному и позорному испытанию. Он сопровождал его до самого места казни, неся, как всегда, не только образ святого Распятия для укрепления духа, но и скромные угощения, чтобы подкормить страдальца и не дать ему пасть духом в смертный час.

Когда палач накинул ему на шею гарроту, верёвка порвалась, и осуждённый стал падать, но добрый отец подхватил его в свои объятия. Он обтёр ему лицо, ободряя и глядя, словно родного сына. Палач попытался удавить его во второй раз, но верёвки снова лопнули. Отец вновь подхватил несчастного с той же любовью, что и прежде, прижавшись своим лицом к его лицу, которое было ужасно искажено от удушья: глаза выкатились из орбит, а язык вывалился изо рта. Но ничто не могло остановить благочестивого отца в его служении ближним и заботе о спасении их душ.

Один из присутствовавших там инок сказал ему: «Отче, что вы делаете? Вы же навлечёте на себя каноническое прещение, содействуя казни этого человека!»

«Неважно, какое прещение, — ответил тот, — лишь бы спаслась его душа. Впрочем, за это я его не получу». И, повернувшись к страдальцу, он не переставал его утешать и помогать ему претерпеть эту казнь ради любви к Богу, изрекая слова, полные благоговения.

В третий раз его возвели на эшафот, и в третий раз верёвки оборвались. Народ зашумел. Отец Пётр, видя, что правосудие настаивает на удушении, и понимая, в какой опасности находится несчастный осуждённый, велел петь музыкантам из собора, которых он привёл, чтобы почтить его похороны. Зазвучала музыка, а блаженный отец сказал осуждённому, что так же сладостно воспевая, встретят его ангелы на небесах, и что это лишь предвестие того пения, что он услышит там. Этими и другими святыми речами он ободрил, утешил и подготовил его так, что тот принял смерть как святой, и сие послужило великому назиданию всего народа.

И впечатление было столь велико, что один из доминиканских инок, бывших там, при виде великого милосердия отца не удержался и воскликнул: «Вот что значит быть истинными иноками! Вот апостольский муж, любящий души и презревший мир!» И то же самое чувствовали все в сердцах своих, почитая его за святого и благоговей перед ним.

Завершим эту главу единственным в своём роде случаем, который произошёл с одной местной старожилкой, негритянкой. Ей было почти сто лет, и большую часть своей жизни она прожила в Картахене, имея репутацию не просто христианки, но весьма благочестивой и примерной: она часто исповедовалась и причащалась и вела себя в точности как подобает доброй католичке. Но на самом деле она таковой не была, ибо её не крестили по обрядам Церкви, а она из тщеславия всегда это скрывала. Ведь люди её сорта, прожив некоторое время в тех краях и освоившись, почитают за оскорбление, когда кто-то сомневается в их крещении. И эта женщина, ослеплённая гордыней, утаивала, что крещения над ней не свершили, и подавляла укоры совести и те напоминания, что посылал Бог её сердцу, дабы она крестилась и стала истинным членом Его Церкви.

После долгой внутренней борьбы она наконец пала к стопам отца Клавера. Он же, вдохновлённый Богом и движимый опытом, который имел с крещениями, совершёнными над этими людьми на их родине, завёл с ней речь о том, как её крестили, подчёркивая необходимость принять таинство по-настоящему, чтобы войти в Царство Небесное. Она, полагая, что Бог открыл ему и неполноту её крещения, и борьбу её совести, глубоко вздохнула и, проливая потоки слёз из глаз своих, сказала ему:

«Знайте, отче, что я не крещена по-настоящему. Когда меня привезли с моей родины, меня спросили, хочу ли я быть христианкой. Я ответила «да», и меня назвали Хуаной, но не возлили на меня воды, как это делают обычно при крещении. А из-за своей гордости я скрывала этот изъян, живя как христианка и страдая в сердце своём от непрестанной борьбы с навязчивыми мыслями о том, что надо бы креститься. Я сопротивлялась им с величайшим упорством, пока этой ночью мне во сне не явилась Пресвятая Дева Мария в белом одеянии и Её святейший Сын, пригвождённый ко Кресту. Они укоряли меня за то, что я не принимаю святого крещения в воде, и смотрели на меня с таким гневом, что я исполнилась страха и пришла к твоим стопам, дабы ты крестил меня, прежде чем придёт конец моей жизни».

Отец очень обрадовался этому рассказу и, удостоверившись в истине, преподавал ей крещение с равной радостью для обоих: для неё — потому что она освободилась из сетей сатаны, и для него — потому что после многих лет вызволил её и вернул на путь к небесам.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. О ЕГО РЕВНОСТИ В ОБРАЩЕНИИ ЕРЕТИКОВ К НАШЕЙ СВЯТОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ВЕРЕ И О ТРУДАХ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

Рвение этого пламенного отца не ограничивалось одними лишь неграми-язычниками, но с той же любовью и горячей жадой спасения душ он всеми силами стремился наставить на истинный путь Церкви еретиков и упрямых мавров, прибывавших в Картахену. И Бог даровал ему обильную жатву соразмерно желаниям в 1639-1640 гг., когда по приказу Его величества могучим ударом были изгнаны с островов Св. Христофора и Св. Екатерины полчища англичан и голландцев, которые захватили те земли. Их привезли в порт Картахены.

Как только весть об этом дошла до ревностного отца Клавера, он обратился к ректору коллегии, чтобы тот распорядился обратить их в лоно Церкви. С пламенной готовностью он вызвался забросить в это море неверных сети и не выпускать их из рук, пока не вытащит несчастных из тины пороков и тьмы заблуждений. Настоятель с радостью дал ему дозволение и всё необходимое для столь славного и угодного Богу

дела. Отец Пётр нашёл католических толмачей и снарядил лодку, но не с военными припасами и вооружёнными солдатами, а со смиренными, ревностными подвижниками, горящими желанием обращать души. Они вошли в залив и, переплывая от одного корабля к другому, добрались до большой барки, где находилось шестьсот английских еретиков и всего четырнадцать испанских солдат для охраны.

Испанцы приветствовали наших и попросили отслужить им мессу, так как они не слышали её с тех пор, как покинули острова. Отец с великой радостью исполнил их просьбу. Взошли на корабль, устроили алтарь, и отец Клавер, облачившись, отслужил мессу. Все еретики с величайшим вниманием следили за обрядами святого Жертвоприношения, которого они не видели ни разу в жизни. Отец служил мессу с таким благоговением и достоинством, что они пришли в восхищение и смутились, размышляя об увиденном и обсуждая его.

Затем он попросил дозволения молвить и через толмача обратился к ним с проповедью слова Божьего. Но поскольку было уже поздно, его попросили отложить сопроводительную беседу на потом, обещая выслушать его неспешно и для этого сойти на берег, встретиться с ним и поговорить. Солдаты пригласили его разделить с ними трапезу, и отец согласился, приняв приглашение, как некогда Христос принял приглашение святого Матфея, чтобы по окончании трапезы напитать их пищей небесной. Вместе с ними обедали и некоторые англичане. Они спросили отца, не желает ли он повидаться с их епископом, который прибыл вместе с ними. Это предложение было как нельзя более кстати, ибо наш проповедник уповал на божественную доброту: если удастся склонить на свою сторону главу, то и остальное тело легко подчинится. Он поблагодарил их за любезность.

И вот из каюты на корме вышел старец, весьма почтенного и благообразного вида, убелённый сединами, длиннобородый, со строгим лицом и неспешной походкой. Во всех его движениях сквозила великая скромность. Его сопровождали самые уважаемые из старших, и все относились к нему с почтением. Отец Пётр вышел ему навстречу со своими спутниками, оказал ему все знаки уважения, и они учтиво приветствовали друг друга. Затем, по совету испанского капитана, отец Клавер произнёс тост по обычаю своей страны, что весьма тронуло архидиакона Лондона (ибо таково было его звание). Он обратился к отцу по-латыни, предложив поговорить наедине.

Они удалились, а в это время его спутники беседовали с еретиками об основах нашей святой веры, изъясняя им истину через толмачей. Долгие часы провёл отец Клавер с епископом-еретиком, стремясь вернуть его на истинный путь католической веры, и почти уже убедил его. Но наступила ночь, и он вспомнил, что это был день святой Урсулы, родом из Англии. В завершение беседы он сказал: «Господин мой, вспомните, что в такой день, как сегодня, святая Урсула со всеми своими спутницами-англичанками отдала жизнь за католическую истину, о которой я вам говорю. Посмотрите, как противоречит ваша вера той, которую исповедовали они. И знайте, что святой Луций, первый король Англии, был так послушен Апостольскому Престолу в Риме и питал такое благоговение к престолу св. Петра, что каждый год посылал ему богатые дары и подношения, как дань и знак своего признания. Так поступали и все короли, его потомки, до Генриха VIII и Анны Болейн. А вы и все ваши последователи идёте по ложному пути в ад, следуя протоптанной ими тропинкою заблуждения и оставляя верный путь предков».

На это еретик ответил, что согласен с этими утверждениями, но не может объявить об этом сейчас, а сделает это в час своей смерти, примирившись с Церковью. Отец Клавер настаивал, чтобы тот отрёкся от ереси немедленно, не дожидаясь обещанного срока, но имущество, сан, честь и дети так крепко держали епископа, что у него не хватило духу

разорвать эти цепи.

Отец Клавер простился с ним и со всеми, взяв с них обещание, что они встретятся на берегу. Еретики сдержали слово и пришли в нашу обитель, где их приняли с любовью и радушием. И чтобы не утомлять рассказом о всех перипетиях их обращения, скажем лишь, что из этого «улова» более пятисот человек обрели веру. Первым из них был один несчастный, сошедший с корабля тяжело раненным и настолько больным, что спустя несколько дней он скончался, успев, однако, обратиться в католическую веру, исповедаться, причаститься и принять все таинства.

Отец Клавер, по своему обычному милосердию, устроил ему почётные похороны, пригласив всё духовенство и иноков, хор из собора и городскую знать. Это послужило для остальных сильным побуждением обратиться в нашу веру, особенно когда они увидели, что умерших еретиками хоронят в поле, как собак, волоча их тела по земле. Весьма тронуло их и то милосердие, с каким ухаживали за больными, лечя их и одаривая со всей возможной заботой и состраданием.

Целые дни он проводил в духовной брани с одним упорным еретиком, лежавшим в приюте без рук и ног; тело его было подобно бревну, но и душа — тверже дуба. Уже почти отчаявшись обратить его и оставив умирающего в агонии, он пошёл ухаживать за другим больным. Но еретик, видя его сострадание и доброту и слыша, с какими нежными словами он утешает того другого, был так тронут, что, приподняв голову, сделал знак, подзывая отца, ибо сил говорить у него уже не было. И когда тот подошёл, Господу угодно было дать ему дар речи, и он, как мог, произнёс слова покаяния, попросил у всех прощения и примирился с Церковью. Отец отпустил ему грехи и ереси с той поспешностью, какой требовала болезнь, и тот умер католиком к великой радости и изумлению всех присутствовавших, которые восславили Бога за дивные пути, коими Он приводит души на небеса.

Но вернёмся к архидиакону Лондонскому, которого еретики почитали за своего епископа. Отец Клавер не забывал о нём, но непрестанно вверял его Богу, молясь о его обращении в своих мессах и молитвах как о деле, чрезвычайно важном для спасения всех. И надежды его не остались тщетны, ибо епископ сам предался в его руки следующим образом.

В канун дня Всех Святых, находясь в приюте святого Лазаря, отец Пётр увидел, как несут носилки в сопровождении многочисленной нарядной толпы. С них при помощи своих спутников сошёл упомянутый епископ; лицо его совершенно осунулось, и вид у него был больной. Он устремил взор на отца, который тотчас же пошёл ему навстречу. Обменявшись сердечными приветствиями, они обнялись как друзья, и епископ произнёс следующие слова: *Tempus est adimplendi vota mea, qua tibi, & Deo meo promisi, convertendi cor meum ad veram, Catholicam Religionem Patrum meorum, sanctae Romanae Ecclesiae* («Настало время исполнить мои обеты, которые я дал Богу и тебе, — обратить моё сердце к истинному, католическому благочестию отцов моих, святой Римской Церкви»).

И затем он продолжил, умоляя отца не оставлять его в этот смертный час, ибо он был весьма измучен болезнью и хотел неспешно поговорить с ним о своей душе. Добрый отец несказанно этому возрадовался и вознёс бесчисленные благодарения Господу за обращение этого человека. Он с великой любовью помог ему примириться с Церковью, побудив предварительно публично отречься от всех ересей. Тот исповедался в своих грехах с глубоким сокрушением и слезами, принял святейшее таинство Евхаристии и Елеопомазание и, ведя с отцом Клавером тихую и нежную беседу, предал свою душу Создателю. Отец Пётр позаботился о том, чтобы похороны его были устроены со всеми почестями, подобающими его сану.

Ересь изображают в виде змеи за её коварство и смертоносный яд заблуждений, который она изрыгает устами своими. А змея, как говорит святой Августин, такова, что стоит поразить её в голову, как тут же и всё тело её поражено. Истинность этих слов подтвердилась в обращении того епископа, который был главой следовавших за ним еретиков. Ибо, когда пал предводитель, все они признали себя побеждёнными, и по его примеру обратилось столько людей, что генерал армады по просьбе отца Клавера зачислил их солдатами короля, назначив им жалование по их званию. Так своими плодотворными трудами отец Клавер обрёл воинов и для Царя небесного, и для царя земного, превратив их из неверных в верных, из врагов в друзей и вассалов Его величества. Из них он сформировал полк более чем в тысячу человек, которые верой и правдой служили на суше и на море.

Обращение этого епископа помогло также из первых уст узнать, каким образом еретики совершали крещение. Прежде существовали большие сомнения, действительно ли таинство, совершённое ими, и не следует ли его повторять. Епископ разъяснил, что иногда они погружали три пальца в воду и, вынув их, проливали на крещаемого несколько капель, на манер того, как окропляются святой водой при входе в храм. В других случаях они чертили крест на лбу омоченными в воде пальцами и так крестили, со словами: «Я крещу тебя...» и так далее. С того времени было решено крестить всех обращённых условно, дабы не оставлять в сомнении дело столь великой важности.

Когда отец Клавер с присущим ему духовным рвением занимался обращением этих еретиков, произошёл случай, о котором нельзя умолчать. В приюте лежал больной, чрезвычайно упорный в своей ереси. Добрый отец дни и ночи трудился, чтобы обратить его, но без всякого успеха, ибо тот, едва услышав имя Папы, или Римской Церкви, или её таинств, затыкал уши руками и отворачивался к стене.

При этом присутствовал один житель Картахены, который питал к своему недругу столь лютую ненависть, что много дней искал его, чтобы убить. И столько же дней отец Клавер увещевал его оставить эту вражду и примириться с врагом своим. Однажды вечером, после очередной бесплодной беседы с больным еретиком, отец Пётр решил обратить свои усилия на мстителя, надеясь обрести в нём то, чего не достиг с другим. Взяв картახенца за руку, он попросил того пойти с ним до коллегии. По дороге добрый отец возобновил увещания и привёл множество духовных и святых доводов к тому, чтобы тот простил обиды, как Христос простил Свои. На это собеседник его ответил:

— Не утруждайте себя, отче, проповедью. Я оставлю свою месть тогда, когда тот упрямый еретик оставит своё зловерие.

Отец возвёл очи и сердце к Богу, прося небесной помощи, чтобы одолеть их обоих. И Божественное Величество даровало ему её, ибо тотчас же прибежал человек и от имени того самого еретика попросил его вернуться: несчастный (о, могущественная рука Всевышнего!) попросил примирить его с Церковью, ибо Бог призывал его, и он чувствовал, что жизнь его на исходе. Отец с величайшей радостью исполнил его просьбу. А мститель, видя столь дивное чудо, раскаялся в своих грехах, оставил давнюю ненависть и примирился со своим врагом. Упорный еретик умер католиком, а мститель обратился к Богу, превратившись из свирепого льва в кроткого агнца — по благодати, которую Божественное Величество ниспослало им через отца Клавера. Который и вознёс Ему безмерную благодарность за столь великую милость.

Слишком долгим был бы наш рассказ, если бы мы вздумали подробно перечислять все обращения еретиков, которые в ту пору, благодаря усердию и святой ревности сего апостольского мужа, были возвращены в лоно Церкви. Среди них были и проповедники, и наставники их лжеучения, и знаменитые воины, капитаны и

предводители их отрядов. Не будучи наставлены в церковных молитвах, они в час смерти взывали: «Святые Испании, святые Испании, будьте со мной и защитите меня!» — тем самым свидетельствуя, что умирают в римско-католической вере, которую исповедует наша Испания. Это стало великим духовным благом для их душ и не меньшим утешением и назиданием для верных, которые, слыша это, возносили безмерную благодарность Богу, доброму отцу Клаверу и его спутникам, через которых он собирал столь обильную жатву душ для небес.

Примерно в то же время в гавань Картахены вошла флотилия кораблей с грузом негров, число коих было весьма велико: свыше десяти тысяч. Значительная часть их была больна. С прибытием испанского войска и упомянутых англичан число жителей города удвоилось, и, когда домов перестало хватать, люди стали селиться в полях и на кораблях. Одни жили на судах, другие — под открытым небом, терпя все превратности погоды. Толпы народа поглотили все припасы, так что многие гибли от голода, и счастливец считался тот, кому удавалось раздобыть немного кукурузы или хлеба с отрубями, чтобы прокормиться. От голода, дурного обращения и перемены климата вспыхнула свирепейшая чума. Начавшись среди чужеземцев, она перекинулась на местных жителей и распространилась так, что не осталось ни одного дома, ни одной семьи, не затронутой губительной заразой.

В приютах лежало по пятьсот больных; все дома в городе и даже сами корабли превратились в лазареты. Нужда и тех, и других была почти крайней — как в лекарствах и телесном пропитании, так и в духовной помощи. Но более всех страдали негры, как люди самые обездоленные и всеми отверженные. Тела их были покрыты язвами, сочащимися гноем и кишачими червями. У них не было ни постелей, ни крова, ни защиты, а смрад, исходивший от них, был так силен, что туманил разум и лишал чувств всякого, кто к ним приближался. Сама эта вонь, казалось, вела войну с теми, кто мог бы им помочь, не давая даже подступить.

Один инок попытался войти, но, едва приблизившись к дверям, вдохнул чумного воздуха и тут же лишился чувств. Ему было так худо, так тошнило его, что два дня он не мог прийти в себя. Другой священник пошёл причастить негра и от одного лишь зловония почувствовал, как дурнота подступает к горлу. Два дня он не мог проглотить ни куска и, с помутившимся рассудком, не в силах был исполнять своё служение. Эта чума свирепствовала более трёх месяцев, унеся жизни множества людей всех сословий.

Но кто в силах описать, как пировало ненасытное милосердие блаженного отца Клавера сей обильною жатвою, что представляла собою эта флотилия, доверху нагруженная больными, где он мог стяжать сокровища для небес? Не бывало ещё купца, столь алчного до земных богатств и с такою отвагою бросающегося на их приобретение, с какою отец Клавер отдался всеми силами, с неутолимой жаждой спасать души и творить добро всем, врачую духовно и телесно этих больных.

И поскольку зараза и нужда затронули каждого, то и забота всей коллегии Общества Иисуса об умирающих была всеохватной. Не осталось ни одного иерея, ни одного инок, от ректора до последнего новicia, кто не посвятил бы себя служению им. Во главе их стоял отец Клавер, воодушевляя всех своим пылом духовным. Ибо, как гласит священная история, по мере того как Бог обогащал Соломона благодеяниями Своими, Он возвращал в нём и щедродушие, дабы ими делиться. Так же было и с сим апостольским мужем: по мере того как Бог давал ему обильную жатву, на которой он мог проявить свою святую ревность, Он возвращал в нём щедродушие и углублял милосердие, чтобы трудиться на ней.

Так, презрев собственную жизнь, добрый отец всего себя посвятил служению зачумлённым, помогая им днём и ночью, исповедуя их, причащая и уделяя им все

тайнства. Бывали дни, когда в одном только приюте он преподавал Напутствие более чем сорока умирающим. Он распределял своих спутников по самым нуждающимся домам, обходя вместе с ними все кварталы города, корабли и поместья, где были больные, навещая их, уделяя им тайнства и одновременно доставляя еду и лекарства ради их телесного здоровья. На себя же отец брал дома зачумлённых негров, куда никто не мог войти из-за невыносимого смрада; но пламя его милосердия прожигало заросли препятствий.

Обычно он выходил в город на рассвете и трудился, исповедуя и готовя несчастных к смерти, до полудня, а после обеда вновь возвращался и трудился до ночи; ночью же посещал приюты, заботясь, как ревностный и бдительный отец, об утешении и спасении каждого. Подобно солнцу в вечном движении, он обходил всех, всех освещая и всем творя добро. Редко кто умирал без того, чтобы он не был у его изголовья, ибо он всегда спешил к самым нуждающимся. Множество неверных крестил он в смертный час, направляя их души с одра болезни прямо в рай, и не меньше было закоренелых грешников, которых он вытаскивал из тины их пороков. Были и такие, кто вместе с духовным исцелением получал от его рук и телесное, ибо Бог умножал его здоровье и силы по мере того, как он тратил их на уход за больными.

Среди прочих была одна негритянка, у которой на щеке образовался карбункул, разверзшийся затем безобразной раной, источавшей едкое, словно дым, зловоние. Чтобы она не заразила остальных, её поместили отдельно, и хотя все избегали её, отец Клавер по своей безмерной милости взял попечение о ней на себя. С величайшей нежностью он ухаживал за ней и служил ей, принося еду и лекарства, промывая её язвы розовым уксусом [5] и давая необходимые для выздоровления укрепляющие средства. Точно так же он с безграничной любовью и удивительным милосердием поступал и со многими другими испещрёнными язвами и покрытыми гноем неграми, от которых все отвернулись.

И Бог даровал ему награду за его труды той монетой, какой платит своим избранникам, послав ему в конце эпидемии тяжёлую болезнь, дабы он упражнялся в терпении, как прежде упражнялся в милосердии. И он принял её как бесценный дар из руки Господней.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. О ЕГО ЖАЛОСТИ КО ВСЕМ

Если велика была святая ревность о спасении душ ближних, что всегда пылала в груди святого отца Клавера, то не менее пламенным было и его милосердие, побуждавшее его откликаться на их телесные нужды. Ибо Дух Божий, обитавший в его сердце, возбуждал в нём глубочайшую жалость и сострадание ко всем. Он любил каждого, как самого себя, и сострадал чужим мукам более, нежели своим собственным, а потому делал всё возможное, чтобы утешить страдальцев, помочь им и исцелить их в болезнях, и укрепить в трудах, используя для этого все средства, какие подсказывает сострадание, не считаясь ни с затратами, ни с хлопотами, ни с усилиями и нередко рискуя собственной жизнью ради здоровья своих братьев.

И милосердие его, подобно огню, что сперва и с большей силой охватывая то, что ближе, обращалось прежде всего на своих — на тех, кто жил с ним в одной обители. Он служил больным инокам с состраданием и заботой, навещая их, утешая и исполняя обязанности сиделки, и сопереживал их недугам так, словно сам страдал от них. Воистину, мог бы он сказать вместе с апостолом: «Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал?» (2 Кор. 11:29).

Он навещал их по многу раз в день, доставал лекарства, сам давал их, подметал их кельи, мыл их судна, прислуживал им днём и ночью, исповедовал их, уделял им тайнства и к великому их душевному утешению с дивной любовью помогал приготовиться к смерти. И это касалось не только отцов и старых братьев ордена, но и самого младшего новиция, и простого кандидата, и слуг коллегии, и даже чернокожих рабов, трудившихся в наших поместьях — ко всем он проявлял одинаковую милость, не делая различия между людьми, как не делает его огонь, сообщая своё тепло. Во всех он видел Христа, и только Ему, и только ради Него служил с огромной любовью, как то видно из следующих случаев.

Заболел как-то в коллегии один новиций, и блаженный отец взял на себя заботу о нём, посвятив себя уходу за больным. А поскольку келья новиция была не слишком удобна для лечения, он перенёс его в свою и уступил ему собственную постель, где и выхаживал его, собственноручно давая лекарства и с любовной отеческой нежностью заботясь о нём, пока тот не выздоровел и не смог вернуться в свою келью, исполненный утешения, а также благодарности к отцу, который его исцелил.

Привозили из эстансий коллегии (так в тех краях называют загородные имения) и некоторых заболевших негров, которые там трудились. И подобно тому, как охотник, завидев добычу, устремляется к ней, так и милостивый отец спешил к чернокожим, чтобы лечить их и заботиться о них. Он приготавливал для них комнату, стелил постели, утешал страждущих надеждой на исцеление и приносил на радость гостинцы. Ухаживал он за ними с такой любовью и нежностью, что, будучи больны, они чувствовали себя лучше, чем в пору здоровья, и почитали свою болезнь за благо, ибо она давала возможность им вкушать милости и сострадания этого заботливого попечителя.

И хотя он вёл себя так со всеми, но когда заболевали чернокожие толмачи, которых он брал с собой для обращения новопривывших, он оказывал им милосердие сверх всякой меры: на свои средства приглашал лучших врачей города и доставал лучшие лекарства, сколь бы дороги они ни были, а также изысканные сласти, птичье мясо и угощения — всё, что только можно было вообразить для их выздоровления. Нередко он уступал им свою постель, а сам спал на полу, чтобы им было удобнее, и не на день-два, а на целые месяцы.

Он бодрствовал, когда они спали, оберегая их сон; развлекал их после еды, рассказывая поучительные истории о святых, что их занимало; обмахивал их веером и отгонял мух, чтобы облегчить их жар и унять страдания, не пропуская ни одного дела человеколюбивого и милосердного, какое только можно было совершить для них.

Забываясь о больных, он не забывал и о здоровых, ибо пламя любви его простиралось на всех. Каждый день после обеда он брал ключи от ворот, чтобы привратник мог отдохнуть. В это время он собирал нищих, наставлял их в христианском учении, а затем раздавал им еду. Нередко он садился обедать вместе с ними, почитая себя нищим и убогим, каковым, по правде, и был, и стыдясь, как бы кто другой не превзошёл его в бедности и унижении, как то повествуется о святом Франциске.

Точно так же он много раз поступал и с больными неграми, разделяя с ними трапезу — не просто за одним столом или на полу, но и из одной тарелки, вкушая одну и ту же пищу, дабы они почувствовали себя желанными гостями. Так он становился всем для всех, чтобы всех приобрести для Христа (ср. 1 Кор. 9:22).

Но и на этом не исчерпывались изыски его милосердия. Он договорился с поваром коллегии, чтобы тот готовил похлёбку для бедных с особым старанием, а сам собирал пожертвования, чтобы сделать её повкуснее. Если исповеди оставляли ему время, он

лично шёл на кухню готовить, почитая за милость Божию возможность побыть поваром для Христа, Которого, как мы уже говорили, он видел в бедняках.

В праздники Пресвятой Девы он устраивал пышное угощение, подготавливая подарки и накрывая обильный стол для нищих и для тех, кто стыдился просить милостыню. Он приводил музыкантов, чтобы они играли, пока те ели, сам садился с ними за стол и с отеческой любовью раздавал кушанья и подарки. И казалось, что Бог умножает пищу в его руках, как некогда в руках Христовых в пустыне Тивериадской, ибо еды никогда не бывало в недостатке, а всегда оставались излишки, сколько бы народу ни приходило.

В Великий четверг он проводил эти встречи с особой торжественностью и не меньшим благоговением: омывал нищим ноги и с великим смирением целовал их (в память о том, как Христос омыл ноги Своим апостолам), а затем с великой любовью и благочестием кормил их.

Христа хотели сделать царём, когда он накормил народ в пустыне, и все провозглашали его великим пророком, но Он уклонился от них, не приняв этой почести, ибо пришёл искать не славы, а душ. Нашего же отца Клавера за милостыни, и более того — за любовь, с которой он их творил, все провозглашали святым, почитая его как такового и повсюду рассказывая о его милосердии. Но он бежал от любых почестей, считая себя худшим грешником в мире, и обращал сие почтение лишь на то, чтобы приводить людей к Богу. Ибо на всех этих трапезах он говорил с ними об исповеди и неизменно встречал отклик. Побуждаемые его добротой и любовью, влекомые благоуханием его святости, участники трапез приходили к нему исповедоваться. Таким образом он привёл к Богу множество душ, собственноручно потчует людей и телесною пищей, и лекарством духовным.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. О МИЛОСЕРДИИ, КОТОРОЕ ОН ЯВЛЯЛ К ТЕМ, КТО БЫЛ ВНЕ ОБИТЕЛИ

Такое милосердие он являл к живущим в стенах коллегии. И не меньшим было то, что он расточал за её пределами: ибо не было такого несчастного в больнице или тюрьме, хворающего на дому бедняка или благородного нищего из тех, кто стыдятся просить подаяния, кто не ощутил бы на себе пламя его любви. Двадцать лет подряд он заботился об одной бедной негритянке, больной, искалеченной и покрытой язвами. Она жила в убогой хижине и была совершенно всеми покинута; никто не решался переступить её порог из-за смрада, исходившего от её ран, и страха заразы. А добрый отец по своему безмерному состраданию приносил ей еду и все необходимые лекарства, врачевал и утешал её. Он кормил её с великой любовью, находя в том утешение для себя и вызывая восхищение у тех, кто наблюдал со стороны, не имея духу совершить для этой несчастной столь великое дело милости.

Точно такое же милосердие он проявил и к другому бедному калеке, который, как он узнал, был всеми покинут и не имел ни постели, ни лекарств от своей болезни. А блаженный отец, выпросив в качестве милостыни одежду, взвалил её себе на плечи, и с помощью своего спутника пронёс на виду у всего города. Он стелил ему постель и укрывал его, подметал комнату, приносил лекарства и гостинцы, лечил его и заботился о нём, как о чаде Божиим и образе Иисуса Христа. Он врачевал его тело и душу одновременно, исповедуя его и уделяя ему таинства. А чтобы ещё паче его ободрить, он много раз говорил ему, что завидует ему, ибо тот, страдая во время болезни, уже на одре стяжает себе небеса и каждый день копит бесценные сокровища славы, в то время как он сам, в добром здравии разгуливая по улицам и площадям, по множеству грехов

своих скорее теряет, чем приобретает.

Постоянно захаживал отец Пётр и в больницы, а чаще всего — в приют святого Лазаря, где содержались прокажённые, а потому он был самым заброшенным. Войдя, он снимал свой плащ, брал веник, подметал палаты и стелил постели больным. Он раздавал им подарки, кормил их из своих рук, выносил нечистоты и мыл самые грязные судна, ничем не брезгуя. Он увещевал страдальцев потерпеть и исповедью очистить души от проказы греха, ибо часто телесные недуги происходят от душевных, а потому, если искоренить их причину, то и здоровье вернётся; если же не вырвать корень, то, сколько ни лечись, исцеления не обретёшь. Этими и подобными доводами он побуждал их к исповеди и врачевал их тела и души одновременно.

Много раз видели, как в приюте святого Лазаря он обнимал самых отталкивающих больных, прижимаясь своим лицом к их лицам. И не раз, как утверждают под присягой, он вылизывал их язвы, подражая св. Екатерине Сиенской, св. Франциску Ксаверию и другим святым, совершавшим подобные подвиги героической добродетели. И не удивительно, что он творил те же деяния, ведь в нём обитал тот же дух, что и в них; и как от одного и того же корня всегда произрастает одно и то же дерево, а от него — тот же плод, так и от одного и того же духа всегда исходят схожие действия.

Любимцами его были самые отверженные бедняки, отпугивавшие всех своими язвами. Добрый священник согревал и утешал их, укрывая своим плащом, а иногда расстилал его на земле, чтобы самые немощные из калек могли присесть, пока он перестилал им постели или вёл духовные беседы. Он искал для них одежду, лекарства и всё необходимое для лечения.

Однажды ему сказали, что некий чахоточный бедняк уже кашлял кровью, и советовали держаться от него подальше, чтобы не заразиться. Но для отца Петра это предостережение прозвучало как сигнал к атаке: он немедленно пошёл к больному, обнимал его, утешал, лечил и уделил ему таинства со свойственным ему милосердием.

Когда убогий приют святого Лазаря обрушился, добрый отец взял на себя его восстановление. Невероятно, сколько он выстрадал и потрудился, на своих плечах таская землю и брёвна, собирая пожертвования на строительство и собственными руками возводя этот дом Божий. Он приходил утром и работал весь день. Еду ему приносили из обители, и он делил её с бедняками, а сам съедал кусок из их собственной тарелки, не брезгуя их проказой, словно был одним из них.

Однажды его позвали исповедать негра. Он поспешил, но быстрокрылая смерть оказалась проворнее и прибыла раньше, из-за чего отец застал больного уже мёртвым, о чём глубоко сокрушался душой, хотя вины его в том не было, и совесть его была чиста. Желая восполнить эту утрату другим делом милосердия, он вошёл в приют святого Лазаря и стал обходить больных одного за другим, утешая их. Когда ему поднесли ночной сосуд одного из самых грязных пациентов, он ощутил отвращение, но, устыдившись своей брезгливости, поборол её: он взял сосуд в руки и на глазах у всех вынес, чтобы вычистить и вымыть, и это преподавало превосходный урок тем, кто это видел.

Но ещё более удивителен случай, произошедший в доме одного капитана, у которого было много негров на продажу и куда отец Пётр пришёл наставить их в вере. Войдя, он, по своему обыкновению, спросил о больных. Ему ответили, что один из них, весь покрытый гноем, внушающим омерзение, лежит в чулане или какой-то каморке, куда никто не заходит из-за смрада. Отец спустился туда. Приблизившись, он ощутил волну зловония, исходившего от больного, что вызвало естественное отвращение, но, устыдившись себя и решив, что слишком слабо любит ближних, Пётр Клавер решил

наказать себя и побороть свою природную брезгливость.

Обнажив левый бок, он долго и жестоко бичевал себя, приговаривая: «Ты отказываешься подойти к своему брату? Так подойди же, как бы тебе это ни претило, как бы ни было трудно, ведь он — твой ближний, за которого умер Иисус Христос!» Закончив бичевание, добрый иерей вошёл в каморку, приблизился к больному и, всячески выказывая доброе к нему расположение, преклонил колени. А для полной победы над собой он прижался глазами, лицом и губами к его язвам и даже смачно облобызал их, к ужасу тех, кто это видел, но и к великому их назиданию, а особенно посчастливилось несчастному больному, которому Бог посредством сих действий даровал исцеление и телесное, и душевное.

Одержав эту славную победу, отец Клавер так основательно поборол в себе отвращение к страдальцам, что вся его радость и утешение отныне заключались в том, чтобы жить и пребывать рядом с ними. Зловоние, исходившее от их язв, стало для него нежнейшим ароматом, которым он услаждался.

Однажды его позвали исповедать чернокожего раба, принадлежавшего доктору дону Аугустину Сабаниа, инквизитору того города. Несчастный раб был весь покрыт язвами, но отец с радостью вошёл к нему, чтобы исповедать его и утешить. В это время в дом вошёл и сам инквизитор. Узнав, что отец Клавер здесь, он пошёл повидаться с ним и, когда приблизился к каморке своего раба, застал святого отца на коленях, облизывающим его язвы. Инквизитор остолбенел, глядя на это, и вознёс искреннюю благодарность Богу за дух, который Он ему сообщил. С тех пор дон Аугустин неизменно питал к блаженному отцу глубочайшее почтение, повсюду рассказывая о его героической добродетели, напоминая, что это признак великой святости.

Устами Давида сказал о Себе Иисус Христос: *«Я же червь, а не человек»* (Пс. 21:7), — предпочитая этот титул всякому иному, ибо червь находит отраду в ранах и питается ими, в то время как человек бежит от них и не смеет на них взглянуть. Так и Господь счёл за честь быть червём, а не человеком, ибо, подобно червю, Он находил утешение в язвах бедных и больных, и в них же обретал Себе пищу и отраду. Потому и говорит святой Иоанн Златоуст о словах из восьмой главы Евангелия от Матфея, что Христос *простёр руку, чтобы коснуться прокажённого* (ср. Мф. 8:3), когда тот попросил об исцелении, [сразу после того] как сошёл с горы (ср. Мф. 8:1) [на которой возвещал Свою великую проповедь] — [тем самым явив на деле] любовь, которую питал к прокажённым, и укрепив спасительное [учение], которое там даровал. Этот же самый дух Он сообщает и Своим слугам. А поскольку блаженный отец Клавер имел дух Христов (ср. Рим. 8:9), то и находил он усладу в язвах нищих и, подобно смиренному червю, утешался ими.

Верным доказательством тому служит случай, произошедший в доме одного богатого и знатного господина. Туда отца Петра позвали исповедать нескольких его чернокожих рабов, которых поразила губительная оспа. Их держали в отдельных хижинах, как зачумлённых, ибо в тех краях эта болезнь столь же заразна, сколь и опасна. Все они были покрыты язвами и источали такое зловоние, что сам хозяин не решался войти к ним. Но, наслышанный о великих делах, которые отец Клавер творил для больных, и особенно для безнадежных, он из любопытства остался у двери, чтобы посмотреть, как тот поступит с его рабами.

И увидел, что отец, войдя, приветствовал их с великим человеколюбием и нежностью. Он подходил и обнимал каждого по очереди, а затем, опустившись на колени, целовал их гноящиеся язвы, находя в них отраду, словно то были благоуханные розы. Такова была любовь его к ближним и победа, которую он одержал над собой, одолев свою плоть подвижническим умерщвлением. Затем он подготовил их к таинству

наставлением, исповедал, утешил и вручил подарочки. А добрый господин, изумлённый увиденным, проникся таким благоговением к святости отца, что с той поры неустанно славил его, превознося его добродетели до небес. Он жив и поныне и готов подтвердить истинность сказанного под присягою, ибо видел это воочию.

Но любовь отца Клавера не ограничивалось одними лишь больными, а в равной мере простиралось и на здоровых. С тем же состраданием он служил и беднякам в темницах, утешая их, помогая им в скорбях и ходатайствуя перед судьями, чтобы облегчить их участь и вызволить из заключения. Он много раз приносил им еду, кормил с величайшей любовью и увещевал их терпеливо сносить свои узы. И говорил им о великой награде, которую Бог уготовал им на небесах, и что эти кандалы и цепи обернутся величайшей свободой, драгоценными ожерельями и цепочками.

Ещё он побуждал их к исповеди и к тому, чтобы они оставили грехи свои, особенно божбу, ругань и жажду мести, ибо, угождая Богу, Который есть Владыка всего, они обретут полную свободу.

Когда предстояло аутодафе [6], он с особым радением заблаговременно шёл в инквизицию, чтобы утешить кающихся и приготовить их к тому, чтобы они перенесли причитающиеся епитимии с терпением и покорностью воле Божией, вспоминая о Страстях Христовых, о поношениях и муках, которые Он претерпел из любви к нам. А по возвращении [с аутодафе] их ждало доброе угощение, которое он готовил, чтобы утешить бедолаг всеми возможными способами.

При этом он не забывал и о благородных бедняках, стыдящихся своей нищеты, ибо заботился обо всех, как о родных детях, навещая их в их домах и с безграничным милосердием помогая им в их нуждах.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. О МИЛОСЕРДНОЙ ЛЮБВИ, КОТОРОЕ ОН ПИТАЛ К УСОПШИМ И К ДУШАМ В ЧИСТИЛИЩЕ

Любовь Христова не ограничивается пределами этой жизни, но, как мы доказывали в «Историческом путеводителе», простирается без всякой меры и на души, пребывавшие в мире ином. И после смерти людей Он являет любовь Свою к ним, уделяя честь их телам, прославляя их души, утешая и избавляя их от мук Чистилища.

До такой же степени совершенства дошла и любовь отца Петра Клавера. Она не замыкалась в пределах земной жизни, но простиралась и на жизнь иную, ибо и после смерти бедняков он с прежним рвением являл им своё сострадание. Он заботился о достойном погребении их тел, устраивая почётные похороны, и об избавлении их душ, помогая им, насколько хватало его сил, выйти из Чистилища, свершая во имя их мессы, творя молитвы и покаянные подвиги. Ибо, как больниц [7] суть чистилища для живых, так и Чистилище есть больница для усопших, где язвы, полученные от грехов, врачуются прижиганиями тамошнего огня. И как святой отец, пылая любовью, посещал больницы ради живых, так же он заботился и о вечном здравии усопших, как только мог.

Едва до него доходила весть, что умер какой-нибудь темнокожий бедняк, он тотчас же шёл к приходским священникам и к старостам братств [8] и договаривался, чтобы того похоронили за счёт пожертвований. Он самолично добывал для почившего саван, относил его в дом усопшего и помогал облачить тело; давал воск для свечей, чтобы они горели перед телом, пока не прибудет процессия из прихода; созывал людей на погребение, сообщая им об индульгенциях, которые они обретут за этот милосердный

поступок. Он первым читал заупокойные церковные молитвы, а если было время, облачался и служил по усопшему мессу, оказывая честь его телу и душе всеми силами помогая.

Однажды он позвал одного почтенного человека пойти с ним в приют св. Лазаря. Тот с радостью согласился. Придя туда, отец Пётр снял свой плащ и торжественно, словно погребальный покров, расстелил на могиле негритянки, похороненной днём ранее. Затем взял четыре апельсина, воткнул в каждый по свечке и расставил по углам могилы, после чего, созвав бедняков, облачился в ризнице и вышел служить заупокойную мессу по усопшей, а в конце прочёл над могилой респонсорий по церковному обряду. И так он при первой возможности поступал со всеми усопшими бедняками, что подтверждали и приходские священники, и управители приютов.

В том же приюте св. Лазаря трудилась одна испанка, которая многие годы служила бедным. Когда её спросили о делах отца Клавера, она ответила, что деяния его, которые она наблюдала за время своей службы, были столь многочисленны и героичны, что перечесть их невозможно, и что ни до, ни после него не было видано ничего подобного. И добавила, что о его подвигах и добродетельных свершениях, которые он творил в одном только этом приюте, можно было бы написать целые книги.

К этому она прибавила рассказ о другом деле великого милосердия: в день Всех Святых и следующий за ним день Умерших, когда Церковь поминает души усопших и возносит за них многие молитвы, добрый отец, желая почтить знакомых умерших чернокожих, возводил для них кенотаф [9] со свечами. Он созывал всех рабов, приглашал музыкантов и служил Заупокойное повечерие и Торжественную мессу с диаконами и с обрядом приношения даров, прямо как для членов какой-нибудь из знатнейших городских семей. Это деяние, с одной стороны, было весьма полезно для душ усопших, с другой — воодушевляло и пленяло сердца живых негров, видевших, какую честь он им оказывает, а с третьей — назидало весь город тем состраданием, которое он проявлял к рабам.

Но и на этом его благочестивая забота о душах в Чистилище не заканчивалась. К ним он был исполнен величайшего сострадания и помогал им избавиться от страданий всеми силами: читал за них множество розариев, испрашивал для них всевозможные индульгенции, совершал покаянные подвиги во искупление провинностей, которые они не успели при жизни в должной мере исправить. Он посвящал им все мессы, которые служил, приносил в жертву свои труды, пот и усилия. Проповедуя, он всегда призывал прочесть одну «Радуйся, Мария» за души в Чистилище, а тем, кого исповедовал, советовал посвящать им часть епитимии. Всех он призывал не обделять усопших своим попечением, для чего раздавал бесчисленное множество чётков, медальонов и крестов с индульгенциями, чтобы верные принимали их и жертвовали ради упокоения душ. А чернокожим и рабам он раздавал розарии, чтобы они молились на них о душах своих покойников.

И постоянно ходила молва, что души приходили к нему из мест своих мучений: одни — просить молитв, другие — благодарить за то, что он для них сделал.

Один негр, странствуя по горам [10], повстречал душу усопшего соплеменника. Тот спросил его, почему он не носит с собою розария и не молится ни за него, ни за другие души почивших. Странник онемел от ужаса и задрожал от страха, а усопший, не удовольствовавшись словами, наказал поощутимей, нанеся ему множество ударов и побоев, от которых всё тело его покрылось синяками. Напоследок же он сказал: «Поди к отцу Клаверу и скажи, чтобы он дал тебе розарий, и молись по нему всегда за нас. И попроси его отслужить за меня четыре мессы во избавление от мук, что я терплю ныне».

Негр, изумлённый и вразумлённый наказанием (ибо люди его племени не спешат исполнять повеление, если не понудить их), явился к отцу Клаверу и рассказал ему о случившемся, в доказательство своей правоты показав синяки, которыми было покрыто всё его тело. Отец поверил ему, дал розарий и отслужил мессы, а после поведал об этом случае и другим неграм, чтобы побудить их молиться о душах своих усопших.

В другой раз, тоже ночью, случилось так, что отец Пётр, как было у него заведено, уложил в свою постель одного бедного и очень больного негра, собираясь заботиться о нём и лечить его, а сам спал на полу; и вот в двенадцать ночи больной услышал жалобные голоса, словно кто-то стонал или плакал. Больной замер и услышал лязг цепей, который его напугал — тогда он подвинулся к отцу и, обнаружив, что тот молится на коленях, сказал ему: «Отче мой, что это за странный шум, который меня напугал и не даёт спать?» Добрый отец ответил: «Молчи, сын мой, и не тревожься; ложись и спи». И, взяв одеяло, накрыл его с головой, чтобы тот ничего не видел, а сам вышел из комнаты. Он пробыл вне некоторое время, а шум голосов и лязг цепей, что были прежде слышны, прекратились. Как полагают, это были души, которые приходили из Чистилища просить его о молитвах.

Являлись и другие признаки этого, но поскольку он по своему смирению скрывал их, не всё, что происходило, известно с той достоверностью, которая требуется для строгого отчёта. Но доподлинно известно, что всю свою жизнь он посвятил благотворению душам в Чистилище, и что по его заступничеству многие из них были избавлены от мук. И теперь они ходатайствуют за него на небесах, за то добро, которое он им сотворил, и испрашивают для него многие милости у Бога Всемогущего.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. О ПАСТЫРСКИХ ТРУДАХ ОТЦА ПЕТРА КЛАВЕРА СРЕДИ ИСПАНЦЕВ И МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ

Хотя главным делом сего человека Божия было обращение неверных — их оглашение, крещение и наставление в вере, — он не забывал и о тех, кто уже был крещён, и не оставлял без попечения верующих. Всеми силами он помогал им исправлять нравы, жить свято, избавляться от пороков и идти по стезе добродетели к небесам.

Помимо своих обычных трудов в тюрьмах и больницах, а также регулярных исповедей, о которых уже упоминалось, он каждый год устраивал своего рода духовную ярмарку, которая длилась три или четыре месяца: с сентября по Рождество. В это время в порту стояли испанские галеоны, а из Перу, Кито и Потоси прибывали целые караваны с серебром, предназначенным для отправки в Испанию. Все эти приезжие образовывали как бы целый новый город чужестранцев, и нужно было прилагать немало усилий, дабы те, кто по милости Божией избежал морей водных, не утонули в морях порока.

И поскольку милосердие доброго отца было безмерно, а ревность пламенна, он не знал ни сна, ни отдыха, трудясь денно и нощно ради блага этих душ, дабы избавить их от поводов ко греху и оскорблению Бога. И дел у него было предостаточно, ибо с флотилиями прибывало множество захворавших в долгом плавании больных всех сословий, из-за чего за один день все городские больницы оказывались переполнены.

А здоровые, которым надлежало бы благодарить Господа нашего за то, что Он извёл их из опасностей и довёл до земли в целости, едва ступив на берег, казалось, испивали из реки забвения, ибо предавались всякого рода грехам. Подобно прорвавшейся плотине, на сушу изливались обжорство и пьянство, пиры и банкеты, а вместе с ними —

бесстыдство и распутство, и завязывались новые греховные союзы в нарушение святого закона Божия. Вспыхивали ссоры, начатые ещё в море, и приводились в исполнение коварные и несправедливые замыслы ради наживы, попиравшие всякий закон, как человеческий, так и божественный. Расцветали грабежи, ростовщичество, прелюбодеяния, убийства, бесчестия [11], кривда [12], и не было на земле такой власти, которая могла бы пресечь этот разгул зла, если бы не вмешалась власть небесная. Казалось, будто прорвало плотину, и хлынул безмерный поток пороков, затопляя землю и увлекая за собой даже самых стойких в добродетели.

Но именно здесь сей человек Божий явил величие своего милосердия и несокрушимое мужество, вложенное ему в сердце Всевышним. Он противостоял этому бурному потоку, отнимая у дьявола ту прибыль, которую он ожидал получить на ярмарке порока, и обратил её в ярмарку добродетелей, в благодатное поприще для спасения душ.

И первым делом он выставил на поле духовной брани свою ударную пехоту [13]: детей, наставленных в христианском учении, и они каждый день выходили на улицы, распевая церковные молитвы, и разбивали свой стан на четырёх главных улицах города — на том самом плацу, где враг рода человеческого праздновал свою победу, где кипела торговля, заключались сделки и договоры, и где всегда толпился народ. Там отец Пётр проповедовал чуть ли не ежедневно, порицая пороки и превознося добродетели, возвещая народу о наказаниях за первые и наградах за последние. И делал это с таким пылом духовным, что ужасал грешников, вырывал их из их пороков и пересаживал в рай добродетелей силою исповеди и иных таинств.

Он также проповедовал в приходах и в нашей церкви в удобное для того время. Со многими говорил наедине, входя в дружеские отношения, а к другим находил подход через людей благочестивых и набожных, дабы внушить им чувство долга, особенно в вопросах таинств, восстановления чести [14], но также дуэлей и поединков, которые нередко случались среди солдат. И таким образом он искоренил многие грехи и совершил дела величайшей важности.

Он посещал больных как в приюте, так и в частных домах, являя им в полной мере милосердие и сострадание, телесное и духовное. И поскольку на этих ярмарках оказывались множество падших девиц, которые были соблазном для народа, он измыслил способ помочь им, достойный его изощрённого милосердия. Он убедил губернатора той крепости, а также его аудитора и генерал-лейтенанта, чтобы они направляли штрафы, взыскиваемые с преступников в королевскую казну, на то, чтобы выдавать этих девиц замуж. Кроме того, он просил собирать пожертвования как у кавалеров, прибывших с армадой, так и у постоянно живших в городе. И сам губернатор, и алькальды, и аудитор, и рехидоры, и кавалеры выходили на сбор подаяний и приносили значительные суммы, благодаря которым он помог многим падшим женщинам и выдал замуж многих сирот ко всеобщей радости и назиданию.

Но где взять слова, чтобы описать все героические деяния, которые во время этих «ярмарок» совершил сей верный слуга Господень во славу Его и на благо душ? С прибытием каждой флотилии он делал так много, что и не сосчитать было свершений его, ибо с таким мужеством он противостоял наплыву пороков, что, казалось, Сам Бог поставил его в этом порту неприступной скалой, о которую разбивались бури, воздвигаемые сатаной.

Он расторгал множество греховных союзов, обращая явные и тайные сожителства в святые браки; предотвращал страшные усобицы, ссоры, распри и раздоры, примиря враждующих; полагал конец многим злоупотреблениям в несправедливых сделках; благодаря ему возвращалось множество нечестно нажитых имений [15], а оскорблённым восстанавливали честь. Великое множество грешников обратилось к

добродетельной жизни, сообразной с законом Божиим, ибо святой отец просвещал сонмы невежд светом своей проповеди и святого учения.

По его слову прекращались многие несправедливые тяжбы, и стороны примирялись по справедливости. В значительной степени исправились нравы, особенно в том, что касалось божбы и неподобающих танцев, сущего бича тех краёв. За эти три месяца ежегодно совершалось великое множество генеральных исповедей, и его толпа у его исповедали густела, как в Страстную неделю.

Даже в ежегодных отчётах той провинции говорится, что многие солдаты и путники не просто изменили свою жизнь, но и само своё звание, ибо так были тронуты его проповедями, что презрели мир, его пышность и суетные устремления, и посвятили себя Богу в монашестве. В Общество Иисуса вступило столько людей, что коллегия Картахены стала главным источником братьев-коадьюторов для всей провинции.

А для общего назидания я приведу здесь рассказы о нескольких самых замечательных случаях таких обращений, дабы стали видны плоды сего щедрого древа, которое Бог насадил в раю Ордена.

Первым из них был брат Педро де Солабарриета, баск, родом из тех же мест, что и святой отец наш Игнатий, благородный по крови, а ещё более — по добродетели. Он прибыл в те края в свите Генерала галеонов, который, ценя его знатность, оказывал ему великие милости, и потому Педро ожидал большого продвижения по службе. Но Бог даровал ему нечто большее и лучшее, чем он мог бы желать, призвав его в Общество благодаря проповеди отца Клавера. Привлечённый благоуханием его святости, баск склонился к вступлению в Общество Иисуса.

Его приняли, и в новициате он вёл себя как ангел; ведь наставником ему был тот же отец Клавер, и потому он во всём походил на своего учителя: послушен, молчалив, скром, благочестив и одухотворён, а сверх того — смирен и чужд всякой человеческой чести и славы. Дружбы стали для него новым испытанием, подобно тому как некогда дружбы для Иова, ибо, стыдясь того, чем он гордился, говорили, что при его благородстве не пристало быть простым мирским братом в таком ордене, как Общество Иисуса. Но он, будучи чужд всякого заблуждения, отвечал, что самое низкое служение в ордене для него почётнее самого высокого положения в мире. И чем больше они его упрекали, тем больше он смирялся и уничижал себя, дабы идти по стопам Христовым и жить по Его заветам.

И Господь, видя в нём спелый и созревший плод, вскоре сорвал его, дабы преподнести своему Предвечному Отцу. По окончании новициата и принесении обетов Он послал ему тяжёлую болезнь, которая пресекла его временную жизнь, чтобы вступил он в жизнь вечную, блаженствуя со святыми на небесах. Сей брат глубоко чтит Пресвятую Деву и святого отца нашего Игнатия, которым и вверил свою душу в час смерти.

Вторым был брат Диего Фелипе Монсальве, который вступил в Общество вместе с братом Педро де Солабарриета, и они вместе проходили новициат. В миру Диего был человеком видным, подававшим большие надежды на карьеру благодаря красноречию и изрядной деловой хватке, — талантам, благодаря которым многие преуспели в Индиях. Но посреди его мирских устремлений, когда он оказался наипаче поглощён делами века сего, Бог призвал его одним словом, как святого Матфея. И тотчас он встал и последовал за Ним, оставив мир и вступив на тесный путь иночества.

Он также прошёл школу отца Клавера и так преуспел на пути совершенства, что уже на первом году его назначили экономом коллегии, каковое послушание он исполнял, сочетая благоразумие с благоверием к назиданию всех, как мирян, так и иноков, ибо в новой должности ни на йоту не отступил от строгого соблюдения правил новициата.

Был сей брат весьма аскетичен, привержен покаянным подвигам и молитвословию, а особо чтит Царицу Ангелов, о Которой всегда говорил с великой нежностью, и Она вознаградила его за сие почитание, соткав для него венец, который вручила ему два месяца спустя по окончании новициата, возведя его душу к Своему святейшему Сыну в небесные обители, где он и пребудет вечно.

За этими двумя последовал один бравый солдат, сержант своей роты, весьма уважаемый в войске за свои великие достоинства и заслуги, оказанные короне в различных кампаниях. Учение доброго отца так тронуло его, что он решился пройти в нашей обители духовные упражнения, а во время них — совершить генеральную исповедь за всю свою жизнь, что является деянием весьма редким для людей военного звания. И Бог так чувствительно коснулся его сердца, что во время упражнений он твёрдо решил никогда более не возвращаться в мир.

С великим смирением он просил принять его в Общество Иисуса, и его решимость была такова, что он твёрдо заявил, что останется в обители в любом случае, не возвращаясь в мир: либо как инок, если его примут, либо как слуга, чтобы исполнять самые низкие работы. Его призвание было испытано и признано истинным, от Бога, Который и привёл его в Свой дом. Ему дали облачение к великому изумлению солдат и не меньшему их назиданию, ибо они видели, как попирает мир тот, кто был в нём на вершине славы, и как презирает почести тот, кто, казалось, был так близок к ним и заслужил их.

Отец Клавер привёл в Орден ещё много одарённых юношей, которые прославили его своими добрыми трудами и талантами, и ныне составляют славу своей провинции. Среди них был один, к которому Бог воззвал с такой пламенной мощью, что, когда родители его со страшным гневом воспротивились намерению юноши, отняв у него плащ и шляпу и заперев его, дабы он не покинул дома и не пришёл к нам, тот вырвался из их рук и в одной рубашке, с непокрытой головой, бежал из мира сего в надёжную гавань Ордена, где и поныне подвизается с той же ревностью, что и в самом начале своего пути.

Но не только на них простиралось пастырское рвение пламенного отца, ибо оно касалось и духовенства того города, столицы всей епархии. Он назидал их примером своей жизни и побуждал духом своей проповеди, возжигая в их душах желание большего совершенства, что и было заметно по многим, кого он приводил в нашу коллегия для прохождения духовных упражнений по методу святого отца нашего Игнатия, которыми отец Пётр руководил лично, несмотря на множество других забот. Так свершались великие перемены в жизни весьма знатных особ, которые в свою очередь много способствовали исправлению общественных нравов.

Даже иноки из других орденов приходили советоваться с добрым пастырем в духовных вопросах и просить наставления в своих затруднениях, ибо Дух Святой уделил его душе особый дар утешать всех и направлять их на путь к небесам. Словом, он был подобен солнцу, что светило всем, указывая путь на небо, и не было такого сословия, которое не приобщилось бы к его свету и сиянию.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. О ТРУДАХ ЕГО ПАСТЫРСКИХ СРЕДИ БРАТИИ ИЗ ОБЩЕСТВА ИИСУСА

Может показаться, что сказанным выше мы исчерпали рассказ о трудах, которые сей апостольский муж совершал ради спасения душ. Но как огонь, по слову Писания,

никогда не говорит: «Довольно!» (Притч. 30:16), а от подброшенных дров лишь разгорается сильнее, так и пламя милосердия отца Клавера никогда не угасало. И чем более он трудился для ближних, тем сильнее в нём возгоралось желание делать для них всё больше и больше. А потому, совершив всё упомянутое для тех, кто был вне обители, и когда, казалось бы, дома можно было бы и отдохнуть, он находил новые труды среди своих же братьев по Ордену.

В течение многих лет он состоял духовником общины и исповедником для всех. И как к отцу своему духовному, к нему приходили со всяческими сомнениями, затруднениями и угрызениями; открывали ему сердце,веряли ему свою совесть, исповедовались ему. В нём обретали поистине отеческое сострадание, утешение в скорбях и облегчение в трудах. И тем светом, который он получал от Бога, он рассеивал мрак и тучи сомнений, которые диавол обыкновенно воздвигает в душах, боящихся Бога, чтобы смутить их и сделать их путь к Господу томительным и безрадостным. Он был светочем и ангелом-миротворцем во всём, что касалось жизни коллегии, как для подчинённых, так и для настоятелей, ибо всех утешал и укреплял на пути совершенства. К этому добавлялись и регулярные собеседования, которые он, как духовный отец, проводил с общиной, воспламеняя всех великим огнём божественной любви, который даровал ему Бог.

Кроме того, в течение многих лет он служил наставником новициев в коллегии Картахены, где воспитывались те, кого принимали в Орден в приморских краях. Ибо общий новициат провинции находился в двухстах лигах вглубь материка, а от Кито и Потоси — и вовсе более чем в четырёхстах. Из-за дальности расстояния и плохих дорог в этой коллегии и был устроен новициат для воспитания тех, кого принимали из тех краёв. И не последним соображением при этом было то, что в коллегии подвизался столь совершенный муж, как отец Пётр Клавер, который мог бы их воспитать и наставить в иноческой жизни.

Так ему было вверено это послушание, которое он нёс многие годы, не оставляя при этом ни обращения и оглашения негров, ни своих трудов в городе. Подобно доблестному капитану в воинстве Божием, он вёл бой на всех краях сражения.

Но вернёмся к воспитанию новициев и к тому, как он ими руководил. Кто опишет то искусство и тот дух, с которым столь выдающийся наставник учил своих подопечных? Доподлинно известно, что, будучи строгим блюстителем правил Устава, он почитал главным учить их паче делами, нежели словами, идя впереди и подавая пример — как в умерщвлении плоти, молчании, внутренней собранности, послушании и смирении, так и во всех прочих добродетелях. Он был для новициев образцом совершеннейшего соблюдения устава, какой подавал и старшим братьям. И хотя с собой он был суров, со всеми остальными оставался кроток и любвеобилен, весьма снисходителен и миролюбив, скор на прощение и медлен на наказание, всегда склоняясь к мягкости и милости и стараясь угодить всем, насколько то позволял орденский устав.

Поучения, которые он давал новiciям, казались пламенными стрелами, что зажигали сердца, ведь из чудесного колчана они исходили и верная рука направляла их. Притом ученики так горели рвением, что на поприще совершенства нуждались более в узде, нежели в шпорах. Имея большой опыт в делах Общества и зная, как важно в трудах его быть мёртвым для мира и для себялюбия, а в истинном смирении утверждаться, добрый наставник постоянно упражнял своих новициев в этих качествах, а также в презрении к мирской славе.

Он водил новициев по улицам города без накидок, в одних сутанах, сам шагая во главе процессии; порой нагружал юношей какой-нибудь забавной ерундой, например — венками и корзинами, чтобы они затем подметали в больницах, или же поручал

снести угощение беднякам. Клаверовы подопечные часто ухаживали за больными и перестилали им постели, дабы побороть в себе брезгливость и отвращение, которые обычно вызывают самые изъязвлённые страдальцы, а также чтобы, приучившись с любовью обращаться с бедными и больными, впоследствии с лёгкостью нести среди них служение Обществу.

А поскольку он сам был весьма смирен и аскетичен, то и духовных чад своих воспитал в том же духе. Редко кто из них садился за стол, не совершив публичного акта покаяния в трапезной, а единственной приправой, придававшей вкуса всем их блюдам, была горькая мирра памятования о Страстях Христовых; с ней они начинали и с ней заканчивали трапезу, ограничивая себя постоянно и во всём, в чём только было возможно.

Он столь по-разному вёл себя при различных занятиях, что в каждом из них казался другим человеком. На молитве, на мессе и в духовных упражнениях он был анахоретом, столь погружённым в Бога, будто и не жил в этом мире. В беседах и увещаниях выступал живым и убедительным оратором; при порицаниях казался строгим и непреклонным, но, как того и требует мудрое правление, умел смягчать строгость кротостью. В пору отдыха и досуга выказывал необычайную приветливость, учтивость и доброжелательность, и всегда говорил о Боге или чём-нибудь душеполезном. В повседневном общении он держался в тени по причине своего смирения, и обращался весьма кротко со всеми, словно был слугою каждого.

Сими добродетелями, а также святостью своей жизни и поистине отеческой любовью он пленял души своих послушников. Они любили и почитали его так, что не могли без него обходиться, точно малыши без матери, и принимали всё, что он им говорил, словно то были советы их родного отца. Потому и не испытывали затруднений, открывая ему свою совесть и поверяя ему свои искушения, что есть самый действенный способ победить их, получить наставление и не сбиться с пути иноческой жизни. И Бог щедро благословлял его труды, приносявшие добрый плод в душах воспитанников, и некоторыми знаменами подтверждал ценность его поучений и наставнический авторитет.

Одной из главных его забот было воспитать юношей в совершенном послушании, покорными, как дети, суждению вышестоящего и готовыми исполнить малейшее его указание с предельной точностью. Случилось, что один новиций, творя самобичевание, замешкался, когда его позвал другой, имевший над ним некоторое начальство, и, поскольку ему оставалось дочитать совсем немного (*Во время самобичевания было принято читать или петь покаянные псалмы (чаще всего — псалом 50, Miserere), что помогало задавать ритм и сосредоточиться на молитве. – Прим. пер.*), ответил, что придёт, как только завершит. И тут произошло нечто примечательное: хотя верёвка бича была прочной, а узел двойным, она вдруг порвалась. Так Бог прервал его покаянный подвиг прежде, чем он сам успел его завершить, чем оба новиция были поражены, а первый, послушавшийся — пристыжен, ибо понял, что сам Господь в наказание за его непослушание разорвал его покаянное орудие. И не остался он без епитимии, а добрый наставник воспользовался этим случаем, чтобы научить своих подопечных, как угодна Богу точность в послушании и как оскорбляет Его малейшее промедление.

В ежегодных отчётах того времени описываются героические подвиги умерщвления плоти, совершённые новициями, которые, чтобы побороть свою природную брезгливость, иногда облизывали язвы бедняков и совершали иные подобные деяния, которыми одерживали славные победы над собой. И хотя имя наставника не называется, нетрудно догадаться, что им был непревзойдённый поборник сих

подвигов, который, как уже говорилось, свершал их многократно.

Притом он наставлял их, как орёл — своих птенцов, приучая к служению, состоявшему в преподавании христианского учения и в произнесении кратких увещаний для бедных, при этом соразмерялся со способностями воспитанников, каковые в них обнаруживал, и благоразумно следил, чтобы, попытавшись взлететь раньше времени, они не выпали из гнезда. Брал их с собой в темницы и там велел им изъяснять учение заключённым, приводя поучительные примеры. То же самое он побуждал новицьев делать и в приютах для болящих бедняков, и в обители — для чернокожих слуг. А после он указывал им на допущенные ошибки — как для смирения, так и для научения. Таким образом он наставлял их в искусстве уловления душ к их же собственной пользе.

Благодаря такому воспитанию и научению он взрастил выдающихся учеников, которые прославили Орден и продолжают прославлять его своей набожностью, благоразумием, учёностью и блистательными талантами, неся великую пользу душам и возводя на небеса трудами своими бесчисленные их множества.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КНИГИ О ЖИЗНИ ДОСТОЧТИМОГО ОТЦА ПЕТРА КЛАВЕРА

В коей повествуется о его добродетелях и пророчествах, о некоторых чудесах, которые Бог сотворил через него, о его блаженной кончине и погребении, и о славе его святости.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. О ТОМ, КАК ОН ПРИНЁС ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ОБЕТЫ, И О ТОМ, КАК СТРОГО ОН БЛЮЛ УСТАВ ОРДЕНСКИЙ

Столь многочисленны и героичны были добродетели и святые свершения отца Петра Клавера, что слава и молва о нём облетела весь мир, из Индий перепорхнув в Испанию, а из Испании во Францию и в Италию. Дошла она и до слуха Генерала и ассистентов Общества Иисуса, на чьих плечах покоится управление всем Орденем. Рассмотрев великие заслуги сего выдающегося мужа, они постановили почтить его высшей наградой, которую Орден дарует своим самым достойным членам, — торжественными обетами, степенью, которую Устав предназначает для людей учёных, прославившихся в проповеди или в превосходном знании языков [16]; а что важнее всего, и на что Орден обращает особое внимание, — в добродетели, благочестии и соблюдении Устава, которое есть душа и основание всех прочих упомянутых дарований, кои без него подобны мёртвым телам и приносят более вреда, чем пользы.

Итак, отец Муцио [17], Генеральный настоятель Общества Иисуса, прислал ему разрешение принести торжественные обеты, что отец Пётр и совершил перед своим провинциалом 3 апреля 1622 года, с глубоким благоговением и без тени тщеславия, ибо первого он жаждал, а второго был врагом. Эта честь, столь заслуженная его трудами и оказанная ему Орденем, нисколько не надмила его. Напротив, он счёл себя обязанным ещё паче смиряться и ревностнее исполнять обновлённые обеты — словно его повторно заклеили как раба Господня. Он признавал истину, изложенную в нашем Уставе: самые старшие и облечённые властью в Обществе должны быть далеки от того, чтобы искать для себя исключений, но, напротив, считать себя паче прочих обязанными к подвижничеству и самому точному исполнению правил и обычаев Ордена. Так и поступал отец Клавер, ибо был живым Правилom и как бы душою нашего Устава.

Все, кто знал его, утверждают, что он был живым подобием святого отца нашего Игнатия, которому всегда подражал в скромности и благопристойности, в терпении и кротости, в любви и мягкости ко всем, а также в соблюдении Правил, уставов и повелений настоятелей, храня и исполняя их с величайшей точностью. И не найти никого, ни из посторонних, ни из братии, кто когда-либо видел хоть малейшее с его стороны нарушение правил Ордена, ибо он почитал их как божественные установления.

Каждый третий день, невзирая на занятость, он подметал свою келью, дабы не нарушить правила, собирал сор и относил его в отведённое для того место. Случалось, выходя из обители, он заговорится с кем-нибудь и забудет отметить свой уход на доске в прихожей, и тогда, уже будучи в пути, возвращался, лишь бы не нарушить предписания. Привратнику он подробно сообщал, куда направляется, как того и требует Устав, что служило не только соблюдению предписания, но и позволило бы легко разыскать его в случае нужды.

Никогда он не писал письма без разрешения и не запечатывал его, не показав сперва настоятелю, в чём поступал как самый младший novice. Однажды ему довелось писать по приказу нашего отца Генерала, и, уже имея разрешение от верховного настоятеля, он всё равно пошёл испросить его у провинциала, а написав письмо, принёс ему на проверку, предпочитая в этом вопросе скорее согрешить излишеством, если так вообще можно согрешить, нежели нарушить малейшее предписание Устава. И несмотря на то, что он был столь щепетилен и точен в этом, каждую пятницу в трапезной он обвинял себя в недостаточном соблюдении Правил и в покаяние совершал какой-либо подвиг умерщвления плоти.

К этому же относится и соблюдение им правил скромности, в чём добрый инок так преуспел, что порой казалось, будто он превосходит сам Устав. Ибо он не только с величайшей тщательностью хранил всё, что предписано, как в обители, так и за её пределами, но иногда даже нарушал правила вежливости по отношению к тем, кто его приветствовал, поскольку не смотрел на них, и спутнику приходилось обращать его внимание на оказанное ему почтение, дабы он ответил тем же. Он ходил по улицам, столь погружённый в себя и собранный, что, казалось, не пользовался своими чувствами, словно их у него и не было. И всем он подавал тем пример, и приводил в благое расположение, ибо на него взирали как на человека, сошедшего с небес и всегда пребывающего с Богом, что, впрочем, и отражалось в его облике и осанке, которые всех настраивали на благочестивый лад.

Никогда в обители он не находился вне своей кельи, исполняя то, чему учит святой Бернард: «*Cella sit tibi quasi Coelum* (Келья да будет тебе как Небо)», сиречь местом, где надлежит пребывать с Богом в величайшей радости. Эту радость и обретал отец Клавер в своей келье, где он непрестанно пребывал в молитве, чтении, письме или в трудах на благо нищих. Он покидал своё уединение лишь по одной из трёх причин: из послушания, из милосердия или по крайней нужде. Среди его заметок нашли одну запись, в которой говорится: «Из кельи ты выйдешь лишь по одной из трёх причин: по послушанию — должен; по милосердию — можешь; ну и по крайней нужде. Если же по иному поводу келью свою покинешь, то знай, что сам ищешь себе искушения, грозящего тебе опасностью падения».

Эти изречения он хранил нерушимо, словно то было Евангелие, помня, что таковы наставления его святого учителя, брата Алонсо Родригеса. И, как пчела в своём улье, он находил в своей внутренней собранности соты сладчайшего благоговения. Он никогда не расспрашивал о новостях, ни светских, ни церковных. Когда из Испании приходили флотилии, он спрашивал лишь о том, не привезли ли они больных, которым нужен

уход, чтобы пойти послужить им и исповедать их. Иногда он радовался, узнав, что между христианскими государями царит мир, а в Обществе всё благополучно, ибо этих двух вещей он весьма желал и непрестанно о них молился Богу.

Писем с флотилиями он никогда не ждал, ибо, не имея обыкновения писать другим, и сам не получал писем ни от кого. Вся его переписка велась на небесах, с Богом и Его святыми, ибо он был в большей степени обитателем того мира, нежели этого, почитая себя странником на земле и гражданином неба, как и подобает истинному святому.

Генеральные настоятели Общества Иисуса неоднократно писали ему, благодаря за великие труды в обращении неверных и помощи душам, и вверяли себя его молитвам. На это он отвечал с великим смирением и признательностью, всегда унижая себя и говоря, что сам он — ничто, и не делает ничего, но что всё творит Бог, а он со своей стороны привносит лишь многие несовершенства и ошибки. За них, как виновный, он просил прощения и епитимии, дабы не понести наказания в будущей жизни.

Так он думал и говорил о себе в то время, как все превозносили его до небес. Но смирение его заслуживает отдельного рассказа, которому и будет посвящена следующая глава.

ГЛАВА ВТОРАЯ. О СМИРЕНИИ ДОСТОЧТИМОГО ОТЦА ПЕТРА КЛАВЕРА

Серафический Учитель, святой Бонавентура, сравнивает смирение с корнем дерева, который всегда стремится вниз, и чем глубже уходит и скрывается в недрах земли, тем более растёт [18]; он не имеет блеска, но даёт всё бытие произрастающему из него дереву, и держит, и питает его, и делает плодоносным. Все эти свойства, говорит Серафический Учитель, обретаются и в смирении по отношению к прочим добродетелям, ибо оно не блистает в очах человеческих, но всегда устремляется к дольнему и распростирается по земле. И чем оно глубже, тем оно крепче. Оно есть корень всех добродетелей, ибо из него они произрастают, на нём держатся и от него получают жизненную силу, чтобы приносить плод добрых дел. А как говорит святой Бернард, оно есть как бы крещальная купель для всех добродетелей [19], ибо без смирения они становятся языческими, и паче присущи язычникам, нежели христианам, как то видно на примере милостыни или терпения, когда их являют из тщеславия, ради людской славы и одобрения, и тогда, из-за недостатка смирения, они обращаются в пороки.

Усвоив это учение, можно будет оценить всю глубину и чистоту смирения блаженного отца Петра Клавера. Ибо, хотя он и сиял, подобно солнцу, всеми добродетелями, но в смирении, кажется, превзошёл самого себя. Во-первых, его самопознание и презрение к себе — а это и есть основание смирения — были необычайно велики. Ибо даже тщеславнейший из людей не настолько высоко себя ценит, насколько низко ставил себя отец Пётр. И нет никого, кто бы так стремился возвыситься и прославиться, как этот святой муж стремился унижить себя. Он ставил себя ниже земли, по которой ходил, и всякий раз, вглядываясь в себя, казалось ему, что он взирает на навозную кучу, полную червей и гнили, источающую отвратительное зловоние. Всякий раз, встречая гниющее тело или зловонную падаль, он говорил: «Это я; и моё место рядом». И если его просили помолиться о чём-либо Богу, он отвечал: «Разве только чтобы всё испортить» — ибо такого был о себе мнения, что считал себя недостойным быть услышанным Богом и полагал, что Божественное Величество откажет в просьбе именно потому, что просит он.

Из этого корня смирения и произрастало его стремление всегда занимать самое низкое место и нести самое презренное служение, бежать от почестей и искать поношений, радоваться оскорблениям и печалиться от похвал.

На всех общинных действиях и при всяком собрании он всегда занимал последнее место, позади всех. Случалось, что из-за этого в трапезной он оставался без еды, на одном хлебе и воде, ибо, садясь в самом конце, оказывался вне поля зрения тех, кто прислуживал. Когда труды позволяли ему передышку, он спускался в самые скромные хозяйственные службы коллегии, чтобы помочь братьям, которые несли там послушание: ризничему — подметать церковь и убирать алтари, привратнику — стоять на входе, повару — мыть посуду. Так он был для всех как руки и ноги, ибо каждый находил в отце Клавере помощь и облегчение в своих занятиях и трудах.

Особенно же глубокое смирение своё он явил в том, что скрывал [благородное происхождение] своих родителей и родных и всегда говорил, что они были людьми простыми и низкого звания, хотя на самом деле, как уже говорилось, род его был знатным, почитаемым и богатым и состоял в родстве с самыми славными семействами тех мест. Но он по своей скромности и смиреннoлюбию говорил, что они были людьми простыми; и сие можно посчитать правдой, если смотреть на добродетель, а не кровь, ибо столь смиренное растение, каким был он, не могло произрасти иначе, как от смиренного корня и от родителей, исполненных богобоязненности.

Иные, как говорит святой Бернард, будучи низкого происхождения и видя, что в ордене их почитают, пользуются этим, чтобы возвысить своих родных и возгордиться оказываемыми им почестями. Но наш блаженный отец Клавер, как муж истинно смиренный, шёл противоположным путём, ибо, исходя от знатных родителей, скрывал своё достоинство и уничижал свой род, чтобы его ни во что не ставили и презирали. И поскольку море разделяло его с родиной и никто его не знал, то и возразить ему никто не мог или доискаться до правды. Добродетель сия, как говорит святой Амвросий, обретается в немногих — презирать себя самого посреди почестей и уничижать свою кровь и свой род, и потому редкостным подобает считать смирение отца Клавера.

Во-вторых, наивысшую чистоту (*fineza*) сей добродетели явил он в том, что «закопал свои таланты» и посвятил себя самому унижительному служению — наставлению негров и рабов, коих почитают за отбросы общества и чьё окормление есть наименее славный и наиболее трудоёмкий труд в Ордене. А ведь отец Пётр Клавер обладал талантами в науках, красноречии и управлении, вкупе с великим благоразумием достаточными, чтобы блистать в миру и занимать в Обществе кафедры, проповедовать с амвона и нести послушание настоятеля с не меньшим успехом, чем все его соученики. На этих поприщах он был бы почитаем, прославляем, и к его советам прислушивались бы епископы, вице-короли и губернаторы и вся знать Индий. Но он по смиренномудрию своему отверг все почести, которые мог бы стяжать на этой стезе, а ступил на низайшую, углубившись в самые недра земли, дабы сокрыть свои дарования.

Всю жизнь он трудился так, будто был простецом, исполняя низкое служение и общаясь с самыми ничтожными и презираемыми в мире. Он с великой радостью душевной взирает, как его влачат по земле, в то время как его соученики парили на высотах славных должностей в Ордене, почитаемые и возносимые над главами всего мира. Поступок этот ясно показывает, какие глубокие корни пустила в его сердце добродетель смирения и сколь высокой пробы была её чистота.

В бумагах его были найдены заметки об этой добродетели, которые раскрывают как его суждения о ней, так и то, что он делал и предпринимал, дабы в смирении

упражняться и преуспевать. Гласят они следующее:

«Если хочешь много знать — много трудись и много смирайся. Истинное смирение видит не чужие недостатки, а свои собственные. Истинно смиренный всегда желает быть в презрении и, как говорит святой Бернард, хочет казаться не смиренным, а ничтожным [20]. Он всем покоряется, всем повинуется, всех почитает, никого не укоряет без должной на то причины».

И чуть ниже он добавляет: «Смиренный должен желать, чтобы все с ним дурно обращались, а те, кто это видит, пусть думают, будто он терпит не из смирения, а от бессилия».

А обращаясь к самому себе, он пишет далее: «Посмотри, сколько рабов Божиих подают милостыню, чтобы ты ел, и строят дом, чтобы ты жил в уединении, думая, что ты служишь Богу; но если бы они узнали тебя, то бежали бы от тебя, как от дохлой собаки. Посмотри, как многие в миру почитают тебя за святого и повсюду славят за это и, кажется, радуются и назидаются при виде тебя; но если бы они узнали тебя, то бежали бы от тебя».

Всё это — его собственные слова, в которых он являет своё низкое о себе мнение и то, как он желал и старался унижиться паче самой земли, и хотел не того, чтобы его почитали смиренным, но чтобы все признавали его ничтожнейшим грешником, недостойным никакой чести, при этом он радовался поношениям и печалился от похвал, что и есть высочайшая степень смирения.

Он постоянно смирялся, и всё, что видел или к чему прикасался, обращал в повод для самоуничижения. Найдя какую-нибудь корзину или старый мешок, он говорил: «Вот хороший саван для меня, ведь в подобных корзинах и выносят мусоришко вроде меня». Проходя мимо кузницы и видя, как куют железо и кладут его в горн, он обращал это против себя, говоря: «Я хуже, ибо не поддаюсь ковке в руках настоятелей. За грехи мои заслуживаю я гореть в горниле адовом под молотами бесовскими». Так он из всего извлекал для себя урок смирения.

Некоторые, почитая его за святого, подходили, чтобы облобызать ему руку, а он смущался так, как другие смущаются от оскорбления. Ибо оказать ему честь было для него всё равно что дать пощёчину. И никакими просьбами или настояниями невозможно было заставить его протянуть руку для целования, ибо он говорил, что это лишь кучка праха, нечистая и зловонная.

Когда он наставлял негров в вере, то усаживал толмачей на стулья, а сам либо стоял, либо сидел на земле, уступая лучшее место чернокожим рабам, которые помогали ему в этом служении. И когда несколько почтенных особ пришли посмотреть на эти огласительные беседы и увидели столь несообразную, по человеческому рассуждению, картину: отца на полу, а рабов с большим достоинством восседавшими на стульях, — они пришли в такое негодование, что, не удовольствовавшись упрёками в невежливости, хотели было поднять на них руку. Но добрый отец защитил их, говоря, чтобы их оставили в покое, ибо эти люди были главными в этом служении и заслуживали лучшего места, нежели он.

Случилось, что однажды вошёл некий священник и, увидев то же самое, так воспылал гневом на раба, сидевшего на стуле, что бросился к нему, чтобы согнать его со стула оплеухами и усадить отца. Но отец Пётр с великой кротостью остановил его, говоря, чтобы тот оставил раба в покое, ибо на этой встрече именно негр был как бы иереем и проповедником, учившим остальных, а он, Клавер, в этот миг был ему за раба, а потому ему и подобало сидеть на лучшем месте. В итоге негр остался на стуле.

Много раз видели, как он шёл по улице в одной сутане, нагруженный вениками и корзинами для мусора, направляясь в приют подметать палаты для больных. В дни больших собраний он устраивал в церкви места для сиденья, чтобы разместить негров, принося доски и скамьи на своих плечах [21]. Он подметал помещения, где должны были обедать бедняки, и сам же расстилал для них циновки; затем прислуживал им за столом с непокрытой головой и на коленях, особенно самым нуждающимся, да так, словно он был их рабом, а они — его господами.

Таково было его смирение и презрение к самому себе; он взирал на себя и относился к себе как ничтожнейшему, распоследнему существу в мире. И поскольку корень сей так глубоко врос в душу отца Клавера, из него произросло древо великой святости, принёсшее обильные плоды праведных дел, как то мы уже видели и увидим далее в рассказе о прочих его добродетелях.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. О ЕГО БЕДНОСТИ

Истинная дочь смирения есть нищета духа, как учит свт. Амвросий (*Св. Амвросий Медиоланский, «Толкование на Евангелие от Луки», книга 5, на гл. 6. – Прим. пер.*), ибо как от гордыни рождается алчность к богатству, стремящаяся превзойти всех и снискать великое уважение в мире, так, напротив, от смирения рождается презрение к богатству и желание быть бедным и презиравым в мире. И поскольку отец Клавер столь глубоко укоренился в смирении, то в равной мере возросла в его душе и любовь к святой бедности.

В ней он дошёл до такой крайности, что некоторые почитали это излишеством и чрезмерностью. Но если соизмерить эту добродетель с его смирением, то окажется, что они были в совершенной соразмерности. Ибо как птице для полёта нужны два равных крыла, так и святым равным образом необходимы бедность и смирение. Это и есть те крылья, как говорит святой Лаврентий Джустиниани (*Св. Лаврентий Джустиниани, «Древо Жизни» (Lignum Vitae), гл. 7. – Прим. пер.*), на которых они легко воспаряют в небесный рай.

Размышляя о бедности сего блаженного отца, нетрудно понять, что сердце его было поистине пленено сей апостольской добродетелью, столь настойчиво заповеданной Христом Его ученикам. Это видно и по той сердечной любви, которую он всегда питал к нищим, почитая их своими братьями и сопричастниками недоли, и по той сдержанности, которую он выказывал к богатым, ведь он никогда не просил и не принимал от них ничего для себя.

Он сам считал себя нищим и убогим, да и был таковым, а потому любил и искал людей своего круга и звания, то есть нищих. С ними он радовался, как с равными, с ними проводил время днём и ночью с величайшим удовольствием, с ними ел и пил, у них находил приют и отдыхал. Так исполнилось на этом дивном муже то, что говорит Дух Святой о птицах: каждая ищет подобных себе и с ними обитает — голуби с голубями, вороны с воронами, а орлы с орлами (ср. Сир. 27:9). Так и он, подобно чистому и простодушному голубку, оставлял царственных орлов-вельмож и хищных воронов-богачей, а гнезвился и жил со смиренными и презиравыми в мире бедняками, дабы и самому быть презиравым, как они.

Любовь, которую он питал к Иисусу Христу, с Которым и в Котором было всё его сердце, приумножала в нём это святое чувство. Ибо, видя, как Он был беден и наг и как отвергал всё, что мир обожает, отец Пётр возгорался живым огнём подражания Ему и

пламеннейшим желанием попить мир и презирать его богатства. Всякий раз, как взирал на Него, как бы слышал из уст Его то, что изрёк Он через святого Матфея: *«оставь, что имеешь, и раздай нищим, и следуй за Мною»* (ср. Мф. 19:21); *«кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником»* (Лк. 14:33). А поскольку он был верным учеником Господа, то внял уроку Его, записал его в своём сердце и с глубочайшим воодушевлением старался исполнять, отрекаясь от всего, обнажая своё сердце от всякой земной привязанности и полагая его в одном лишь Боге, как истинно нищий духом и ученик Его.

Отсюда и родилось его неусыпное стремление ко всему самому убогому и презренному, бегство от всего, что льстило взору или сулило удобство, от всего, что не пристало нищему. Он не брал в руки ничего из потребного для жизни, что не было бы до него кем-то отвергнуто. Неизменно он занимал худшую келью в обители — самую тесную, тёмную и неудобную, ту, от которой все отказывались. В ней он и вил своё гнездо и жил, как в раю, вспоминая о вертепе, в котором нашёл приют Иисус Христос, когда пришёл в мир, и о неудобствах, которые Он претерпел из любви к чадам земли, — и радовался, имея в чём Ему подражать.

Та же бедность сияла и в утвари, которой он пользовался, и в одежде, какую носил. Постелью ему служило старое одеяло или рогожа из-под мучных мешков; сиденьем — камень. Имелись у него какие-то бумажные образки особо чтимых им святых (в первую очередь — Пресвятой Девы) и крест из двух дощечек, сбитых гвоздём, да грубый медный медальон святого отца нашего Игнатия, который он всегда носил на теле, но никогда не было у него ни ценного реликвария, ни картины или гравюры большей стоимости. Ибо, будучи влюблён в бедность, он опасался, как бы под предлогом набожности не заиметь ценной вещи, к которой прилепилось бы его сердце. С тем breviарием, с которым его рукоположили во диакона, его и застала смерть; блаженный отец так и не сменил его и даже не починил; он был в таком состоянии, что читать по нему было трудно — старый, рваный, полустёртый от употребления, без начала и конца. Диурнал [22] же был и того хуже, ибо весь разваливался, и он связывал его бечёвкой, нося всегда с собой, чтобы молиться там, где выдастся свободная минута или где его труды позволят ему передышку.

Что же сказать об одежде, которая есть своего рода ливрея нищих Христовых, по которой их узнают, ценят или презирают? По одному его облачению можно было судить о его сердечной приверженности к святой бедности. Шляпа его так обветшала, что с неё полностью облезла краска, и не имелось ни подкладки внутри неё, ни отделки снаружи; плащ до того обтрепался и изнашивался, что с трудом держался на плечах; сутану во многих испещряли заплаты, да и чулки были не лучше — старые, латанные. Он не нашивал новой обуви, кроме той, что была на выброс, какую обычно подают нищим. А если когда настоятель и обязывал его взять новую, он не надевал её до тех пор, пока кто-нибудь другой не поносит её, чтобы она пообтёрлась и потеряла блеск, и выглядела старой.

Один настоятель понудил его надеть новую сутану, почитая неприличным для священника носить ту, что была на нём, — короткую и рваную. И таково было его уныние и скорбь, что он аж не мог в ней толком ходить, а спотыкался и падал и ковылял, словно под тяжестью позора, ибо сие облачение в его глазах являлось мирским, а не Христовым. В итоге, чтобы утешить его, настоятель отступил от своего решения и дал ему другую, старую сутану, в которой блаженный отец обрёл великое утешение, ибо ему казалось, что теперь он вновь стал нищим Христовым и может войти в Его школу и общаться со своими братьями, нищими бродягами.

Нижнее же его бельё было таково, что и бельём-то не заслуживает называться, и ныне

его показывают как образец нищеты и ради назидания. Ибо носил он подобие хубона [23], в котором не различить было, где рукава, где стан, и походило всё это, скорее на лохмотья мешковины, обёрнутые вокруг тела и подвязанные верёвкой, и лохмотья эти расходились со всех сторон.

Даже амикт и облачения для служения мессы он выискивал попроще, в подражание одеждам, которые носил Христос; выбирал ризу как можно более дешёвую, самую изношенную, из старой шерсти. И дошло до того, что, когда на одной ризе обнаружилась изящная цветочная вышивка, отца Петра так и не смогли уговорить надеть её хотя бы раз. И даже гостии он хотел иметь убогие, и потому брал самые маленькие и плохо отпечатанные, от которых отказывались другие.

И что может показаться крайностью: для омовения рук он не брал воды из источника, хотя столько её проливалось впустую, но ту, которой уже пользовались другие, если находил её в умывальнице или в каком-нибудь котелке, почитая величайшей бедностью не тратить для себя ни капли чистой воды, когда можно, как нищему, обойтись той, что выплеснута другими, словно он был их слугой, которому достаются объедки господ.

Много раз, возвращаясь поздно, он брал несколько корок хлеба и какие-нибудь остатки с трапезы на старой, треснутой тарелке и ел, как нищий, то, что оставалось от других. Никогда он не тратил ни масла, ни свечей, чтобы осветить себе путь, но искал старые, выброшенные лучины [24], которые вставлял в самодельный светильник, который наполнял несколькими кусочками сала, собранного с лампад, и этим освещал себе путь, как то делают бедняки, ибо нищелюбивый иерей не желал, чтобы кто-либо превзошёл его в сей добродетели. Так он добровольно принимал то, что другие терпят по нужде, по примеру Иисуса Христа.

Оставляю здесь многие другие мелкие подробности его крайнего нестяжания, дабы не быть столь же дотошным в повествовании, сколь был добрый отец в исполнении сей добродетели. Достаточно сказать, что все его вещи и утварь были, как уже говорилось, в высшей степени убоги. До того, что даже пером он никогда не писал новым, но подбирал выброшенное кем-нибудь, кто счёл его старым и негодным. А в качестве бумаги он использовал старые письма (писал на оборотной стороне), обложки выброшенных тетрадей и всякую всячину в том же духе.

Столь же строго он следовал и правилу ничего не давать и не принимать, даже самой малости, без прямого на то разрешения настоятеля, каковое испрашивал, например, чтобы дать лист бумаги или одну освящённую стеклянную бусину — как и подобает иноку, строго соблюдающему Устав и возлюбившему святую бедность. Но на то, чтобы принять что-либо, отец Клавер никогда не просил разрешения, ибо, даже если бы настоятель и согласился, он сам не принял бы дара. Для собственных же нужд он не брал никогда ничего, что стоило бы хоть один мараведи.

При этом знатные и богатые люди города, знавшие его и почитавшие за святого, сами предлагали ему большие суммы золотом и серебром, неоднократно прося и умоляя его принять их. Но он, как истинно нищий духом, который от всего сердца ненавидел богатство так же горячо, как любил бедность, никогда не уступал их мольбам и не брал ничего для себя. Лишь когда они как бы отступали от своего и просили его принять дар хотя бы для бедных, он протягивал руку и брал самую мелкую монету из всех, ибо не разбирался в деньгах и не знал, где реал, а где полреала, и говорил: «Это для бедняков из приюта святого Лазаря». И тотчас, не держа при себе ни мгновения, относил её в больницу, а если не мог пойти сам, то отправлял с доверенным человеком.

Вот какой пример соблюдения обета святой бедности оставил нам блаженный отец

Пётр Клавер: любить её, искать её и почитать, как родную мать. Сердце его было столь свободно от всего земного, сколь пленено небесным, где и было всё его сокровище (ср. Мф. 6:20–21). Признаюсь, я не в силах вообразить себе более совершенного образа инока, идеально нищего и верного своему Уставу, нежели тот, что он явил нам своей святой жизнью и той строгостью, с которой хранил эту добродетель. Ну а теперь обратимся к достойным примерам иных его добродетелей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. О ЕГО СОВЕРШЕННОМ ПОСЛУШАНИИ

Послушание, — говорит святой Амвросий, — такая же дочь смирения, как и бедность, ибо обе они рождаются от него, как от своего корня [25]. Кто смирен, тот покорен и послушен, во всём уступчив, не любит повелевать, но любит, когда им повелевают. Гордец же, напротив, неукротим и надменен, не терпит ярма послушания, не подчиняется ни закону, ни заповедям, но попирает их и нарушает, и в своей надменности и высокомерии желает всеми повелевать, не подчиняясь никому.

А поскольку блаженный отец Клавер был весьма смирен, то и послушание являл соразмерное, покаяясь и подчиняясь настоятелям и всем остальным, точно самый смиренный послушник. Он уподобился чистому и простодушному дитяти перед своими родителями и наставниками: никогда не возражал и не оспаривал ничего, что повелевали, и не имел иной воли, кроме воли настоятеля, и не знал иного рассуждения, кроме как без оглядки и рассуждения повиноваться во всём, что касалось послушания. Будь то сам настоятель, или кто-то из должностных лиц обители, или любой, кто отдавал ему приказание от их имени, он тотчас же повиновался с величайшей покорностью и точностью, внимая их голосу так, будто он исходил из уст Самого Бога, ибо именно Его он неизменно созерцал в настоятеле. Потому-то и не делал различия между одним настоятелем и другим, ибо во всех равным образом видел и слушался одного и того же Бога.

Отсюда и рождались в его душе мир и спокойствие, ибо он радовался, что всегда исполняет волю Божию на земле, как ангелы — на небесах. И столь великое утешение он находил в послушании каждому, что в этой добродетели уподобился славному святому Франциску, ибо с той же радостью и готовностью повиновался бы вчерашнему послушнику, если бы того поставили над ним настоятелем, как и самому старому и опытному инок в Ордене, потому что в обоих равно видел Бога, и голос одного был для него так же важен, как и голос другого.

Сказанного, кажется, достаточно, чтобы изобразить сущий идеал послушания. Но ведь обязательно найдётся кто-нибудь, кому покажется, будто мы живописали в словах этот образ, не имея перед собой ни оригинала, с которым можно было бы сверяться, ни красок, чтобы его расцветить? Но ошибётся всякий, кто так рассудит.

Ведь непосредственные настоятели этого смиренного отца в присланных ими свидетельствах о его жизни удостоверяют, что в послушании он был совершеннейшим примером для иноков, и что никакой, даже самый ревностный новиций, прошедший год искуса, не мог бы сравниться в послушании с отцом Петром Клавером и в покорности, которую он оказывал настоятелям, как то будет видно из нижеследующего рассказа.

Никогда он не делал ничего, что не было бы по послушанию и не согласовано с настоятелем, и не был уверен в успехе ни в каком деле, если оно не было основано на этом главном принципе. Зов колокола был для него непреложным законом: едва

заслышав его, он тотчас вставал и неизменно первым, опережая всех, приходил на общинные собрания. Хоть нитку дать — и на то он просил разрешения у настоятеля, дабы ничего не делать без его ведома. Никогда он не писал писем, а тех, что ему приходили, даже в руки не брал, не испросив на то разрешения и не показав его настоятелю. И совесть его не была спокойна до тех пор, пока настоятель не вскрывал послание собственноручно; даже устное заверение, что письмо передано от него, отец Пётр почитал недостаточным соблюдением правила послушания.

Однажды летом, которое в тех краях бывает невыносимо, он вышел на миссии и трудился с великим плодом. В самый разгар, когда жатва была самой обильной и спелой, он получил записку от настоятеля, в которой тот приказывал ему явиться в коллегия. И не обращая внимания (а ведь имел бы право) ни на обильную жатву, которая пропадала, ни на жару, из-за которой он подвергал своё здоровье и даже жизнь опасности, ни на уговоры набожных и благоразумных мирян, которые просили его остаться, он тотчас же оставил все дела и, как агнёнок на зов, прибежал в руки настоятеля, словно услышал голос Самого Бога, повелевавшего ему это. И так послушно он поступал всегда: никакие трудности или выгоды, сколь бы духовными они ни были, не могли его остановить.

Святой Иоанн Лествичник [26] не скупился на слова, превознося послушание и покорность святых древних монахов, которые, будучи убелены сединами, преисполнены лет и заслуг, так подчинялись своим настоятелям в пустыне, что не делали, не говорили и не помышляли ничего, не дав сперва в том отчёта и не открыв им свою совесть, словно были новоначальными послушниками, только что вступившими в монастырь. Добродетель поистине великая и достойная всяческого восхищения.

Она воссияла и в нашем блаженном отце Клавере, и притом не в меньшей степени, чем в древних монахах. Ибо он, убелённый сединами, преисполненный лет и заслуг, почитаемый и уважаемый всеми в обители и за её пределами как общий отец, обычно в начале каждого месяца шёл поверять свою совесть настоятелю. Он открывал ему всё, что происходило в его душе, словно был новоначальным, только что вступившим в Орден, и просил, чтобы тот наставлял и направлял его в том, что ему надлежит делать, и чтобы назначал ему епитимии, предписывал умерщвления плоти и прочее. Дав отчёт, отец Пётр, исполнял то, что приказывал настоятель, с предельной точностью.

Тот же святой Иоанн Лествичник не скупится на слова, превознося послушание одного святого старца, которого настоятель позвал к себе, и тот тотчас явился по его зову, а затем ожидал приказаний стоя и с непокрытой головой; настоятель же, захотев испытать его послушание, продержал его так целый час, по прошествии которого велел ему отправиться к некоему монаху и произнести начало такого-то псалма. И святой Иоанн Лествичник пишет, что ему было совестно видеть, как столь почтенный муж так долго ждёт, точно ребёнок, с непокрытой головой и в согбенной позе, приказания своего настоятеля. Но ещё более он изумился и вразумился, когда увидел, с какой готовностью и радостью святой старец повиновался.

Почти то же самое произошло и с нашим отцом Клавером. Один настоятель по самому ничтожному поводу, а вернее сказать — и вовсе без повода, велел ему встать на колени. Блаженный отец тотчас повиновался, и настоятель продержал его так, несмотря на его преклонный возраст, добрый час, который тот провёл в молитве с великим смирением и покорностью, пока настоятель не велел ему встать. И он сделал это с улыбкой, радуясь, что ему представился такой случай для смирения. Что сказал бы святой Иоанн Лествичник о таком послушании, если он не скупился на слова, восхваляя послушание того старца? Тот стоял на ногах своих, а этот — на коленях; тот — без епитимии, а этот

— под епитимией без всякой вины; тот ждал приказа настоятеля, а этот — наказания. Воистину, и эту покорность, и то, что он после стольких лет в Ордене поверял свою совесть настоятелю, Лествичник превознёс бы до небес, записав на бронзовых скрижалях для вечного памятования.

И великая слава для Общества Иисуса — иметь в наши времена старцев столь послушных, что они соревнуются в своей покорности с оными святыми древности, которые были чудом святости, дивом для мира и поныне служат примером для всех верных в Церкви.

Но послушание отца Петра Клавера на этом не останавливалось, ибо нисходило далее от настоятелей и на подчинённых, и он повиновался инокам, несущим обители послушания, с той же готовностью и покорностью, как и самим настоятелям: повару — когда входил на кухню, келарю — в трапезной, ризничему — в ризнице, привратнику — в его камерке у входа, и наставнику новичиев — когда входил в новициат, ибо во всех видел Христа и в голосе каждого слышал глас Самого Господа.

Кардинал Цезарь Бароний [27] утверждает, что Господь наш уделил силу святости одной лишь тени святого Петра, а не теням других апостолов, потому что тот был настоятелем и прелатом Церкви, и тем самым дал понять, какую силу имеет тень настоятеля и какое почтение следует оказывать не только ему самому, но и всякому, кто является его тенью.

Это учение отец Клавер понимал очень хорошо и исполнял с предельной точностью, почитая и слушаясь всех упомянутых служителей коллегии, поставленных настоятелем, как его собственную тень. Входя на кухню, он снимал биретту и, опустив глаза, с великой покорностью обращался к повару и повиновался ему во всём, что тот приказывал, словно то был сам ректор или провинциал. Так же он поступал и с келарем, прося у него разрешения взять книгу [28], нож или любую другую вещь из трапезной. В ризнице он вёл себя точно так же с ризничим, которому повиновался с той же пунктуальностью.

Как уже было сказано, он гнушался облачаться в богатые ризы и всегда искал самые простые. Но когда до него доходило приказание брата-ризничего, он умолкал, превозмогал себя и повиновался, облачаясь в ту ризу, которую тот ему давал, сколь бы роскошной она ни была, для чего ему требовалось изрядным усилием себя превозмочь. Привратнику он повиновался с той же покорностью, спускаясь в ту же минуту, как тот его звал. А поскольку слишком многие приходили и спрашивали отца Клавера, привратник, чтобы не подниматься по лестнице всякий раз, додумался звякать ключами на определённый манер — и в тот же миг, как отец слышал этот звук, отвечал без промедления: «Что прикажете, брат?» — и тотчас был готов к его услугам, повинувшись звону, как слову его.

Так же он поступал и с новичиями, заставляя их за ручным трудом: он во всём подчинялся поставленному над ними старшему, как если бы то был сам настоятель. А выходя из обители, он во всём повиновался своему спутнику, отрекаясь от собственной воли: пойти ли по этой улице или по той, здесь ли пройти или в другом месте, — он ни в чём не желал поступать по своему усмотрению, до чрезвычайности прилежно послушанию, напроочь отказываясь от своего мнения и покоряясь чужому.

Нельзя отрицать, что об этой добродетели уже сказано преизрядно и что мало найдётся людей, которые столько лет подобно Петру Клаверу в ней подвизались, не выказывая ни жалобы, ни ропота, ни раздражения, ни нетерпения ни к одному настоятелю, и ни разу не проронив суждения, противного приказанию, но с той покорностью, о каковой было сказано, — как к нему, так и к подчинённым ему

должностным лицам обители и к спутникам, которые не были настоятелями.

Нельзя отрицать, что об этой добродетели уже сказано немало. Но то, о чём я сейчас поведаю, превосходит всё сказанное и есть как бы пробирный камень, являющий высочайшую чистоту сей добродетели. Ибо отец Пётр повиновался не только упомянутым лицам, но, что превосходит всякое разумение, с той же готовностью слушался и чернокожих толмачей, которых брал с собой для оглашения новоприбывших. Стоит заметить, что, поскольку хозяева не отпускали их с ним для занятий, он на пожертвования купил десять сведущих негров (и ещё одного, знавшего одиннадцать языков), чтобы они всегда были под рукой и он мог брать их в миссии, когда выходил из города, а когда огласительных бесед не намечалось, они прислуживали в коллегии. Как было сказано, они являлись его рабами, а также рабами обители, но при всём этом столь велико было его смирение и желание ни в чём не поступать по своей воле, что он всегда ставил себя в послушание тому негру, которого брал с собой в качестве толмача, становясь его рабом, и не делал ничего без его приказаний. А если его просили куда-либо пойти, он перенаправлял просителя к негру, говоря, что тот его начальствующий и что он не может никуда пойти без его приказа и разрешения. Вершиной же этого стал случай, произошедший с ним в одной из миссий.

К нему пришли гонцы от каких-то знатных господ и стали зазывать к ним в поместья, живописуя великую духовную нужду тамошних жителей и обильный плод, который он мог бы там собрать, наставляя в вере негров, а также исповедуя и проповедуя испанцам и прочим поселенцам. Отец выслушал их с радостью, выказывая готовность им послужить, однако, будучи всецело покорен воле чернокожего своего помощника, ответил, что охотно пойдёт, если так прикажет толмач, а потому пусть они обратятся к нему, ибо сам он ни на йоту не отступит от того, что тот скажет.

Посланники были удивлены ответом, а ещё паче — послушанием хозяина рабу, но, видя его решимость, решили всё-таки обратиться к толмачу. Тот, выслушав просьбу, ответил, что сейчас идти не стоит, сославшись на то, что на пути будет река, и она сейчас полноводна, а переправа опасна. Посланники, которые сами только что переправились, уверяли, что опасности нет, и брались доставить отца в целости и сохранности. Негр упорствовал в своём мнении — были ли у него другие причины, неизвестно. Посланники настаивали, и в конце концов спор был передан на суд отца Клавера. Выслушав обе стороны, он ответил, что его дело — лишь повиноваться, и что тот негр — его начальник в этой миссии, и он не может поступить иначе, как тот прикажет.

Тот не отступился от своего суждения, и отец не пошёл туда, куда его приглашали, предпочтя это послушание и просьбам людей, и тому духовному плоду, который мог бы снискать.

Вот такой род послушания измыслило смирение отца Клавера, доселе в Ордене невиданный и небывалый. Ибо в этой и других добродетелях он достиг такой высоты, что превзошёл те пределы, до которой доходили самые суровые подвижники. И без преувеличения можно утверждать, что мало кто (если вообще такие встречались) превзошёл его, в то время как он превзошёл многих.

По этой же причине он никогда не стремился быть настоятелем, хотя имел для того великие дарования, предпочитая оставаться подданным для всех, нежели начальствовать над кем-либо. И если с такой радостью и покорностью он повиновался собственным рабам, то можно представить, с каким рвением подчинялся он своим настоятелям, в которых, как уже было сказано, видел и почитал Христа.

ГЛАВА ПЯТАЯ. О ЧИСТОТЕ ЕГО ДУШЕВНОЙ И ТЕЛЕСНОЙ, А ТАКЖЕ О ПОКАЯННЫХ ПОДВИГАХ, КОТОРЫМИ ОН ЕЁ ОГРАЖДАЛ

Велико было его послушание, но целомудрие его, чистота душевная и телесная — не меньше. Прежде всего, доподлинно известно, что он до конца своих дней сохранил девство. Об этом свидетельствует весь образ его жизни, с самых ранних лет, когда Бог призвал его к Себе, предварив Своей божественной благодатью, и до глубокой старости. Несомненно и то, что за всю свою жизнь он не совершил ни одного смертного греха, всегда храня в святом страхе Божиим благодать, полученную в святом крещении.

Чистота его тела и помыслов уподобилась ангельской, и он не запятнал её ни делом, ни словом, ни помышлением. Отец Пётр был чрезвычайно сдержан, непрестанно бодрствуя в хранении своих чувств: зрение, слух и язык он обуздывал с великим тщанием. Уже говорилось о затворе, который он хранил в своей келье, не покидая её без крайней необходимости. Но с ещё большей строгостью он хранил затвор в обители, а когда всё-таки выбирался наружу, то шёл, столь углублённый в себя и опустивши взор долу, не поднимал глаз на встречных и не мог бы сказать, кто повстречался ему по дороге, мужчина или женщина. Никогда он не посещал людных сборищ, не глядел ни на шествия, ни на торжественные въезды вельмож, ни на какие-либо иные зрелища, танцы, вечеринки или театральные представления, устраивались ли они за пределами обители или в ней самой по случаю какого-либо праздника или торжества.

Праздных визитов он никогда не совершал. Если он и входил в какой-либо дом, то лишь для исполнения своего служения: исповеди, оглашения, крещения или помощи в подготовке к христианской кончине.

А поскольку многие, почитая его за святого и ощущая великую душевную пользу от его бесед, жаждали получить его благословение и облобызать ему руку, то порой прибегали к уловке: посылали сказать ему, что в их доме есть негры, нуждающиеся в наставлении, и вправду заводили нескольких, дабы под этим предлогом заманить его к себе. И блаженный отец с величайшей простотою шёл к ним, не подозревая ничего дурного. Когда же приходил, все домашние обступали его и просили присесть и рассказать им что-нибудь о Боге, целуя его одежду, прося благословения и припадая к его руке, подобно тому, как первые христиане принимали в своих домах апостолов. Но добрый отец смущался и терялся от такой чести и просил, чтобы пришли негры, ради которых его позвали, и не успокаивался, пока они не являлись, и тогда выходил из покоев вместе с ними, чтобы преподать им наставление, а своему спутнику говорил, чтобы тем временем рассказал какую-нибудь поучительную историю хозяевам. И был столь смирен, что, когда его спутник говорил, становился вместе со своими неграми, чтобы послушать его. Закончив своё служение, он с великой любезностью прощался со всеми, а те оставались весьма довольны, что сподобились принять в своём доме на краткое время святого, ибо таковым его и почитали.

Он был до крайности стыдлив и не позволял себе коснуться живой плоти: ни дитяти, ни взрослого, ни мужчины, ни женщины. И когда он возлагал на больных Евангелие, то оборачивал руку плащом, полагая, что все они — горящие угли, и ни к одному нельзя прикоснуться без риска обжечься или запачкаться сажей, ибо все людские тела, сколь бы малы ни были, обжигают. Он всегда держал спутника в поле зрения, как того и требует Правило Общества. Нагих негров он, охраняя приличия, укрывал при исповеди своим плащом, даже если те страдали от заразных болезней, ведь целомудреннейший отец почитал заразу нескромности большей, чем заразу телесную, ибо последняя угрожала телу, а первая — душе; и потому старался уберечься от неё как от сущей пагубы, пусть даже и с риском для тела. И божественное провидение, которое всегда

печётся о своих, сохранило его от обеих, даровав ему здоровье телесное и чистоту душевную.

Ради же вящего охранения своей чистоты он всегда находил себе занятие и никогда не пребывал в праздности. Никто никогда не видел, чтобы он тратил время впустую, ибо он весьма дорожил этим сокровищем, которое, будучи однажды утрачено, никогда не возвращается. И потому он всегда либо молился, либо читал, либо подвизался в пастырских трудах и послушаниях в обители, ну а в часы досуга он усердно мастерил розарии для негров и бедняков. И благодаря таковым упражнениям диавол никогда не заставлял его праздным и не находил лазейки, чтобы искусить его или вовлечь хоть в малейший грех, ибо как праздность — мать пороков, так и занятость закрывает им дверь и порождает многие добродетели.

Этимися средствами человек Божий и хранил незапятнанной ангельскую чистоту своего тела и души. К оным он прибавлял и то, без чего сохранить её трудно, — телесный подвиг, коим укрощал свою плоть, подчинял свои вожеления и становился господином самому себе. Целомудрие (*castitas*) и называется так от слова «наказывать» (*castigando*), ибо без наказания плоти его почти невозможно достичь. Плоть, как говорит святой Павел, воюет против духа (ср. Гал. 5:17), и если она сыта и ухожена, то неизбежно наберётся сил и победит, а ведь подобает ей быть побеждённой. Потому тот, кто желает сохранить целомудрие, непременно должен прибегать к наказанию плоти, умерщвляя своё тело постами, бдениями, бичеваниями и власяницами, ибо это и есть подобающее оружие, коим сражаются в этой брани и побеждают столь неотступного врага.

Будучи искуснейшим духовным наставником, знал эту истину и отец Клавер, а потому, движимый любовью ко Христу, нашему Искупителю, и желанием подражать Ему, сделался самому себе как бы Нероном. Ибо, как говорит святой Павел о Христе, что Он «не Себе угождал» (Рим. 15:3), так и отец Пётр Клавер поступал со своим телом, непрестанно истязая его, не давая ему ни в чём земном улады и ни на йоту не ослабляя своих суровых покаянных подвигов — не только во время здоровья, но и в болезни. Он прибегал к епитимиям, словно то были лекарства для исцеления от недугов, которые он претерпевал. Но более он заботился о здравии души, нежели тела, и потому не щадил последнего, дабы покорить первое.

Начнём с власяных верёвок. Отец Клавер носил их в таком множестве, что, казалось, они облекали его с ног до головы, и не снимал он их ни в здравии, ни в болезни, ни для проповеди, ни в путешествии, ни в часы бдения, ни во сне. Пальцы ног его были опутаны верёвками из грубой щетины, полными узлов, а на подъёме стопы он носил ещё более толстую верёвку из кручёной щетины, толщиной в палец. Даже когда он сидел недвижно, сие орудие причиняло великие мучения в столь чувствительной части тела, где почти нет ничего, кроме кожи да костей, ну а поскольку пламенный иерей почти постоянно находился в движении, с великой ревностью взыскуя душ, то сие служило для него весьма мучительным покаянным подвигом.

Он носил на шее верёвку, утыканную острыми шипами, в память о вервии, что возложили на Христа, нашего Искупителя; она спускалась ему на грудь и доходила до пояса, подобно епитрахили. Сверх того носил он ещё и пояс, длиннее верёвки, из сшитой щетины, шириной в шесть пальцев — он, ниспадая от шеи, туго препоясывал его стан.

Об этом стало известно однажды, когда с ним случился внезапный припадок, и позвали лекаря. Отец провинциал велел раздеть отца Петра и уложить в постель, чтобы лекарь мог его осмотреть: тогда-то и обнаружили на нём эту власяницу, что изумило всех и преподало урок.

И не один раз это случалось, ибо когда лекарь снова пришёл осмотреть его и взял за запястье, чтобы прощупать пульс, то ощутил столь яростное его биение, что не мог поверить, будто это было следствием одной лишь болезни. Он расстегнул ему рукав и обнаружил, что рука больного стянута верёвками из грубейшей щетины, а кожа под ними вся содрана и изранена. Лекарь и сиделка развязали и сняли с его руки эти власяницы, потребовав с него слово чести не носить их, пока длится болезнь, ибо в тот момент он был в сильном жару. Однако поскольку жар любви к Иисусу Христу и желание подражать были сильнее, то лишь с трудом удалось убедить его оставить покаянные подвиги на время болезни.

В течение многих лет он не носил льняного белья, и не было у него иной рубашки, кроме цельнотканой власяницы. Не щадил он ни рук, ни головы, памятуя, что и Христос, Господь наш, пострадал руками и главою Своими из любви к нему. А потому, в подражание Ему, пребывая в келье, терзал сей хриstopодражатель свою голову терновым венцом, крепко его прижимая. Это и был тот «тёплый чепец» и та «изящная биретта», в которых святой отец Пётр Клавер учился, читал, молился и предавался созерцанию. А перчатками ему служили верёвки из грубой щетины, которые он скручивал, чтобы ощущать боль и страдать.

Когда же он состарился и занемог и так ослабел, что не хватало у него сил стягивать на теле верёвки со стальными шипами, о которых мы говорили, велел он маленькому негриту затачивать их на нём, не оставляя сего покаянного подвига ни в преклонном возрасте, ни под тяжестью болезней и скорбей.

Никогда не пользовался он ни тюфяком, ни простынями, ни подушкой. Постелью ему служила старая циновка, расстеленная на полу, а коровью шкуру он почитал величайшей роскошью. В последние же годы, когда старость и недуги, вызванные непрестанными трудами, могли бы дать ему повод к некоторому послаблению в умерщвлении плоти, дабы подкрепить изнурённое покаянным подвигом тело, он напроць это отверг и, напротив, свои подвиги усугубил: отказался даже от сего малого утешения и стал спать на голом полу, подложив под голову полено, без шкуры, без циновки, без всего, что могло бы его защитить или позволило бы отдохнуть. Он возрастал в покаянных трудах по мере того, как возрастал в любви к Богу и в летах, как то пишется о святом Иларионе.

Бичевания его были непрестанны, и он не пропускал их ни единого дня, несмотря на любую усталость. Случалось, на миссиях он исповедовал весь вечер и всю ночь до рассвета, и единственным отдыхом, который он давал своему изнурённому телу, было удалиться в поле, в уединённое место, и бичевать себя до крови. И поскольку сопровождавшие его негры знали об этом, они никогда не звали его в тот час, даже если его искали весьма знатные особы, ибо знали, что он совершает своё покаянное правило.

Трапеза его была сродни непрестанному посту, ибо и утренняя, и вечерняя снедь были столь скудны, что едва лишь поддерживали в нём жизнь. Вначале он подсыпал в еду пепел и землю, а порой и разбавлял кушанья холодной водой, дабы стали они ещё преснее, чем обычная монастырская еда. Но его рвению всякое умерщвление плоти казалось малым, и он всегда изыскивал новые способы истязать и умерщвлять себя при любой возможности.

Так умерщвлял он своё тело, и этим оружием сражался против своей плоти в защиту своего духа и чистоты своей души. И не удивительно, что, так одухотворив себя и подчинив человека внешнего, дабы укрепить внутреннего, он вознёсся на изумительную высоту, стремясь к вершинам добродетели. Ибо, как учит святой Бернард, дух тем выше возносится к небу, чем сильнее умерщвляется тело на земле.

Так отец Клавер и достиг ангельской чистоты и целомудрия.

Доселе мы говорили о его покаянных подвигах, теперь же скажем о том, как усердно он умерщвлял свои страсти и обуздывал свои вожделения.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. О ТОМ, КАК ОН УМЕРЩВЛЯЛ СВОИ СТРАСТИ

Св. ап. Павел говорит, что он *«усмирял и порабощал тело своё»* (1 Кор. 9:27), обращая его в то рабство [духу], что некогда было в раю. Как поясняет святой Василий, в том блаженном состоянии страсти и плотские вожделения покорялись духу. И если и есть способ вернуть тот мир и то господство, которое душа имела над телом, то это — умерщвление плоти, обуздание и подчинение страстей своей воле и своему разуму.

Отец Пётр Клавер так близко к сердцу принял учение об умерщвлении страстей, что с великим и неусыпным тщанием укрощал свои вожделения, всегда держа их в узде, дабы они не выходили за богоугодные пределы. Можно утверждать, не впадая в грех преувеличения, что с помощью благодати Божией он подчинил их, насколько это возможно в прижизненном состоянии, и одержал над ними победу, а с нею обрёл покой и мир душевный, весьма подобный тому, коим люди наслаждались в раю. Ну а доказательством истинности сего послужат следующие свидетельства.

Во-первых, он установил для себя чрезвычайно строгое правило, как видно из одной его записки, которая гласит: «Чтобы подражать Христу, Господу нашему, в любви и ревности о душах, мы должны преследовать самих себя; и чтобы стать Христовыми, мы должны себе не принадлежать. А сие преследование самих себя должно состоять в том, чтобы понуждать себя к тому, что нам противно, превращая горечь всех невзгод, что приходят к нам ради Бога, в сладость. Нет пути к Жизни выше и надёжнее, и нет ничего Богу угоднее, чем радостное страдание за Христа».

И в соответствии с этим правилом, которое отец хранил нерушимо, всегда держал он в деснице меч умерщвления, отсекая и отменяя всё, чего алкали его страсти, а давая им только противоположное. Если ему хотелось говорить, он молчал; если есть — постился; если пить — откладывал питьё. Никогда он не пил ничего изысканного, ни для удовольствия, ни для улады, довольствуясь водой, «охлаждённой» лишь на воздухе [а не в ледяном погребе], при том, что воздух тех краёв ещё как зноен. Не пробовал он ни алохи (*aloja* — популярный в Испании того времени сладкий прохладительный напиток из воды, мёда и специй. – Прим. пер.), ни пива, хотя их в изобилии привозили корабли работоторговцев, ни шоколада, который в тех краях обычный напиток [29].

Также он никогда не вкушал никаких лакомств, как то: цукатов, пирогов, пирожных, бланманже, варенья [30] и тому подобного. Никогда не добавлял в еду ни масла, ни уксуса в овощи. Что же до соли, то, сколь бы обычна и необходима ни была сия вещь, он не потратил за всю жизнь и крупичи её — вот что всего удивительнее. Равно не вкушал он ни апельсинов, ни лимонов, ни чего-либо в этом роде, но довольствовался тем, что ставили на стол, не разбирая яств, и лучшим для него лакомством была еда самая безвкусная. И долгое время он тайно носил с собой [сушёные и толчёные] листья какого-то жутко горького растения и подсыпал их в тарелку, чем портил вкус еды и своё удовольствие – в память о желчи и уксусе, кои Христос терпеливо вкушал из любви к нам.

Один брат, видя, что отец Пётр во время болезни совсем потерял аппетит, спросил его, не желает ли он немного отвара из маслин, чтобы хоть как-то возбудить желание

поестъ. Блаженный отец не ответил ни да, ни нет. Брат же, полагая, что сие пойдёт больному во благо и не будет ему противно, принёс отвар и попросил его принять это малое подкрепление. Тот уступил его просьбам и, словно то было великое лакомство, обмакнул в отвар кусочек хлеба и съел, а остальное велел сохранить на потом, сказав, что ему пришлось по вкусу.

Брат пошёл, чтобы перелить отвар в горшочек, подыскал посудину, а переливая жидкость, заметил, что в ней полно дохлых и сгнивших водяных козявок. Его охватили сомнения и опасения по поводу качества того «лекарства», которое он дал больному. Он попробовал его и почувствовал горечь, как от желчи, и тотчас желудок его взбунтовался, а к горлу подступила смертная тошнота от одной лишь капли, упавшей на язык с пальца. И изумился брат подвижничеству отца Клавера, который не только попробовал, но и поел этого варева, и даже нашёл в нём некую усладу, и остался так доволен этим горьким снадобьем, что велел сохранить его, дабы принять позже, не утолив вполне своей жажды страдания однократным вкушением желчи и уксуса Христовых, но из любви к Нему жаждал вновь и вновь приобщаться к Его горькой чаше, дабы испить её до последней капли.

Что сказал бы св. Дорофей (*Автор ссылается на «Душеполезные поучения» аввы Дорофея Газского, где приводятся многочисленные примеры терпения и смирения древних иноков. – Прим. пер.*) о нашем отце в этом случае, если столь возвышенными словами он восхвалял умерщвление и терпение аввы Стефана за то, что, когда ученик подал ему яйца, жаренные на льняном масле, он вкусил их и промолчал, не упрекнув его и не поморщившись, но возведя эту ошибку к воле Божией? Добродетель сия в глазах святого Дорофея была столь велика, что он записал её как бы на бронзовых скрижалях как выдающийся пример терпения для всего потомства.

Пусть же тот, кто читает эту историю, увидит, сколь превосходит подвиг отца Клавера подвиг Стефана. Ибо он не только вкусил горькое и зловонное зелье испорченной похлёбки, но и съел его, и наслаждался им, словно то было изысканнейшее яство, и сохранил остатки на потом, с намерением прибавить мучение к мучению и умерщвление к умерщвлению. Без сомнения, его подвиг был велик и послужил прекрасным примером и назиданием для всех, и может сравниться с подвигами древних святых, которые были и остаются по сей день примером покаяния для всех верных в Церкви.

В дни, когда брадобрей приходил подновлять стрижки братии, отец Пётр с особой тщательностью искал самого «зелёного» подмастерья, чтобы тот подбрil ему тонзуру. И он воистину говорил правду, называя эту тонзуру мученическим венцом, ибо ученик неумело орудовал своими бритвами и ножницами, а святой отец медленно сгорал на огне пытки под его руками, претерпевая всё не только с терпением, но и с радостью, вспоминая о терновом венце, терзавшем терпеливого Спасителя. Случилось, что один из отцов пришёл побриться и увидел отца Клавера всего в порезах, с кровью, струящейся из ран на лице, и, движимый состраданием, стал бранить мастера за то, что тот позволил учинить рабу Божию такую резню. Мастер же оправдывался, говоря, что он сам весьма желал бы, чтобы отец Клавер оказал ему милость и сел в его кресло, но его преподобие ускользает из его рук, чтобы предаться в руки мальчишек и учеников, от которых неизбежно и приходится уходить с такими «трофеями». И не ошибся мастер, ибо блаженный отец стяжал этим великую награду на небесах.

Отец Пётр с неусыпным рвением преследовал себя, как заклятого врага, и крест свой нёс безуданно. В трапезной он постоянно совершал покаянные подвиги, не позволяя ни одному послушнику превзойти его в этом. Порой он ел на полу, порой на коленях, порой стоя; порой на земле простирался, чтобы все его попирали ногами; часто

лобызал стопы братьев и приносил публичное покаяние в нерадивом соблюдении Устава, и нередко выходил под бичевание, исповедуя свои проступки. Незадолго до последней болезни своей, перед тем, как окончательно слечь, он вышел в трапезную с одеялом на плечах, каясь в том, что его одолевает сон, хотя спал он так мало, что едва ли набиралось и три часа в сутки, как мы увидим далее.

Первым блюдом в его трапезе было умерщвление плоти, которым он приправлял всё остальное, ибо, вкушая пищу, одновременно себя умирал: обычно он стоял на одной ноге, чтобы тело его не знало покоя, а когда нога уставала, опускал её и поднимал другую, дабы равномерно распределить страдание. Он постоянно вёл тяжбу с самим собой и ни на миг не заключал в этой войне перемирия.

Жара в тех краях стоит непрестанно, а летом бывает и вовсе чрезмерной, отчего люди ищут спасения в прохладных комнатах, в купальнях и обмахиваются веерами. Но никогда не было видано, чтобы отец Клавер прибегал к чему-либо из этого, дабы охладиться. И что ещё более поразительно, — утверждают те, кто жил с ним, — он никогда не отирал пота с лица своего, сколь бы ни был утомлён, что служит ясным доказательством его подвижничества, в коем он усердствовал сорок один год в той коллегии. Впрочем, если читающему сию историю кажется, что сказанное чрезмерно, я молю его повременить с суждением, доколе не прочтёт он того, что последует далее.

Одних людей трогает одно, а других — иное, по разнообразию разума, которое Бог уделил человекам. Но я признаюсь, что всё сказанное доселе, включая и те героические умерщвления плоти, что он совершал, лобызая гниющие язвы негров, не изумляет меня так, как то, о чём свидетельствуют его ректоры и все, кто жил с ним и сопровождал его в миссиях.

Дело в том, что земля та кишит роями мух, оводов и москитов, которые порой, подобно густым облакам, носятся в воздухе. И жала их так тверды, что пронзают и чулок, и платье, и через полотно, и через сукно ранят плоть и высасывают кровь, чему на соседних островах я был очевидцем. Итак, поскольку напасть эта столь обычна во всём том краю, отец Клавер никогда не сгонял их ни с лица, ни с рук, ни с какой-либо другой части своего тела, но радушно позволял им терзать себя сими докучливыми орудиями. И мука его была тем продолжительнее, чем мельче были сии твари, ибо, досаждая ему без устали, днём и ночью, они требовали от него и терпения беспрестанного.

То же терпение и ту же выдержку стойкий иерей хранил и по отношению к блохам, пчёлам, осам и прочим инсектам, которые досаждают людям, ибо он сносил их укусы из любви к Богу, как посланные Его рукою кары, и почитал сии создания за друзей, которые помогают ему умерщвлять плоть, укреплять дух и стяжать небеса. Пусть каждый испытает на себе, хотя бы на краткое время, этот подвиг, и познает его величие по тому, сколь трудно его вынести. Ведь иной, свершив великие подвиги, может не найти в себе сил стерпеть эту малую пытку, столь неотступную, болезненную и докучную, и не устоять перед сонмом сих тварей, мучимый их жужжанием и жадами.

В Церковной истории упоминается о некоторых тиранах, которые, пытаясь сломить стойкость святых, пробовали многообразные виды мучительств, а под конец прибегали к следующему, как к самому жестокому: привязывали нагих мучеников Христовых к столбам и выставляли их на солнце в местах, кишящих мухами, комарами, осами, оводами и прочими подобными тварями. Все они, как бы составляя разноплеменное войско, нападали на рабов Божиих и истязали их своими неотступными и мучительными укусами в муке непрестанной и продолжительной. Пытка эта была тем тяжелее, чем ничтожнее были палачи, а боль — тем острее и мучительнее, что постоянно возобновлялась. И мучение сие почиталось не меньшим, чем пытки на дыбе и помосте, да и прочие издевательства, коими терзали мучеников.

Эту же муку добровольно терпел блаженный отец Клавер из любви ко Христу, и притом дольше, чем мученики, ибо страдал так сорок лет, и с не меньшим терпением. Руки его были свободны, и он мог бы защититься, но они были связаны другими, более крепкими узами — любовью ко Христу и желанием претерпеть за Него многие мучения.

В «Житиях отцов» повествуется об авве Макарии Египетском, что, когда его укусил комар, он от боли произвольно поднял руку и убил его, а осознав содеянное, так устыдился своего нетерпения, что в покаяние обрёк себя на шесть месяцев терпеть укусы оводов и комаров, которые будут нападать на него, не отгоняя ни единого. И как обещал, так и исполнил. Сей подвиг сочти столь выдающимся, что слава о нём разнеслась по всей Фиваиде и по пустыням Нитрии и Египта, и записали его в житии святого на вечную памяти и в пример всему миру.

Сравним же теперь подвиг святого Макария с Клаверовым, и так выявится высота его доблести и величие его терпения. Ибо подвиг святого Макария длился шесть месяцев, а подвиг отца Клавера — более сорока лет. Тот ограничился оводами и комарами, а этот распространил своё незлобие на всех крылатых гадов, вредящих человеку, даже тех, что плодятся на нас самих. Подвиг того был покаянием за одно нетерпеливое движение, а этого — чистым умерщвлением плоти и покаянием. И если тот подвиг был так прославлен отцами-пустынниками, то чего заслуживает этот, в наш век, когда столь редки подвижники? Пусть поразмыслит об этом христианский читатель и воздаст благодарение Богу за то, что Он даровал сему блаженному отцу в наши времена столь великое терпение и столь высокий дух умерщвления.

Мы могли бы соткать длинное полотно, если бы захотели подробно рассказать о том, как он умерщвлял и подчинял себе каждое из чувств.

Что до осязания, то сказанного довольно. О зрении мы уже упоминали: он никогда не позволял себе смотреть на вещи диковинные или усладительные, как то: сады, рощи, картины, шпалеры - или на вещи редкие и драгоценные. Вкус он умерщвлял горькими питьями и безвкусными яствами; обоняние — отвратительным смрадом, исходившим от потных рабов и от больных, покрытых гниющими язвами, не давая себе ни малейшего утешения в благоухании трав или цветов, которые никогда не приближались к его ноздрям. Слуху своему он отказывал в музыке и пении, что могли бы его усладить, а также в новостях, что приходили из Испании с флотилиями и почтовыми судами.

И это был род подвига весьма редкий и, без преувеличения, можно сказать, невиданный. Ценность его не может в полной мере познать тот, кто не был свидетелем ликования и праздничного веселья в портовых городах, когда прибывают флотилии и корабли из Испании. Все ждут их, как саму жизнь, надеясь получить весточку с любимой родины, от родных и близких, от королей и сеньоров. Радость такова, что звонят в колокола, на башнях вздымаются флаги, гремят барабаны, выходит в парадных мундирах войско, чтобы встретить их, палит вся артиллерия, и не остаётся ни хромого, ни калеки, ни должностного лица, кто не бросил бы своих дел и не вышел бы посмотреть на корабли, и поприветствовать их, и узнать, что нового в Испании. Обо всём этом я повествую как очевидец.

И при всём этом отец Клавер был так сдержан, или, лучше сказать, так мёртв для всего мирского, что за сорок лет, прожитых в Картахене, куда прибывали эти армады, он ни разу не вышел ни встретить, ни проводить их, и не спросил ни о чём, что происходило в Испании и могло бы удовлетворить простое любопытство. Его занимало лишь, царит ли в мире мир и не привезли ли больных, которых нужно лечить. Из чего видно, что сердце его полностью принадлежало одному лишь Богу, и *«жительство его было на*

небесах» (Флп. 3:20), и был он скорее тамошним обитателем, нежели земным, и как таковой подчинил себе страсти, благодаря чему обрёл мир и спокойствие душевное, и внутреннюю сладость, подобную той, которой наслаждались люди в раю.

А теперь посмотрим на дары Святого Духа, которые он сим стяжал от руки Господней.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. О ДАРЕ МОЛИТВЫ И О БЛИЗОСТИ ЕГО К БОГУ

Доселе мы говорили об умерщвлении плоти, покаянных подвигах, смирении, бедности, целомудрии и послушании сего раба Божия. Теперь же следует рассказать о молитве и любви — добродетелях, коими душа теснейшим образом соединяется с Богом. О них придётся сказать не так уж много, хотя и он обладал ими в преизбытке, а всё потому, что до нас дошли лишь скудные сведения. Однако и так ясно, что раб, столь верный и столь щедро облагодетельствованный Господом прочими добродетелями, не мог не преуспеть и в этих, ибо Божественное Величество сообщало их ему в высочайшей степени, о чём свидетельствуют его деяния, которые все суть плоды божественной любви, даруемой в молитве и близком общении с Богом.

Общение, которое имел сей святой муж с Господом, было столь тесным, что он, казалось, всегда пребывал в молитве, беседуя с Его Божественным Величеством. И подобно ангелам, которые, хоть и нисходят для исполнения служений, на которые посылает их Бог, никогда не теряют из виду лик Его, но, что бы ни творили, пребывают в божественном созерцании, — так же поступал и сей раб Его во всех трудах своих: работая руками, он неизменно держал сердце в Боге, на Коего взирал и говорил с Коим, не теряя Его из виду. А чтобы память бодрствовала, он носил на груди весьма чтимый им образ Христа распятого, который вынимал при всяком удобном случае, услаждая свой взор и пробуждаясь к созерцанию и памятованию о Страстях Его.

И хотя нам не ведомо, до какой степени созерцания он дошёл, ибо он скрывал божественные милости, как тайны, вверенные ему Богом, однако знаем, что каждый день, прежде чем выйти на труды свои, он пять полных часов посвящал непрерывной молитве. Ибо блаженный отец спал немного лишь в начале ночи, а в двенадцать или в час уже вставал, чтобы, как он выражался, «насладиться тишиной и покоем, которые дарует Бог, когда все спят». Он становился на колени или простирался ниц на земле, с вервием, что носил на шее, и в терновом венце на голове, держа в руках образ святого Распятия. И так он пребывал в молитве до тех пор, пока не начиналась общая молитва в общине, что длилась с часу до шести утра [31]. А когда предстояло много исповедей, он, дабы уделить покой душе, жертвовал сном телесным и начинал молиться ещё раньше.

Ибо если бы его молитва не была столь возвышенной, полной глубокого богообщительного созерцания, то невозможно было бы и вообразить, чтобы он на протяжении многих лет мог выдерживать столь долгие, почти непрерывные молитвословия.

Надёжным доказательством истинности сего служат свидетельства иноков и негров, которые жили с ним и сопровождали его в странствиях: они много раз видели, как отец Клавер, молясь, возносился в воздух, всецело погружённый в Бога. И поныне жив один чернокожий толмач, который прислуживал ему при его предсмертной болезни. Так вот он сообщает, что за несколько дней до кончины, в последних числах августа, когда он засиделся у отца до поздней ночи, у них погасла свеча. Негр спустился зажечь её от светильника в коридоре, а когда поднялся, то увидел, что в келье светло: свет пробивался сквозь щели в двери и окошко, что изрядно его подивило, ибо никто, кроме

него, за огнём не спускался.

Он вошёл в комнату и увидел сальную свечу, горевшую в убогом глиняном подсвечнике, который поставили отцу для освещения. Изумлённый случившимся, толмач принялся искать отца Клавера, чтобы спросить, кто зажжёт свечу, но не обнаружил его в постели, а заглянув за старый полог, разделявший келью, увидел его парящим в воздухе, погружённым в Бога, с Распятием в руках. Негр смутился от этого зрелища и призадумался, что же делать: позвать ли отцов из коллегии или других негров, что в то время уже спали. В конце концов, он решил не поднимать шума, опасаясь потревожить святого, и оставался при нём, пока тот не пришёл в себя после этого восхищения, а затем помог ему лечь в постель, ибо тот так ослаб, что сам оказался не в силах. А добрый отец Клавер, будучи подлинно смирен, настоятельно просил его ни в коем случае никому о виденном не рассказывать. И чернокожий молчал до тех пор, пока отец не отошёл от сей жизни.

Сие, надо заметить, хорошо согласуется с тем, что мы говорили в первых главах: как он, будучи студентом-слушателем [32] в Барселоне, замер в восхищении на улице, где избили святого Игнатия (*В 1520-х годах, живя в Барселоне, св. Игнатий был жестоко избит на улице за то, что безбоязненно обличал грехи влиятельных горожан. – Прим. пер.*). И если уж тогда он начал получать такие милости от руки Всевышнего, то можно верить, что они становились всё обильнее по мере того, как он усердствовал в своих служениях и возрастал в добродетелях. Такое восхищение чувств не случается при обычном размышлении о божественных тайнах и обретается лишь у великих созерцателей, достигших высочайшей степени молитвы и единения с Богом, на каковой и находился отец Клавер.

Те, кто прислуживал ему и близко общался с ним, свидетельствуют, что всё то время, когда отец не молился вслух, не занимался в своей келье [чтением, богомыслием, ведением записей всякого рода] или не был поглощён служением [ближним], проводил он в сокровенной молитве. Утром, днём, вечером — в какой бы час его ни искали, всегда находили его на коленях, погружённым в молитву. Казалось, он ею жил, и была она его хлебом насущным и пищей духовной. Но что ещё удивительнее, даже во сне он, казалось, не прекращал молиться, ибо слышали, как он отчётливым голосом повторял псалмы и евангельские строки.

Так исполнилось на этом святом муже сказанное святою Невестой о себе самой: «*Я сплю, а сердце мое бодрствует*» (Песн. 5:2), ибо и он в это время не переставал славить и благословлять Бога.

Никакие болезни, хоть и перенёс он их множество, притом весьма тяжёлых, не в силах оказались ни на йоту умерить пыл его молитвы: большую часть ночи он проводил в молитве, преклонив колени у своей постели, а когда не мог встать, то лежал, обратив к небесам руки, лицо и взор, а наипаче — сердце, молясь и благословляя Бога, как то повествуется в житии святого Мартина. Из всего он извлекал повод к восхвалению Бога и к собственному уничижению, славя Его во всём, а себя укоряя за то, что дурно воздаёт за милости, получаемые из длани Божией.

Обыкновенно он начинал молитву с какой-либо из Страстей Христа Господа нашего, кои он глубоко почитал. Он ставил на виду перед собою тот или иной образок, а от него восходил к созерцанию Божества Христова, Его божественных свойств и высочайших тайн Его бытия. И, сопоставляя величие Его Божества со смирением Его Страстей, он выходил из себя, и не вмещало сердце его того чувства и света, которые сообщал ему Господь. Воспламенённый Его божественной любовью и палящею жаждою подражать Ему, горячо алкая возвестить о Нём всему миру, дабы все творения на земле и на небесах Его познали, поклонялись Ему и почтили Его, он умирал от желания умереть за

Того, Кто умер за него.

Притом сие священное пламя, что возжигалось в душе его огнём молитвы, точно мукою крестной терзало его, ибо он ясно видел и оскорбления, наносимые Божественному Величеству, и бесконечное множество душ неверных, которые погибали, потому что некому было проповедовать им, просветить их и привести к познанию их Создателя. И, волнуемый таковыми желаниями и безграничной любовью к Богу, он не знал покоя ни днём, ни ночью, трудясь с неутолимой жаждой ради спасения душ и претерпевая за них безмерные тяготы.

Поскольку же всего этого ему казалось недостаточно, он просил у настоятелей разрешения отправиться в королевства Конго и Мономотапа, и к рекам Гвинеи, чтобы проповедовать неверным и водрузить знамя веры в тех столь обширных, сколь и забытых краях, населённых бесчисленными язычниками, ослеплёнными тьмой идолопоклонства. Он уповал, что споспешением благодати Божией соберёт там великую жатву душ, и питал немалую надежду на мученичество, желая отдать жизнь свою в руках неверных за Того, Кто отдал Свою на Кресте за него.

О сём апостольском муже можно сказать то же, что святой Иероним поведал о святом Иоанне Евангелисте, что, мол, не у него воля к мученичеству отсутствовала, а не дано было ему по воле его (*комм. на Евангелие от Матфея, книга 3, гл. 20. – Прим. пер.*). Впрочем, отец Клавер в святом смирении отнюдь не домогался сей высокой чести, а поскольку Бог предназначил ему апостольское служение в Картахене, то и подвиг Он настоятелей воспрепятствовать этому путешествию, удовольствовавшись его желаниями и готовностью его воли, как Он удовольствовался готовностью Патриарха Авраама [пожертвовать сыном], не допустив сего на деле. Ибо нередко Бог стучится в двери наших сердец, чтобы испытать чистоту нашей любви и готовность нашей воли, а в итоге довольствуется лишь ею и не допускает осуществления, как не дал Он и отцу Петра Клавера [отдать жизнь за веру].

Итак, молитва его была тем источником, из коего рождалось и пламя божественной любви, что пылало в его груди, и ревность его о душах, и жажда пострадать за Христа, и все его подвиги покаяния, умерщвления плоти и милосердия. Ибо по плодам этим и можно судить, сколь высок был дар молитвы, сообщённый ему Богом.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. О ПОЧИТАНИИ ИМ ХРИСТОВЫХ ТАИН И СВЯТЫХ УГОДНИКОВ БОЖИИХ

Много было у сего инока молитвенных правил, коими чтит он как тайны Христовы, так и святых Его. Мы поведаем о некоторых, самых главных, для общего назидания и в пример нам, а также дабы ещё полнее раскрыть благочестивую жизнь сего апостольского делателя в Церкви Господней.

Первое место среди них занимает то нежное почитание, которое он питал к Святейшему Таинству Алтаря, в Котором обретал он своё прибежище, утешение и облегчение в трудах. А потому он непрестанно предстоял пред Его Божественным Величеством на хорах, ибо там было более уединённо и тихо, и в храме, когда там было меньше народу, взирая очами веры и благоговая пред божественнейшим Господом, живым и прославленным, ведь под покровом видимых свойств хлеба Он сопребывает с нами на земле, и здесь, у алтаря, Ему поклоняются ангелы, как служат они Ему вкупе со святыми у Престола Небесного.

Там он размышлял о Его величии, Его могуществе, Его всевластном владычестве, Его

премудрости, Его славе и Его бесконечной любви, ради которой Он заключил Себя в столь тесном месте и сошёл с небес на землю, чтобы обитать с нами. И так воспламенялся он любовью Его от этих размышлений, что выходил из себя и пребывал словно в восхищении, унижаясь пред столь Всевышним Величеством. И столь полна была его радость при виде Св. Таин, что он хотел бы никогда не отходить от алтаря Божия, но вечно славить и благословлять Господа вместе с херувимами, серафимами и всем небесным воинством.

У него были определённые часы для посещения Св. Даров, и, хотя их было много, он никогда не пропускал их, сколь бы ни был занят. А в те годы, когда отец Пётр так расхворался, что уже не в силах был двигаться, просил негров одевать себя и относить на руках, дабы посетить своего Господа. Всеми силами он старался запечатлеть в каждом сердце сей святой обычай, горько сетуя, что забывают христиане несравненного своего Соседа, обитающего так близко к домам их, ведь хотя на площадях толпился люд, церкви пустовали. Он побуждал тех из чернокожих, кого почитал достаточно к тому подготовленными, приступать к Причастию как можно чаще и прилагал великие усилия, дабы и умирающие не остались без Напутствия.

Для этого ему приходилось преодолевать горы трудностей: то с их хозяевами, которые, дабы избавить себя от хлопот по приуготовлению встречи Св. Даров, утверждали, что умирающие неспособны их принять; то с приходскими священниками, которые уклонялись от того, чтобы уделять несчастным Таинство; то с самими умирающими, ибо они не умели приготовиться. Но всё это не могло устоять перед милосердием и доблестью сего раба Господня, ибо он всё превозмогал, трудясь над подготовкой негров и больных, сам убирал комнаты и помещения, где они находились, образами, благовониями и украшениями, которые держал у себя для таких случаев, и предлагал самолично принести [Святые Дары], когда приходские священники слишком упорствовали в своём отказе.

Но особенно любовь его к сему божественнейшему Таинству проявилась в том усердии, с коим он готовился к его принятию, и в том трепете, с коим благодарил, — а это деяния, достойные святого.

Во-первых, он каждый день исповедовался перед мессой с великой скорбью о своих грехах, словно то была его предсмертная исповедь, очищая, насколько возможно, сердце, дабы принять в него Всевышнего Господа. Когда же был болен и не мог ходить сам, то каждый вечер просил негров относить себя на руках в келью исповедника и исповедовался, чтобы утром причаститься — для чего его спускали в церковь. И так он не пропустил ни одного дня, до самой своей кончины.

А чтобы воспламенить себя благоговением к сему таинству, он проводил долгие часы перед причастием в размышлении и молитве, для чего составил различные высокоблагочестивые упражнения и размышления, которые и были найдены среди его бумаг. В одном из них он пишет так:

«Буду размышлять о величии Господа, что сокрыт под видами таинства.

Взгляну сперва, Кто Он как Бог: Всемогущий, Творец неба и земли; и Кто Он как человек: мой Учитель, мой Пастырь и мой Искупитель, умерший, чтобы дать мне жизнь.

Подумаю, какое убранство необходимо, чтобы принять столь великого Господа, и кто я, к кому сие верховное Величество желает прийти: как я низок, ничтожен, грешен.

Сравню Его благодать с моей злобой, Его высоту с моей низостью, Его чистоту с уродством моих многих грехов и скажу с сотником: *Domine, non sum dignus...* (Господи, я

недостойн...)».

А затем добавляет следующее.

«Как же вдоволь воздать Господу за дар столь великий, за милость Его? Умолю Христа, Господа нашего: раз уж Он, Царь столь могущественный, желает войти в мою убогую обитель, пусть же пошлёт Он вперёд Свою свиту (гасамага), дабы она, излив Духа Его Святого, достойно приуготовила мою душу к Его приходу. И к Владычице нашей обращаюсь с мольбою, дабы Она, как милостыню или хотя бы взаймы, уделила мне к приходу Сына Своего ту чистоту душевную, с какой Сама прияла Его во чреве Своём пречистом».

В таком духе он, продолжая свои размышления, прибавляет к ним и способ благодарения за полученный дар, каковое всегда творил неспешно и трепетно, на коленях. А когда по причине старости и болезней не мог уже преклонить колен, садился на низенькую скамеечку и так оставался долгое время у алтаря, слушая мессы, которые там служили, и вознося бесконечные благодарения Богу. Молился отец при этом о нуждах Церкви и о её тружениках, в особенности об иноках Общества Иисуса, ибо желал как бы трудиться руками их всех, когда уже не мог своими, но за то помогая им молитвами и прошениями перед Богом.

Не менее глубоко почитал он и Страсти Христа, Господа нашего. Подобно голубке, что ищет укрытия в расселинах скалы (ср. Песн. 2:14), он находил прибежище в ранах-расселинах той Скалы, что была уязвлена ради нашей любви. Там было всё его прибежище, там он находил всё своё утешение, там укрывался и укреплялся для браней Господних. Там он спал, и отдыхал, и возгорался живым пламенем желания подражать Ему. Этот пучок мирры (ср. Песн. 1:12) он всегда носил в своём сердце как утешение для души и как средство, предохраняющее от заразы любого несовершенства. Он никогда не терял из виду Христа распятого: в своей келье всегда держал Его перед глазами; выходя, носил образ Его на груди. В исповедальне он устроил нишу, куда ставил святой образ так, чтобы уста кающегося приходились на ноги Его, а он сам имел Его перед глазами. На площадях, на дорогах, в поместьях и селениях — повсюду отец Клавер носил Его с собой, и вынимал, и услаждался Его видом. Он был его спутником и его утешением, его путеводителем и его Учителем, его Советником и его Отцом, с Коем он разговаривал и советовался обо всём, что ему предстояло сделать.

И доподлинно известно, что он всегда держал в уме спасительную мирру Его Страстей, оттого-то лицо его часто было заплакано, и он проливал многие слёзы сострадания к Господу. Да и нельзя было сделать ему подарка более угодного, чем дать какой-нибудь образ Страстей Христовых, особенно скорбный и вызывающий сострадание, ещё глубже будивший в нём ответное чувство и горечь о том, что претерпел Господь.

Дабы возгревать в себе это благоговейное чувство [к Страстям Христовым], он всегда носил с собой книгу о Бальтазара Риччи, на гравюрах которой представлена жизнь Христа, нашего Икупителя. И когда блаженный отец уединялся для молитвы, то держал сию книгу открытой на одном из пяти образов, а именно: Моления в Гефсиманском саду, Бичевания у столпа, Увенчания тернием, Распятия и Снятия с Креста. К этим сценам он питал особое благоговение и ощущал при их созерцании великое умиление. С безмерной нежностью он говорил о Страстях Господних, пробуждая глубокое чувство во всех, кто его слушал. А новоприбывших негров наставлял в тайнах веры по этой книге, что, как мы уже говорили, является лёгким и приятным способом обучения для тех, кто не умеет читать.

В Великий пост и на Страстной неделе он всецело посвящал себя размышлениям о

Страстях, прибегая для этого к различным духовным упражнениям, и главным из них было подражание, ибо он [мысленно] сораспинался Христу, сопутствуя Ему в Его предсмертных муках, в Его поте, узах, поруганиях, бичеваниях, терниях, поношениях и Кресте, помогая нести его, не только сострадая, но и подражая Ему, что есть наилучшее из всех благочестивых упражнений.

Среди его бумаг были найдены тетради с размышлениями, заимствованными у святого Бернарда; с их помощью он в молитве своей обращался ко Христу, Господу нашему, с благоговением почитая каждый член Его тела и каждую из язв Его. И они были так истрёпаны, что ясно было, как часто он к ним прибегал. Также у него было три или четыре весьма бедных и грубо сделанных изваяния Христа, которые он посылал тем неграм, у кого их не было, дабы они не были лишены этого блага. Он во множестве раздавал им образки Страстей и освящённые кресты, увещевая их относиться к ним с искренним благоговением.

А для осуждённых на казнь у него было особое, вдохновлявшее на молитву Распятие, которое он давал им в руки в тот миг, как им объявляли приговор, чтобы они держали его до самого его исполнения. При этом отец помогал несчастным [встретить смерть достойно], убеждая их подражать Господу в том терпении и страдании, что Он перенёс за нас.

В конечном счёте, столь сердечной была его привязанность к Страстям Господним, что до последнего часа своей жизни он держал их перед глазами, всегда взирая на это зеркало и услаждаясь своим Возлюбленным, изнемогая от любви к Нему, как то пишется о святом Карле Борромео, и стремясь подражать величайшим святым, дабы никто не превзошёл его в любви ко Христу распятому.

Не менее глубоко почитал он и Пресвятую Деву Марию: он любил Её всем сердцем, как Матушку, как Владычице — благоговейно поклонялся, как Царице неба и земли — верно служил. От одного Её имени сердце его таяло, и произнести оное было для него всё равно, что вкусить сладчайших медовых сот — такова была нежность и благоговение, которые он ощущал в своём сердце. Он постился во все кануны Её праздников и совершал в Её честь тогда самоуничижительные действия, как то: выходил на самобичевание, лобызал стопы всем инокам, приносил покаяние в своих проступках и иные творил подобные подвиги, согласно обычаю Общества. То же самое он исполнял и по субботам, ибо дни эти посвящены Пресвятой Деве.

В Её же главные праздники он старался, насколько удавалось, не только сам их праздновать, но и прилагал всяческое усердие, чтобы и другие их справляли. За два или три дня до торжества он ходил по улицам и площадям, призывая народ исповедаться и причаститься в эти дни, полагая, что очистить совесть и достойно принять Её Всеблагословенного Сына — это лучший праздник, который можно устроить Его Пресвятой Матери. И дни эти были для него днями духовной жатвы, ибо ещё до рассвета он уже был в исповедальне, принимая исповеди всякого рода людей до самого полудня. Затем вставал и шёл кормить нищих, для которых, как мы уже говорили, в такие дни готовил пышное угощение. Он собственноручно накрывал для них столы, подавал воду для омовения рук и прислуживал им, а затем садился есть вместе с ними, как с детьми Блаженнейшей Девы и своими братьями.

А ради вящей торжественности он приглашал музыкантов, чтобы сопровождать пированье музыкальной игрою, и те исполняли мотеты и песнопения в честь Владычицы нашей, дабы нищие услаждали слух и одновременно проникались благочестивыми чувствованиями, и сие вызывало нежнейшее умиление у всех видевших. Кстати, поскольку люди наблюдали, как плодотворно расходуются их пожертвования, они давали их с величайшей охотой и щедрой рукой.

Каждый день он прочитывал полный Розарий в честь нашей Госпожи и убеждал всех, особенно негров и новообращённых, читать его. Это было первое благочестивое упражнение, которому он их обучал, будучи убеждён, что если в их душах воссияет Заря — Дева Мария, то непременно взойдёт в них и Солнце — Её святейший Сын, и свет веры, и познание божественных тайн.

Он велел приносить в большом количестве некие плоды, похожие на мускатный орех, что растут в горах [33], и из них собственными руками изготавливал розарии в великом множестве, которые с радостью раздавал всем, с кем общался, особенно же нищим, неграм, рабам и людям простым.

У него была конгрегация [34] из негров и мулатов под покровительством Владычицы нашей, в коей они, словно младенцы, вскармливались молоком Её благочестия. Они устраивали свои праздники и общие причастия со всей возможной пышностью: со свечами, украшенным алтарём и музыкой, к которой люди сего племени весьма склонны. Таковыми-то благочестивыми забавами он подвигал их на служение нашей Владычице и воспламенял в них любовь к Ней.

Каждую субботу и в дни праздников Пресвятой Девы он служил мессу в часовне у алтаря чудотворного образа Богородицы, весьма почитаемого в той коллегии, — там же, где он отслужил и свою первую мессу. И каждый день, творя благодарение после мессы, он завершал его перед этим святым образом, к которому шёл поклониться всякий раз, как выходил из обители, сколько бы ни спешил, и возвращаясь: чтобы испросить Её благословения на выход, посвятить Ей свои труды и воздать благодарность по возвращении.

Но главным его подвигом стало подражание Её добродетелям и посильное следование по Её стопам, благодаря чему он и сам стал как бы отображением Её чистоты, Её смирения, благочестия, любви к Богу и к ближним, Её созерцательности и внутренней собранности и прочих добродетелей, что сияют в Её святейшей жизни. Для этого он постоянно размышлял о сих Её качествах и составил преисполненные благоговения упражнения и размышления на эту тему. Он также пользовался книгами, повествующими о почитании нашей Владычицы, часто их читая. А когда в 1642 году в его руки попали книги «Путеводитель по добродетели» и «Подражание Владычице нашей» [35], он весьма высоко их оценил и читал не только для собственного блага, но и для пользы ближних, используя их учение и примеры, чтобы ширить почитание Девы в народе.

Каждый час, когда били часы, он приветствовал нашу Госпожу и читал «Радуйся, Царица», дабы всегда хранить память о Ней. В течение дня он творил краткие молитовки, которыми услаждал свою душу и оживлял своё благоговение. Во всех трудах и начинаниях он прибегал за помощью и советом к сей небесной Царице, как к Матери и Наставнице. И поскольку Она — Заступница в час смертный, он составил краткую молитовку, которую произносил каждый день. Я хочу привести её здесь для утешения тех, кто Её почитает. Она такова.

«О Владычица моя, Дева Мария, благодати и милосердия исполненная! Я, недостойный, смиренно молю Тебя: не попусти мне умереть смертью внезапною, дабы душа моя не покинула сей мир без полной исповеди и очищения от всех моих грехов. О Пресвятая Дева, моли обо мне, грешном. Аминь».

Эту молитву он творил каждый день с величайшим благоговением и почтительностью, и милосерднейшая Дева услышала его, ибо даровала ему кончину, достойную его святой жизни, как мы увидим далее.

Был он также величайшим почитателем св. о. нашего Игнатия и истинным сыном его:

молился ему каждый день, многократно посещал его алтарь, вверял ему все свои дела, прося его о помощи как отца и предводителя своего воинства, и старался следовать по его стопам и подражать его добродетелям, что, как мы уже говорили, и составляет суть подлинного почитания.

Говоря об этом, его провинциал в донесении о его жизни, с которого и списана большая часть этой книги, сообщает следующее: «Он был не только истинным сыном нашего Патриарха святого Игнатия, но и преданнейшим его почитателем, совершеннейшим подражателем его ревности, великим блюстителем его Правил и Устава, которые он хранил так точно и неукоснительно, что был как бы душой мёртвой буквы Правил и живым подобием святого нашего Основателя».

Он всегда носил при себе медальон святого Игнатия, который прикладывал к больным и калекам, и к тем, кто страдал от гонений бесовских, читая над ними его молитву, что начинается словами: *Deus, qui glorificantes...* и так далее (*Речь идёт о молитве (коллекте) из службы святому исповеднику: Deus, qui glorificantes te glorificas... («Боже, прославляющий прославляющих Тебя...») – Прим. пер.*). И с его [святого Игнатия] помощью Пётр наш Клавер творил дивные вещи, как мы увидим далее в своём месте, причём приписывал всё могучему заступничеству сего святого отца.

Не меньшее благоговение он питал и к своему святому Ангелу-Хранителю, с которым был весьма близок как со святым спутником, заступником и наставником во всех своих делах. Такое же почитание он выказывал и святому, чьё имя носил, как своему Покровителю. И не только имя, но и фамилия его была созвучна святому Петру, как, впрочем, и дела его, ибо «Клавер» по-каталонски означает «ключарь». И поскольку святой Пётр держит ключи от Царства Небесного, то кажется, будто он передал их и этому своему слуге на земле, испросив для него благодать и власть открывать для многих врата небесные через Крещение и другие таинства.

Почитал он и многих других святых, вверяя себя им каждый день, и даже составил литанию двадцати четырёх святым, которую читал ежедневно. Начиналась она с Ангела-Хранителя, так: «Святому Ангелу-Хранителю моему, да сохранит меня; святому, чьё имя ношу, да избавит меня от всякого греха», — и так далее, ко всем двадцати четырёх. Этим святым он посвятил двадцать четыре часа в сутках, дабы каждый хранил его в свой час и ходатайствовал за него пред Богом. И вот, когда часы били, он возносил сердце к небесам и просил святого того часа молиться о нём Богу.

Благочестивый обычай, сколь редкий, столь и душеполезный! Ведь он обязывал блаженного отца непрестанно молиться и всегда ходить в присутствии Бога и святых Его к великому преумножению сокровищ души своей и преуспеянию духа.

О почитании же им душ, пребывающих в Чистилище, мы уже говорили выше, равно как и о многих молитвах, что он возносил за них и коими они избавлялись от мук и восходили на небо, а потому не будем здесь повторяться.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. О ЕГО ТЕРПЕНИИ И СТОЙКОСТИ В НЕВЗГОДАХ И ТРУДАХ

Но и золоту его добродетелей суждено было пройти горнило терпения, дабы явить в нём высочайшую свою пробу, ибо терпение, как сказал святой Пётр Хрисолог, есть пробный камень добродетели, выявляющий, истинна она или ложна. Потому и посылает Бог Своим рабам в этой жизни столько поводов к терпению, дабы они, ещё глубже очищаясь в его пламени, явили на оселке гонений и трудов чистоту божественной любви, горящей в их сердцах, и так стяжали себе венец небесный. И

поскольку сей раб был Ему весьма угоден и любезен, Он открывал ему поприще и для заслуг, и для страданий, дабы явить в них всю чистоту его милосердия и испытать на оселке терпения высочайшую пробу его добродетелей.

В первую очередь упомяну об испытаниях от ближайших людей, каковые испытания обыкновенно бывают и самыми тяжёлыми, ибо приходят менее заметно и от людей, полагающих, будто служат Богу, преследуя рабов Его (ср. Ин. 16:2), а зависть свою прикрывают именем ревности о славе Господней и благополучии Ордена. Такого рода прекословий, чтобы не сказать гонений, добрый отец Клавер претерпел немало. Многие считали, что он поступает нерассудительно и даёт чрезмерную волю своему рвению, осуждали его способы оглашения неверных и их крещения и прочие упомянутые дела; настоятельно требовали от настоятелей, чтобы те положили конец его «беспорядкам» и наказали его за «неблагоразумие», и говорили иные вещи в том же духе, причиняя ему немалые страдания.

Он же сносил таковые испытания с величайшим терпением и покорностью, видя в скорби сей десницу Божию и молясь Его Божественному Величеству о притеснителях своих.

Тяжкие укоры, высказанные в резких словах и с большим чувством, которые он претерпел от некоторых настоятелей, поддавшихся настроениям этих «ревнителей», были многочисленны и весьма суровы, притом случались не раз, не два, а многократно. Среди недовольных был, к примеру, один священник, который находил предосудительным и сами дела отца Клавера, и ту кипучую деятельность, что неизменно их сопровождала, о чём отзывался с неприкрытой резкостью. Ему-то ректор коллегии и поручил составить письменный выговор для публичного оглашения, и тот, будучи исполнен предубеждений и неприязни, с радостью ухватился за эту возможность. Он зарядил своё послание таким порохом и картечью запальчивых, не взвешенных на весах разума слов, что они больше свидетельствовали о его собственном озлоблении, нежели о проступках отца Клавера.

А отец Клавер, движимый любовью к Богу и ближним, с величайшим терпением и в полном молчании принял этот выговор, явив пред всеми глубокое смирение и исповедав себя великим грешником, достойным и сего и ещё горших наказаний, и молясь о тех, кто его наказал. Поистине, такие искры милосердия высекаются ударом лишь о кремень сердец, хранящих в себе огонь божественной любви!

Многие, пользуясь его терпением и кротостью, презирали его и обращались с ним унижительно, называя его невеждой, простаком, наглецом, человеком безграмотным и нерассудительным, который и грамматики-то не знает. Однажды некий священник, споря с ним в присутствии других клириков о рубриках мессы, так воспылал гневом, что осыпал его многими оскорблениями и бранными словами. Добрый же отец стоял безмолвно, не разверзая уст, слушая и молча претерпевая эти поношения в память тех, что претерпел Христос, чем весьма укрепил в добродетели присутствовавших при том клириков.

Среди его бумаг был найден совет, который, как он пишет, он получил от святого брата Алонсо Родригеса в 1607 году, о том, как претерпевать оскорбления и укоры. Вот что он гласит:

«То, что говорят обо мне, — либо мой грех, либо нет. Если это мой грех, следует в нём исправиться и просить у Бога прощения. Если же это не так, следует радоваться, что Бог даёт пострадать из любви к Нему. И ни в том, ни в другом случае не говорить ни слова и даже не произносить: «Я был бы хуже, если бы Бог оставил меня Своей десницей», ибо за этим словом в сердце войдут и другие. Брате, сии три правила

следует запечатлеть и укоренить в своём разуме».

Сей совет от святого брата блаженный отец воспринял как завет великого Учителя, которому старался неукоснительно следовать, что и подтверждает случай, о котором пойдёт речь.

Однажды в Великий пост в нашу церковь вошла некая пожилая женщина, весьма пышно наряженная, что было совершенно неуместно ни для её лет, ни для того святого времени. Отец Клавер кротко упрекнул её, напомнив о скромности и сдержанности, подобающих её положению. Она же так оскорбилась на мягкое отцово увещание, что подняла такой плач и вопль, что вся церковь пришла в смятение от её сетований на нанесённую ей обиду.

Присутствовавший при этом брат-ризничий выступил в роли обвинителя против отца, приняв сторону женщины и возведя её обиду в ранг поруганной чести. На крики их обоих вышел отец-ректор, которому женщина принесла свои жалобы, а ризничий — обвинения против отца Клавера. Ректор же сделал ему резкий выговор в присутствии их обоих и тех людей, что были в церкви.

Добрый отец принял это со смирением и молчанием, не разверзая уст, терпя и безмолвствуя, словно мученик. Он удалился, чтобы молиться о них Богу, а на следующее утро спустился в ризницу и простёрся у ног брата-ризничего, прося у него прощения. Тот же, будучи сам зачинщиком, пришёл в смятение и бросился к ногам отца, говоря, что скорее Иуде пристало быть у ног Христовых, нежели Христу — у ног Иуды. Этой святой борьбой всё и завершилось, а отец Клавер на оселке этого случая явил пробу своего терпения [36].

Не меньшее терпение он проявил и с одним братом, человеком сурового нрава и довольно сомнительного благочестия, которого дали ему в спутники для его служений. Тот был подобен спутнице, данной св. Екатерине Сиенской, — орудием совершенствования её терпения, как то говорится в её житии. Ибо он испытывал доброго отца и словом, и делом, пользуясь его долготерпением и дерзко называя его лицемером, и говоря: «Избави меня Боже от таких святых, как он; если все они таковы, то я в них не верую». Называл его притом наглецом, невыносимым и несносным.

Всякий раз, как им надобно было выйти из обители, тот подолгу заставлял отца дожидаться, а на улицах, когда святой спешил, злонамеренно отставал, идя с нарочитой медлительностью и отпуская его далеко вперёд. При этом роптал на него и в обители, и за её пределами, всегда говоря с ним сухо и неприветливо.

Случилось однажды, что нужно было идти исповедать умирающего (*Согласно правилам Общества Иисуса, священник не должен был покидать обитель без спутника (socius), который служил свидетелем (в случае сомнительной ситуации) и помощником.* – Прим. пер.), и отец позвал того брата, но тот отказался, сославшись на занятость. Отец Клавер во второй и в третий раз обратился к нему, с великой кротостью прося ради любви Божией пойти с ним, но чёрствая душа упряма не смягчилась от великой кротости сего агнца. Отец же Пётр, стараясь одолеть неуступчивость своего брата, преклонил колени и с великим смирением попросил его пойти, ибо в обители не было никого другого, кто мог бы пойти, а та душа могла погибнуть. И такова была его кротость, что смягчила даже этот кремь, и брат пошёл, хоть и не утратив своей чёрствости.

Но поскольку брат сей оказался совершенно закоснелым, настоятели в конце концов изгнали его из Общества, утратив всякую надежду на его исправление, ибо рассудили, что если уж общение с таким мужем не пошло ему впрок, то тщетны будут и прочие старания. Добрый же отец Клавер явил в этом испытании всю полноту своего терпения, имея, подобно Христу, рядом с собой Иуду, который непрестанно его

искушал, и платя за оскорбления — благодеяниями, а за дерзости — смирением и кротостью.

Но что сказать о том, что он претерпевал от посторонних? Поистине, земной путь сего святого мужа стал поприщем непрестанной брани, и оружием терпения он вёл нескончаемую битву с хозяевами негров, которые противились его трудам: они мешали своим рабам приступать к причастию (о чём мы уже говорили), препятствовали их оглашению и крещению, а особенно — венчанию, ибо с великим неудовольствием смотрели на браки рабов, предпочитая, чтобы те, не обременённые семьёй, оставались всецело им подвластны, а потому они ополчались на отца, который венчал чернокожих, чтобы избавить от греха. И даже за доброту и гостинцы, которые блаженный отец приносил рабам, хозяева осыпали его упрёками, оскорблениями и бранными словами, обзывая слабоумным и говоря, что он портит негров, ибо от его милостей у тех вырастают крылья, и они становятся дерзки. Как врага, его не пускали на порог своих домов и с презрением гнали прочь.

Всё это раб Божий сносил терпеливо, молчаливо, смиренно и упорно, распознавая в этом козни врага рода человеческого, что ставил препоны на пути к спасению этих несчастных душ. А потому, не отступаясь перед множеством обид, он с безустанной выдержкой выжидал благоприятного часа, дабы вновь подступиться к хозяевам, смягчить их сердца и в конце концов добиться дозволения наставлять их рабов на путь спасения.

Зная из опыта о долготерпении отца Петра Клавера, настоятели нередко пользовались этим, хотя это и дорого ему обходилось. Так, коллегия вела одну весьма важную тяжбу в городе Картахене. Судья же по этому делу был чрезвычайно враждебно настроен к Обществу Иисуса и срывал свой гнев на всех иезуитах, кто приходил по этому делу, и в итоге дошло до того, что никто не отваживался подавать ему прошения, а потому дело, несмотря на нашу правоту, шло к неминуемому проигрышу. Настоятели, удручённые и озабоченные этим, решили послать доброго отца Клавера, полагаясь на Бога, а также на то, что слава отца Петра как святого, гремевшая по всему городу, внушит судье почтение, а если тот и позволит себе лишнего, то у отца достанет терпения снести это с боголюбивой кротостью.

Итак, настоятель велел доброму отцу отнести прошение судье. Тот, охваченный гневом и дав волю своей страсти, стал осыпать тысячами оскорблений и всё Общество, и пришедшего иезуита, обращаясь с ним как с подлым злодеем. Но отец оставался невозмутим; не произнёс ни слова и не изменился в лице. Со всей учтивостью он поклонился судье и вернулся в коллегия, чтобы доложить о случившемся ректору.

На следующий день, будучи вынужден подать второе прошение, ректор, хоть и с тяжёлым сердцем, снова отправил Петра Клавера к тому судье, что был не столько стражем закона, сколько лютым мучителем. Услышав отца, тот взъярился, как безумный, и, одержимый гневом, изрыгнул тысячи поношений на святого, называя его лицемером и обманщиком, а членов Общества — мятежниками и смутьянами, которые должны быть изгнаны и истреблены как возмутители спокойствия в государстве, и наговорил много другого подобного вздора.

Всё это блаженный отец выслушал с величайшим терпением и, поклонившись, вернулся в обитель. Судья же отправился к себе, мечя огонь от ярости, но тем самым навёл на себя гнев божественного правосудия, которое, хоть и попускает страдать праведнику, всегда за него вступается (ср. Пс. 33:20). Так вступилось оно и за отца Клавера, ибо же судью тотчас же хватил удар, который разбил его с ног до головы. Он больше не смог исполнять свою должность и спустя несколько дней окончил свою жалкую жизнь. При этом добрый отец больше скорбел о его несчастье, чем прежде о

перенесённых от него оскорблениях и поношениях. Такова была кротость и любовь, что пылала в сердце его.

Другую тяжбу коллегия вела с одной женщиной, которая держала лавку и вела большую торговлю. Она несправедливо требовала с Общества некую сумму денег, и, хотя дело дошло до судей, образумить её и умерить её гнев не представлялось возможным. А поскольку оружие женщин — язык, то она, уязвлённая своей обидой, более воображаемой, нежели действительной, уподобилась придавленной ногою змее: всем, с кем ни говорила, жаловалась на иноков Общества, называя их ворами и грабителями хуже разбойников с большой дороги, ибо, мол, грабят её среди бела дня. И когда какой-нибудь из наших проходил мимо её лавки, она с криками и воплями осыпала его тысячей оскорблений, призывая Божий суд на его голову.

Прибегали к разным средствам, чтобы утихомирить эту фурию и заставить её прекратить бесчестить Орден, но, поскольку ни одно из них не возымело успеха, обратились к последнему и самому действенному: пустить поговорить с нею отца Клавера в надежде, что тот, кто божественной благодатью укрощал демонов, сможет умерить и эту ярость, служившую им орудием.

Итак, добрый отец отправился к ней, и единственным оружием его были терпение и кротость. Но увидев доброго иерея, женщина бросилась на него, как сорвавшийся с цепи лев: называла его вором, негодяем, обманщиком, лицемером и грабителем и изрыгала всё, что только на язык попадётся; и диво, что не подняла на него руку, так разъярилась. Отец выслушал эти оскорбления молча, с безмятежным лицом, не выказав ни малейшего нетерпения. Спутник его обратился против неё, чтобы унять её силой, полагая, что от терпения и кротости, которые являл ей отец Клавер, она лишь наглеет, однако святой отец остановил его и благоразумно умерил пыл защитника, а затем, воспользовавшись случаем, удалился вместе с ним в коллегия.

Но злюка не только не смягчилась от доброты отца, но ещё больше ожесточилась, ибо не смогла отомстить ему, как того желала; и чтобы исполнить свой дурной замысел, притворилась больной и ночью послала за отцом Клавером, чтобы тот её исповедал. Он тотчас же с большой радостью пошёл, а злодейка спрятала в своём доме двух солдат-головорезов, которые, едва отец вошёл, тут же выскочили, заперли дверь и набросились на него, называя его вором, обманщиком хуже пирата или турка, а заодно и всех иноков Общества, ибо они-де ограбили эту бедную женщину.

Спутник отца, распознав предательство и опасаясь, что их могут убить здесь, в запертом доме, хотел было, точно св. Пётр, защищаться с оружием в руках, но отец с удивительной кротостью, подражая Христу, остановил его и попросил успокоиться и не препятствовать той возможности пострадать из любви к Нему, которую посылал ему Бог. Но не укротились волки кротостью агнца сего, и спутник, видя, что они вот-вот поднимут на него руку, стал звать на помощь. Никто не откликнулся, ведь ночь стояла глухая. Тогда он закричал ещё громче, взывая о помощи к Инквизиции — это слово остановило солдат, и Бог судил так, что они испугались, открыли дверь и сбежали.

Женщина же, покорённая кротостью отца Клавера, который удерживал своего спутника и стоял, как агнец, не двигаясь и не отверзая уст (ср. Ис. 53:7), раскаялась в содеянном и бросилась к его ногам, прося прощения и обещая впредь исправиться. Блаженный отец поднял её, утешил и от имени Божия посулил ей больше имущества, чем она потеряла, если она решится впредь не грешить, после чего оставил её в покое. А брата он настоятельно просил сохранить всё произошедшее в тайне, но тот не смог удержать это в себе и поведал одному своему другу, от которого всё и стало известно.

Но и на этом не окончилось поприще терпения доброго отца Клавера, ибо как избранного солдата воинства Христова небесный Военачальник направил его и в другие, ещё более суровые битвы, дабы явил он в них свою доблесть. Ими стали тяжелейшие недуги, посланные ему Господом в последние годы жизни — горнило, в коем испытывается чистейшее золото рабов Господних. Так, в 1650 году, отправившись на миссии, он, изнурённый трудами и обессиленный от непрестанных покаянных подвигов, был поражён постоянной дрожью во всём теле, столь сильной при этом, что не мог удержать рук. Губы его шевелились, а зубы стучали так, что звук слышался издалека, а сам болящий не мог с собой совладать. Ступни, икры и все члены его тела терзались той же мукой; желудок и голова были расстроены, и весь он был объят хворью и болью. К этим мучительным недугам прибавились и другие, не менее страшные, ибо постигла его болезнь мочевого пузыря, желудочные колики и кишечное расстройство. Соединившись, все они образовали словно реку из многих ручьёв или озеро из болей и недугов, что напиталось многими потоками, и в нём добрый отец барахтался, словно утопающий. Но не утонуло его терпение, ибо в этом море болезней он, подобно лебедю, пел хвалу Богу, воздавая Ему тысячи благодарностей за то, что Он так посетил его, в страданиях сих даруя возможность стяжать венец небесный.

Сии беды усугубились чумой, которая свирепствовала в то время в городе; от неё в коллегии умерли многие, и за несколько месяцев не стало двадцати двух иноков. Это вызвало нехватку не только угощений, но и самой необходимой пищи для отца Клавера и других больных, как то обычно бывает во время мора. Некому стало и ухаживать за ним из братии, и единственной его отрадой были один или два негра, которые, сострадая его недугу, помогали ему, когда могли. Из-за этого ему пришлось претерпеть великую нужду во всём земном, что Бог и устроил для вящего испытания его терпения. А что наипаче удивительно — хотя его так любили в городе и так высоко ценили его самого и его святость, что выходили из домов, дабы облобызать ему руку и край одеяния и прихватить что-нибудь из его вещей как реликвию, — за те четыре года, что длились его болезни, его позабыли и не вспоминали о нём больше, словно его и не было в городе и никогда там не знали его. Таково непостоянство человеческого сердца, и как мало можно полагаться на благосклонность людей! Но по мере того как они забывают, Бог вспоминает о своих и одаривает их новыми милостями, как это и испытал блаженный отец Клавер.

Не закончились на том испытания сего апостольского мужа, но каждый день они возрастали, как те, что Бог послал Иову. Ибо то ли от собственной слабости, то ли по неуклюжести слуг, он много раз падал, при этом ранился и крепко ушибался. При одном из падений блаженный рассёк себе лоб (рана получилась в четыре пальца длиной) и вывихнул бедро, да так, что кость вышла из сустава, отчего он на всю жизнь остался калекой. Можно представить, какую боль должен был испытывать добрый отец сверх множества своих болей и недугов мучительных! И что весьма показательно: хотя недуги и боли терзали его с головы до ног, рвения в нём было столько, что хватало терпения и на большее, и он всё сильнее желал страдать за Господа, Который столько за него претерпел. И движимый этим желанием, он просил негров, которые ему прислуживали, чтобы они надевали ему прямо на тело волосяные верёвки, сотканые из щетины и стальных шипов, дабы умножить свои страдания и укрепиться в терпении. Так проявлялось его великое терпение при всех сих тяготах, кои он принимал из руки Божией как милости и как залог любви Его.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. О ДУХЕ ПРОРОЧЕСТВА, КОТОРЫЙ БОГ СООБЩИЛ РАБУ СВОЕМУ

Один из даров, коими Бог прославляет и обогащает Своих вернейших слуг, — это дух пророчества, как о том свидетельствует апостол святой Павел (1 Кор. 12). И поскольку сей раб Его был столь верен и послушен во всех Его повелениях (ср. Мф. 25:21), исполняя с великой готовностью все Его желания, то Бог и обогатил его этим даром, наделив светом познания и того, что скрыто от глаз людских, и прошедшего, и грядущего, в чём и проявляется дух пророческий [37]. Надёжным доказательством тому послужат следующие примеры.

Была у него в Картахене духовная дочь, равная ему по добродетели и благоразумию, по имени донья Теодора Банкесаль, дочь благородных родителей, принадлежавших к числу первых и почтеннейших граждан того славного города. Батюшка с матушкой решили выдать её замуж за дона Габриэля де Менкоса, кавалера ордена Калатравы, губернатора города и провинции Санта-Марта. Донья Теодора, как верная дочь отца Клавера, сообщила ему о намерении своих родителей, прося совета в деле столь важном, как выбор своего удела на всю жизнь. Отец несколько дней молился о ней Богу и благодаря свету, обрётённому в молитве, ответил девушке, что надобно ей хорошенько подумать, прежде чем решаться на этот брак. Дон Габриэль, без сомнения, был ей ровней и по положению, и по достоинствам, но святой отец предостерёг её: если она выйдет за него замуж и он увезёт её в Испанию, то по прибытии её ждёт неминуемая смерть.

Кавалер в то время долго ещё должен был править городом, и ни о чём не помышлял меньше, чем о возвращении в Испанию. Потому, повинувшись родителям, донья Теодора вышла за него замуж, и они прожили несколько лет в полном мире и согласии. Но когда срок его правления в Санта-Марте истёк, они приехали в Картахену, и дон Габриэль решил отправиться в Испанию, чтобы представить свои заслуги королю и получить из его рук заслуженные милости. Донья Теодора напомнила супругу о том, что отец Клавер предсказал ей перед их свадьбой (притом блаженный отец был ещё жив и по-прежнему настаивал на своём), но невзирая на это твёрдо решила ехать с мужем в Испанию. С сей решимостью, скрывая от мужа тревогу, пробуждаемую в ней мыслью о плавании, она приготовилась к путешествию, как к смерти, считая пророчество отца Клавера непреложным, а потому совершила у него генеральную исповедь и простилась с ним со многими слезами, не надеясь увидеть его больше. Так в действительности и случилось, ибо, прибыв в Испанию, она заболела и умерла в течение тридцати дней и была похоронена в Пуэрто-де-Санта-Мария. Так в точности исполнилось пророчество отца Клавера. Обо всём этом я узнал из уст самого дона Габриэля де Менкоса, который в настоящее время состоит при дворе в Мадриде.

Во время одной из своих миссий отец Клавер повстречал негра, который вёл жизнь весьма беспутную. Много раз увещевал его добрый иерей взяться за ум и изменить свои обычаи, обратившись к Богу и принеся покаяние в грехах, но несчастный, закоснев в пороках всем своим существом, оставался глух к советам его. Наконец блаженный в последний раз призвал его и в духе пророческом возвестил: «Если по моему увещанию не исправишься, то через несколько дней постигнет тебя гнев Божий и воздаст по грехам твоим». Негодник лишь рассмеялся в ответ на угрозу, ибо закоренелые грешники внимают только тому, что тешит их страсти, а на всё прочее закрывают глаза. Но не замкнул Бог очей Своих на его злодеяния и не преминул исполнить слова Своего раба, ибо сей злой человек исчез из поместья, где жил, и, сколько ни искали, не могли его найти, пока Сам Бог не явил Своего суда, воздав ему за его злодеяния. А случилось так: охотники, убив двух кайманов, нашли в брюхе одного голову и часть тела того грешника, а в брюхе другого — всё остальное. Так божественное правосудие предало в пищу зверям земным того, кто стал добычей змиев гееннских, и в точности исполнилось то, что предрёк ему отец Клавер.

Странствуя с другой миссией, прибыл он в поместье на берегу моря, где множество людей желали его увидеть и услышать его учение, а потому приняли с великим ликованием. Когда он отдохнул, его попросили сказать им проповедь, но отец, возведя очи к небесам, словно испрашивая совета у Бога, решил немедля отправиться в другое поместье, что было далеко оттуда. Велико было сожаление и не меньше изумление присутствующих при виде того, как он покидает верную жатву ради снопов неведомых и ступает на тропы нехоженые, когда день уже клонился к вечеру (ср. Лк. 24:29). Его многократно и настойчиво просили остаться и утешить здешних, указывая на многие трудности задуманного им пути, но никакие уговоры не смогли его удержать. Он лишь сказал им, что иного пути нет, что иначе поступить не подобает и что им следует позаботиться о себе, а если желают, то пусть следуют за ним. Больше он ничего не стал объяснять, но Бог вскоре показал, что говорил он в свете ведения. Ибо едва отец Клавер отошёл на три лиги оттуда и прибыл к месту назначения той же ночью, на покинутое им поместье напали голландцы: они высадили людей на берег, разграбили и разрушили его, ранив и убив тех, кто пытался защищаться. Так люди те познали, что Бог ниспослал отцу Клаверу свет разумения, и осознали, сколь дурно поступили, не последовав за ним, чтобы избежать той опасности, хотя он их и умолял.

Один знатный и богатый господин, глубоко почитавший отца Клавера, впал в тяжкую болезнь: губительная лихорадка стремительно пожирала его жизнь; он лишился сна и сил, и никакие лекарства не облегчали его страданий. Тогда он решил прибегнуть к самому действенному, как он решил, средству и послал за отцом Клавером, ибо повсюду шла молва, что Бог творит через него многие чудеса. Отец пришёл навестить болящего однажды утром, утешил добрыми словами, а затем облачился и отслужил мессу о его здравии у алтаря, устроенного так, чтобы больной мог видеть его со своего ложа. Во время мессы отец Пётр задержался дольше обычного, словно вёл с Богом важные переговоры, а окончив службу и воздав благодарение, подошёл к больному, прочёл над его головой из Евангелия, обнял его и, сияя радостной улыбкой, велел ему отринуть страх, ибо Бог изволит даровать ему здоровье и благодать Божия поможет там, где лекарства уже недействительны. При этом он увещевал больного быть впредь как можно благодарнее, дабы не впасть в недуг снова. Как сказал отец, так Бог и исполнил, даровав богачу полное выздоровление в течение нескольких дней. Исцелённый же во исполнение полученных советов стал повсюду славить пророческий дар, ниспосланный отцу Петру Клаверу от Бога.

Обходя однажды городские дома, где жили больные негры, отец Пётр зашёл к одному кавалеру, у которого был старый раб. Святой отец спросил о нём, а получив ответ, что того нет дома, весьма опечалился, что не осталось незамеченным хозяевами. Отец сказал, что ему крайне важно повидать сего больного, но, поскольку ждать дольше не выйдет, попросил прислать старика в коллегия, как только тот вернётся. Так и сделали. Негр пошёл и спросил отца, ничего не подозревая ни о его намерениях, ни о том, что ему было уготовано. Выйдя к нему, отец Клавер обнял и приласкал гостя, а затем стал увещевать, чтобы он тотчас же, без промедления, исповедался и приготовился, ибо это для него чрезвычайно важно. Негр был послушен и питал к отцу любовь и уважение, а потому с радостью повиновался и исповедал ему все свои грехи, выказывая искреннюю скорбь и сокрушение о грехах, а отец Клавер при этом с истинной любовью ободрял его. По окончании исповеди он велел ему молиться и со всей искренностью верить себя Богу, ибо на кону стояла его вечная жизнь. После чего негр простился с добрым иереем, а едва придя домой, достиг и конца своего земного пути, завершив жизнь временную, чтобы начать вечную. И расстояние между исповедью и смертью оказалось не дольше, чем от коллегии до его дома, где он и испустил дух. И случившееся явило, каким светом наделён был отец Пётр Клавер.

В другой раз, обходя те же места, он шёл по улице с присущей ему стремительностью, но вдруг стал как вкопанный и молвил спутнику: «Вернёмся, ибо мы упустили лучшее». Пройдя в обратном направлении шагов шесть, он вступил в дом, где жили какие-то бедные женщины, которые весьма удивились при виде священника, ибо не звали его. Каково же было их изумление, когда он спросил о больной, которую никогда прежде не видел и о которой никто не мог ему сообщить, ибо им при всём желании и послать-то за ним было не с кем. Впрочем, почитая отца Клавера за святого мужа, добрые женщины ответили: «Отче, там в доме и вправду лежит больная, и ей совсем худо». Он вошёл и нашёл негритянку при последнем издыхании, уже в предсмертной агонии. И остался с ней добрый пастырь, и приготовил её к смерти, как мог, исповедал, отпустил грехи, и тут же она испустила дух, перейдя из рук священника в руки Божии, вызвав всеобщее изумление. И с благоговейным трепетом все почтили пророческий дар, коим наделил Бог отца Клавера, и то милосердие, что он являл сим несчастным, кого весь остальной мир покинул.

К тому же роду чудес можно отнести и случай, произошедший с другой негритянкой; во время её болезни отец много раз навещал и исповедовал её, готовя к смерти. И вот, во время одного из своих духовных обходов, совершаемых в поисках душ для Бога, Пётр Клавер вошёл в дом этой негритянки в тот самый час, когда она испустила дух и родные оплакивали её. Добрый отец, сострадая их горю, крайне огорчился, что не успел помочь ей достойно умереть. Он преклонил колени рядом с телом усопшей и долго молился Богу. Затем встал с просветлевшим лицом, прочёл над ней заупокойную молитву и сказал плачущим, чтобы они прекратили свои причитания и скорее завидовали ей, нежели жалели, ибо он возвещает им, что она на пути ко спасению, и что не более двадцати четырёх часов пробудет в чистилище, а затем воспарит на небо, и чтобы они молились о ней Богу. Родные покойной ощутили великое утешение, твёрдо уверовав в то, что сказал им отец, ибо почитали его за человека подлинно святого и истинно просвещённого Богом.

Маркиз де Монтеалегре, генерал галеонов, был весьма обеспокоен исходом своего плавания, ибо море кишело врагами. Наслышанный о святости отца Клавера, он пришёл навещать его больного и, поведав о своих опасениях, попросил помолиться Богу об армаде и о благополучном исходе путешествия. Отец на мгновение замер, словно вступив в беседу с Богом, а затем, повернувшись к маркизу, сказал: «Уповайте на Бога, и всё кончится хорошо. Трудности будут, но они пройдут, и Ваше Превосходительство благополучно достигнет цели». Так в действительности и случилось. Иные его пророчества, касавшиеся дел малых и сугубо наших внутренних, мы здесь опустим, хотя и они равно свидетельствуют о даре предвидения, сообщённом ему Богом.

К этому же разряду можно отнести и пророчество о его собственной смерти, которое он изрёк за несколько дней до неё самой, и не одному, а многим. Ибо когда из Совета по делам Индий пришёл приказ снести одно крыло коллегии [38], где находились главные жилые помещения, и иноки были этим весьма опечалены, добрый отец несколько раз сказал: «Я не увижу этого бедствия, ибо Бог даровал мне счастье умереть прежде». А в субботу, пятого августа, он ещё яснее поведал прислуживавшему ему негру, сказав: «Я умираю и не увижу разрушения сей коллегии. Через три дня я буду мёртв». Что и исполнилось в точности, ибо он умер в следующий вторник, восьмого числа того же месяца, перед рассветом, как будет сказано в своём месте.

Так, из приведённых примеров явствует, что Божественная Благодать щедро наделила раба Своего духом пророчества, открывая ему сокровенное и грядущее ради спасения душ и помощи в его апостольских трудах.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. О ВЛАСТИ ИЗГОНЯТЬ БЕСОВ, КОТОРУЮ ДАРОВАЛ ЕМУ БОГ

Среди прочих милостей, которые Христос обещал Своим апостолам, дабы они обращали неверных и приводили их к познанию Бога, была и власть изгонять бесов из тел и душ, чтобы те не препятствовали обращению мира (ср. Мк. 16:17). И поскольку Он избрал сего святого мужа апостолом Своего Евангелия и тружеником на поприще обращения, наставления и крещения великого множества неверных, то вместе с сим призванием излил на него и те же дары духа и ту же власть над нечистыми духами, какую дал Своим апостолам и ученикам.

Его провинциал пишет, что изгнал он столько бесов, что повествование о них составило бы длиннейшую историю, а потому он опускает отдельные случаи, дабы не утомлять читателя. Однако в этом он ошибается, ибо лишь умножает нашу скорбь, лишая нас вестей, которых мы так жаждем, а с ними — и соразмерного им утешения. А потому мы удовольствуемся тем, что приведём в подтверждение истинности сказанного выше те немногие случаи, о которых нам удалось узнать, пока Бог не явит нам более полных сведений.

На одном из невольничьих кораблей был больной, которого и врачи, и хозяева считали безнадежным, ибо главная его болезнь была не телесная, а заключалась в том, что бес овладел его душой и телом. Несчастный был язычником, и бес устрашал его угрозами, чтобы он не принимал крещения, и заставлял его говорить на языке, доселе неслышанном и непонятном даже толмачам его племени, причём говорил он каким-то писклявым голоском, словно попугай, распевая и щебеча, как то делают эти птицы.

Отец Клавер, Духом Божиим распознав, что душу болящего держит в плену лукавый, и что всё это — его козни, вступил с ним в брань: помолился Богу, прочёл чин изгнания, затем — святое Евангелие над головой одержимого, а после — Символ веры, возложив на него руки. И случилось диво: бес тотчас же бежал, посрамлённый, и оставил свою добычу. Язычник освободился от его власти и заговорил на своём родном языке, на котором отец и наставил его в вере через толмачей, а затем крестил, ибо тот громкими криками молил о святом крещении. И вместе с водой, казалось, он получил здравие и души, и тела, ибо тотчас же почувствовал себя хорошо и стал здоров, спокоен и счастлив, как тот, кто вышел из рабства диавола на свободу чада Божьего.

Молва о святости отца Петра Клавера и о чудесах, которые Бог творил через него, пролетела по всем Индиям. Услышав о них, одна мулатка, терзаемая бесом, решила пойти к святому и пересекла она реки и моря, горы и долины, проделав многодневный путь, ибо злой дух устрашал её, вселял тревогу и ужас видениями и призраками из иного мира, а также обрушивал на неё грозные и оглушительные шумы, отчего несчастная безмерно страдала, не находя ни облегчения, ни покоя ни в одном из тех средств, что она испробовала, дабы избавиться от преследовавшего её злого духа.

Наконец, она пришла и пала к стопам блаженного отца Клавера. А едва она добралась до него, как тут же и исцелилась, ибо как тепло изгоняет холод, так и добрый дух изгоняет злого. Итак, она бросилась к его ногам, поведала о своих бедах и попросила защиты от своего врага. Отец же утешил и ободрил её, велел не бояться, но уповать на Бога и на силу св. Игнатия, отца нашего, что и бесов превозмогает. Затем он прочёл над ней из Евангелия и возложил ей на голову медальон с изображением святого. И, казалось, она явственно ощутила, как злой дух покинул её, а добрый — вошёл, ибо в сердце своём она обрела небесный покой и умиротворение и никогда более не видела

тех теней и не слышала тех шумов, освободившись от власти сатанинской. Добрый иерей приписал сие исцеление св. Игнатию, через которого оно было явлено, и увещевал её благодарить святого за это. Но те, кто оказался свидетелем чуда, отнесли его в равной мере и к сыну, и к отцу, рассудив, что совершилось оно силой их обоих, и что отец Клавер намеренно по смирению своему перевёл внимание на своего отца, св. Игнатия, возложил на одержимую его медальон.

Один почтенный житель Картахены претерпевал великие несчастья и был в таком отчаянии, что не находил себе места ни днём, ни ночью и ходил словно одержимый, сам не свой. Те, кто его знал, подозревали, что в него вселился бес, ибо дух меланхолии и дух бесовский весьма схожи между собой. Однажды ночью, будучи в крайнем смятении, он умолял свою жену сходить в нашу коллегия и попросить отца Клавера явиться и помочь ему. Добрая женщина пошла, хоть и с большой неохотой, ибо час был поздний, и она боялась оставлять мужа одного, опасаясь, как бы он не наделал беды. И этот страх оказался сильнее её, так что на полпути она повернула назад. И без сомнения, сам Бог подвиг её на это ради блага её мужа, ибо, вернувшись, она нашла его не в доме, где оставила, а во внутреннем дворе, в садике. Войдя, она услышала сильный шум и, приблизившись, увидела, как её муж в тот самый миг бросился с верёвкой на шее с дерева. Добрая женщина со всех ног кинулась и подхватила его на свои плечи, чтобы он не удавился, и в то же время громко закричала, созывая на помощь соседей. Те сбежались на крики, взобрались на сук, перерезали верёвку и спустили несчастного.

Но человек тот был так одержим тёмным духом, что удержать его было невозможно: то пытался он броситься в колодец, то зарезаться — и ножами, и шпагами. Глаза его метали искры, а изо рта шла пена, словно у осуждённого на казнь. Со всей поспешностью послали за отцом Клавером, который явился незамедлительно. Взяв несчастного страдальца за руку со свойственной ему кротостью, он отвёл его в сторону от толпы, как Христос — одержимого, о котором повествует святой Марк (ср. Мк. 9:25), и остался с ним наедине. И случилось чудо: тотчас же ярость больного утихла, и он стал успокаиваться, являя признаки выздоровления. Отец говорил с ним с великою добротой, увещевая уповать на Бога и не давать места диаволу в своей душе; возложил ему на шею медальон св. Игнатия на бечёвке и, видя, что тот спокоен и в здравом уме, убедил его немедленно исповедаться, ибо это самое скорое средство избавиться от греха и вновь обрести благодать Божию, которой и изгоняется злой дух из души. Больной согласился и той же ночью исповедался отцу, а тот оставил его в великом утешении, к радости и его, и всего его дома, и к изумлению окружающих. А наутро тот человек пришёл в нашу коллегия, чтобы воздать благодарение как отцу Клаверу, так и св. Игнатию, признавая, что исцеление он обрёл по благодати Господней через заступничество их обоих.

Другой человек в Картахене лишился всего своего состояния по причине злосчастных ударов судьбы, а вместе с ним, казалось, утратил он и рассудок, и надежду на небеса, ибо на него навалилась такая тяжкая меланхолия, что он ни в чём не находил ни покоя, ни радости, ни утешения. И воспользовавшись этим, бес стал нашептывать ему, чтобы он повесился и разом избавился от мучений, и так досаждал ему, что тот решился на это безумство. Чтобы вернее исполнить задуманное, он тайно взял верёвку и с ней углубился в густой лес, а едва он сделал несколько шагов, как явился ему бес в обличье простого человека. Несчастный внимательно посмотрел на него, пытаясь узнать, но не признал никого из тех, кого видел в своей жизни. Бес заговорил с ним, притворившись другом, и велел следовать за собой.

Обезумевший от горя человек последовал за ним, и тот повёл его через такие заросли тёрна и шиповника, что одежда его превратилась в лохмотья, а тело во многих местах было изодрано в кровь, ибо такими путями и водит нас наш общий враг. Видя, до чего

он себя довёл, и чувствуя, как боль лишь нарастает, он исполнился страха. Горько раскаявшись, что пошёл за незнакомцем, несчастный бежал от него прочь, выбрался из лесной чащи на дорогу и устремился к городу. Но бес снова предстал ему в том же обличье и стал, усиленно жестикулируя, убеждать его последовать за ним. Однако тот, натерпевшись от блужданий под его руководством, в страхе и ужасе от вида его, не пожелал идти за ним, но, ускорив шаг, поспешил в нашу обитель с намерением поведать о своём горе какому-нибудь из отцов, чтобы тот дал исцеление его душе. Он пробыл там несколько часов в сомнениях и, не приняв решения, снова пошёл прочь из города. И бес, обманывавший его неотступными искушениями, снова явился ему у городских стен в том же обличье, и теми же словами убеждал следовать за ним. Тот, преисполнившись ужаса и страха, воскликнул: «Иисусе! Куда ты меня ведёшь?» И едва он произнёс эти слова, бес исчез.

А человек вернулся в нашу обитель, поговорил с ризничим, спутником отца Клавера, и поведал ему о своей беде. Брат утешил его и побудил искать исцеления для своей души, а чтобы тот нашёл его наверняка и как можно скорее, свёл его с отцом Клавером, который, будучи искусным врачом подобных недугов, взял на себя заботу об этом отчаявшемся человеке и словами небесными, порождёнными его духовной силой, утешил несчастного в Господе и избавил от тех страхов, убедив уповать на божественное Провидение, которое не оставляет никого из уповающих на Него, а вместе с тем и очистить свою душу от грехов, которые суть наши злейшие враги, что дают сатане оружие ранить нас и разить.

И для большей надёжности отец продержал его при себе всю ту ночь, молясь о нём Богу, а наутро принял у него генеральную исповедь и преподал ему святое причастие. Укрепившись сим таинством и спасительными советами, которые дал ему святой отец, а также несколькими молитвами, он освободился от того искушения и обрёл великое утешение, словно вырвавшись из дьявольского плена. Так Бог явил ему милость Свою великую, а снискал он её благодаря глубокой любви и неустанной помощи блаженного отца Клавера.

Подобный же случай произошёл и с другим человеком в Картахене, который, потеряв всё своё достояние, остался с семьёй и детьми, погрязнув в долгах, превосходивших размером всё его имущества, и поэтому начал чахнуть от меланхолии и печали, которые истощили его плоть, и за несколько дней он так иссох, что более походил на живого мертвеца, нежели на человека, и до того сделался страшен, что сам себя не узнавал. Печаль его усугублялась дьявольским шепотом, который то и дело звучал у самых его ушей, вновь и вновь повторяя: «Удаvisь, удаvisь!»

Бес так крепко взялся за бедолагу, что тот потерял над собою власть и не помышлял ни о чём ином, кроме как о прежалкой смерти, раздумывая, исполнить ли то, что велел ему голос, или нет. Но Божественной Благости было угодно, чтобы к нему в гости заглянул друг, глубоко почитавший отца Клавера, и хитростью вывел одержимого из дому и, приведя к святому отцу, рассказал тому о случившемся. Добрый отец применил свои духовные врачевства и, задействовав все познания против козней дьявольских, исцелил сего болящего душой и телом. Он принял у него добрую исповедь, дал ему медальон св. Игнатия и спасительные советы, благодаря чему тот за пятнадцать дней обрёл полное здравие и стал крепок как прежде, будто и не хворал вовсе. И никогда больше не слышал он того голоса, и не досаждал ему более сатана, который бежал, будто одолел его кто-то куда более сильный — ратник Воинства Божия, каковым и был отец Клавер.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. О НЕКОТОРЫХ ЧУДЕСАХ, ЧТО БОГ СОТВОРИЛ ЧЕРЕЗ НЕГО

Поскольку жизнь сего раба Божия была так добродетельна, а дух его столь высок, не приходится удивляться, что и через него Бог творил чудеса, как творил Он их через других мужей, просиявших святостью в Церкви. А потому я поведаю здесь о некоторых из тех свершений, как о том рассказывают люди, его знавшие и всякого доверия достойные. И первым будет то чудо, о коем его провинциал письменно поведал в жизнеописании блаженного отца и которое я привожу здесь в его изложении.

В доме старшего альгвасила Картахены, которого звали дон Висенте де Ваньос, заболела одна из его чернокожих рабынь. Недуг её был тяжёл, и когда она оказалась уже при последнем издыхании, послали за отцом Клавером, дабы он помог ей умереть достойно. Отец спешил, но смерть оказалась проворнее и нагрянула раньше него: женщина оказалась уже мертва. У тела стояли сам дон Висенте, двое его братьев с женой и тремя дочерьми, и вся его многочисленная челядь, готовясь облачить усопшую и предать её земле. Весьма опечалился отец Пётр, что не застал в живых женщину; подошёл к телу, убедился, что оно холодно и без признаков жизни, окропил его святой водой, а затем преклонил колени рядом и долго молился Богу об этой душе, умоляя Его не допустить её вечного осуждения.

В этот миг усопшая, ко всеобщему изумлению, зашевелилась и извергла из уст своих такое множество крови, что по комнате потекли ручьи. Присутствующие замерли в изумлении, ожидая, что будет дальше, и тут негритянка, очнувшись, словно от тяжёлого сна, произнесла: «Иисусе, Иисусе, как же я устала». Отец велел ей взывать к Богу от всего сердца и сокрушаться о своих грехах, но окружающие, движимые любопытством, настояли, чтобы он спросил, откуда она пришла. Отец исполнил их просьбу, и негритянка, собравшись с силами, ответила ему следующее:

«Шла я путём долгим, но весьма приятным и отрадным. И проделав немалую его часть, повстречала белого человека, очень красивого и благообразного, который встал предо мной и сказал: "Остановись, дальше тебе нельзя". "Что же мне делать?" — спросила я, и он ответил: "Вернись туда, откуда пришла". И вот я вернулась, сама не знаю как».

Выслушав это, отец Клавер велел всем выйти и оставить его с нею наедине, ибо хотел её исповедать. Он приготовил женщину к исповеди со всем возможным тщанием и велел ей исповедать все свои грехи, поскольку сие крайне важно, дабы войти в тот рай, что она видела. Женщина согласилась и начала исповедоваться. И вот во время исповеди у отца возникло сильное подозрение, что она некрещёная. Стал он расспрашивать её и убедился в истинности своей догадки, поняв, что ей не хватает крещения. Тотчас велел принести воду, свечу, крест и всё необходимое, чтобы крестить её. Хозяева возразили на это, говоря, что эта негритянка живёт у них уже двадцать лет, и что она такая же христианка, как и они, часто исповедуется и причащается, и во всём поступает по-христиански, а потому не нуждается в крещении, и нельзя его над ней совершать. Но отец, уверенный, что она сего таинства не прошла, настоял на своём и крестил её в присутствии всех, с великой радостью в душе, видя плоды своего труда. Рада была и больная, приняв святое таинство, которого ей недоставало, а с ним — и наследие небес, врата коих Бог без промедления отворил ей, ибо не прошло и четверти часа между крещением и её кончиной, которая была поистине блаженна. Всё это произошло на глазах у того благородного семейства, которое, от всего сердца возблагодарив Бога и отца Клавера за случившееся, стало с тех пор повсюду возвещать о его святости и о той власти, что даровал ему Бог, — возвращать жизнь мёртвым не только душой, но и телом, как то было явлено в воскрешении и крещении этой негритянки. Всё это и поныне они готовы подтвердить под присягой.

Упомянутый дон Висенте, старший альгвасил Картахены, проникся таким почтением к

благочестию отца Клавера, что всякий раз, встречая его, склонялся пред ним, чтобы поцеловать ему руку, словно видел святого, сошедшего с небес, и так верил в него, что любую его вещь почитал за драгоценную реликвию. Случилось же так, что его сразил тяжкий недуг: жестокая лихорадка и мучительные припадки так терзали его, что от внутреннего огня, казалось, иссыхал его мозг, а бессонница так лютовала, что за двадцать два дня он не смог сомкнуть глаз и на четверть часа. Был дон Висенте уже при последнем издыхании, и семья оплакивала его как живого мертвеца. И вот одна из родственниц, навестив его, сказала, что один из её негров болел точно так же, а отец Клавер исцелил его, велел приложить к голове больного горячие ломти банана. Услышав имя отца Клавера, больной велел принести ему упомянутое снадобье, сказав: «То, что велел сей святой, непременно принесёт мне и здоровье, и жизнь». И вера его не подвела, ибо, едва лекарство коснулось его чела, как жар отхлынул, больной погрузился в глубокий сон, а вскоре и вовсе поправился — и это при том, что столь горячее средство, казалось бы, не подходило для того, чтобы унять паливший его огонь. Но вера в блаженного отца оказалась способна сотворить исцеление даже с помощью лекарств, на первый взгляд, совершенно неподходящих.

Не менее явным было и другое чудо воскрешения, случившееся с одним негром. Однажды утром отец Клавер со своим спутником пришёл в гости к одному капитану и собрал множество негров, прибывших на корабле. Среди них было двое тяжелобольных, почти безнадежных. Благой иерей через толмачей сразу же приступил к наставлению в вере всего того множества, но главную свою заботу обратил на двоих больных, дабы не попустить им умереть без святого крещения. Они же были в таком состоянии, что то ли от языческого упрямства, то ли от мутившей им разум болезни, ничего не воспринимали. Отец трудился над ними, но все его усилия были тщетны, словно он говорил с камнями. Столкнувшись с неодолимым препятствием, блаженный обратился к Богу, горячо моля Его не дать погибнуть сим душам, искупленным кровью Христовой, и воззвал к Святому Духу, упрашивая Его просветить их, а в обмен предложил все свои труды и усилия. А немало их свершилось в тот день, ибо он сражался на сем поле брани с самого утра до одиннадцати часов и, изнурённый, но не побеждённый, вышел из комнаты, где были больные, чтобы немного перевести дух и снова вступить в бой с дьяволом. В этот миг ему пришли сообщить, что один из негров умер. Отец Пётр весьма опечалился, вернулся в дом и увидел, что тело уже вынесли во двор, чтобы похоронить в поле или в загоне, как то принято у негров-язычников. Тогда велел он занести его обратно и выпроводил людей, оставшись с умершим и другим больным наедине, как некогда Христос с дочерью Иаира (ср. Мк. 5:35–43; Лк. 8:49–56).

Что он творил, неизвестно, ибо по своему смирению он сохранил это в тайне, зато следствие скрыть было невозможно, ибо оно стало известно всем. И хотя в руки святого передали бездыханное тело, не прошло и короткого времени, как все увидели негра живым, а самого отца — сжимавшим в руке маленький крест, что всегда носил на груди. И тот, кого недуг прежде лишил дара речи, воскреснув, заговорил и стал молить о крещении. Святой отец совершил таинство с той неизреченной радостью и душевным утешением, какие испытывает делатель, узревший благой плод своих трудов; молва же, несдержанная на язык, разнесла повсюду весть о том, что отец Клавер воскресил мёртвого своим деревянным крестом. Этот крест ныне находится при этом дворе (*Имеется в виду королевский двор в Мадриде, где автор жития находился в момент написания книги (1657 г.). – Прим. пер.*), у маркизы де Мансера, которая получила его в Картахене как великий дар, когда её супруг завершил своё служение на посту вице-короля Перу, и весьма она сию реликвию почитает. И я видел его и держал в руках, когда писал эти строки. Он из орехового дерева, чуть больше пяди, полый, с какими-то святыми мощами внутри, с частицей Честного Древа и тремя

маленькими костяными гвоздями снаружи.

Молва дошла до ушей провинциала, который, желая знать правду, расспросил самого отца. Тот ответил, что его позвали, сообщив, что негр умер, и что он побыл с ним, и что по воле Господней тот через некоторое время пришёл в себя. Он не отрицал, что тот умер и что вернулся к жизни, но прикрыл чудо обтекаемыми выражениями. Этот случай вместе со следующим был сообщён Генералу в ежегодном письме из провинции Нового Королевства в 1628 году, и оно хранится вместе с другими рукописями в библиотеке Императорского Коллегиума в Мадриде, где это и написано.

В канун Пятидесятницы он пришёл в другую усадьбу, где имелись негры, которых собрал всех, чтобы наставить в вере и научить [основным молитвам]. Среди оглашаемых был один очень больной, и отец Клавер подошёл к нему как к самому нуждающемуся, желая крестить его прежде, чем он умрёт, а капитан, рабовладелец, отговаривал его, советуя не терять времени с этим невольником, ибо тот без сознания, а по его многолетнему опыту, если уж они впадают в эту болезнь, то в себя не приходят. Но добрый отец, имевший большой опыт в милосердии Божьем и в чудесах, которые Он творил его руками ради спасения душ, не отступился от своего замысла. Оставив остальных своему спутнику, он почти всё утро провёл с этим больным, сражаясь с болезнью и неверием и молясь Богу о его душе. И Божественному Величеству было угодно утешить раба Своего, ибо около полудня болящий пришёл в себя и попросил святого крещения, к изумлению своего хозяина и всех присутствующих. Отец кратко наставил его, ибо болезнь и опасность не давали больше времени, а затем крестил. И могучая рука Всевышнего явила здесь силу Свою, ибо, будучи безнадежно болен и оставленный врачами, раб вместе со святою купелью, преподанной святыми руками, в одно мгновение обрёл исцеление и тела, и души, ибо почувствовал себя здоровым и крепким, словно и не болел вовсе, к своему собственному изумлению, равно как и изумлению всех, тут же возблагодаривших Бога за сие великое чудо, содеянное во славу святого крещения.

Другое чудо случилось в доме сборщика податей Андреса де Кастро, чему свидетельницей была его жена, донья Мария де Фонсека, на глазах которой всё и произошло. В её доме родилось дитя, и, опасаясь, как бы оно не умерло без крещения, послали за отцом Клавером, дабы он его окрестил. Он поспешил и нашёл всё необходимое для крещения приготовленным. Но поскольку вода была холодна, добрый священник попросил подогреть её, чтобы не повредить младенцу. Упомянутая донья Мария, державшая в одной руке купель, а в другой — крестильный кувшинчик, заявила, что крещальная вода никому не повредит. Но отец, видя, что дитя хворает, настоял, чтобы её подогрели. В доме не было огня, и пока его принесли, прошло бы время; тогда отец Клавер сотворил крестное знамение над водой, опустил в неё пальцы и слегка взболтал её. И случилось диво: вода мгновенно стала такой горячей, что, наполнив купель, тут же нагрела и сам сосуд, и руки державшей его сеньоры. А искры огня, сообщившего воде сию теплоту, исходили из сердечного горнила, полыхавшего любовью к Богу в груди сего апостольского мужа.

Но не только для блага других творил наш Господь сии чудеса, но и для самого отца Клавера, чтобы он и на себе испытал божественное милосердие. При одном из тех падений, о которых мы упоминали выше и которые случались с ним по немощи в последние годы его жизни, он сильно повредил голову. Лечить его начал было никудышный цирюльник, а когда позвали хирурга, более опытного в медицине, тот, осмотрев рану, заявил, что лечение было неверным. Он перевязал её и оставил так на ночь, чтобы утром вернуться и взяться за лечение всерьёз. Но его опередил другой, куда более великий Хирург и лучший Врач (*В оригинале — игра слов: mayor (величайший, старший) и mejor (лучший).* – Прим. пер.), Кому отец себя вверил. Ибо когда лекарь пришёл и снял повязку, он обнаружил, что рана

зажила, не оставив по себе ни рубца, ни шрама, словно её и не было. Врачеватель оцепенел от изумления и, преисполнившись восхищения, спросил, кто лечил отца Клавера, а когда брат-больничник ответил, что никто, он воскликнул: «Клянусь, это великое чудо, ибо невозможно, чтобы такая рана зажила сама собой, а значит, другой, величайший Врач даровал здоровье отцу». Тогда больничник отвёл его в сторону и рассказал, кто таков отец Клавер, и поскольку хирург уже был наслышан о его святости, то не удивился, что Бог сотворил с ним такое чудо.

Доподлинно известно, как то повествуется в житии св. Эдмунда, архиепископа Кентерберийского, что Бог чрез Своих ангелов несколько раз зажигал ему ночью свечу во время его болезни, чтобы он мог читать и молиться. Очевидцы свидетельствуют об этом и поныне, указывая, как часто и когда это случалось, и приводя столько подробностей, что не остаётся места для сомнений, которые могли бы возникнуть. Рассказывают и о многих других случаях исцеления больных и о чудесных свершениях, но смиренный отец так тщательно скрывал их, что разузнать о них нелегко. Дабы людская молва не приписывала чудеса ему, он всегда носил с собой святые реликвии и, прикладывая их к больным, приписывал даруемое им самим исцеление силе этих святынь. О двух таких случаях говорится в ежегодном письме от 1628 года, которое я хочу здесь привести во славу Божию и утешение тем, кто будет это читать.

Первый случай произошёл с отцом Антонио Агустином, ректором коллегии в Картахене, которого постигла тяжелейшая болезнь, приведшая его на край могилы. Врачи отчаялись его спасти, велели дать ему Напутствие и готовиться к смерти. Отец исполнил совет, совершив генеральную исповедь за всю свою жизнь, не надеясь на другую такую возможность, как человек, подводящий счёты, дабы вскоре предстать перед последним и верховным Судией. Он принял святые таинства, и в канун Вознесения Господня его уже считали умершим, и весь город, любивший его как отца, оплакивал его. В коллегии находился отец Пётр Клавер, у которого были реликвии святого брата Алонсо Родригеса, его возлюбленного наставника, да и у самого отца-ректора были другие, привезённые из Майорки. И оба они решили прибегнуть к ним, чтобы испросить у Бога здоровья, если Ему будет угодно даровать его. Больной воззвал к святому брату с тем рвением, какого требовал случай, ибо на краю гибели молятся с великим благоговением. Отец приложил к нему реликвии и прочёл над ним Евангелие. И тотчас же больной почувствовал явное улучшение, так что, когда врачи пришли навестить его, они нашли его в таком состоянии, какого никак не ожидали, и не могли не признать, что Бог Своей всемогущей рукой даровал ему здоровье, которое он и обрёл полностью в течение нескольких дней через упомянутые средства, что можно приписать им обоим: святому брату и святому отцу Клаверу — орудиям божественного милосердия.

Второй случай произошёл с рехидором Картахены, который был тяжело болен чахоткой, осложнённой грудным ревматизмом. Ему рассказали о здравии, которое Господь даровал отцу Антонио Агустину через реликвии святого брата Алонсо Родригеса, и рехидор проникся великой надеждой получить исцеление тем же способом. Он с возбуждением попросил принести их, и отец Клавер исполнил сию просьбу: то были волосы и лоскут одежды святого. Добрый священник приложил их к больному, прочёл над ним Евангелие, и Божественному Величеству было угодно даровать ему здоровье, ибо, как только реликвии коснулись чела, ревматическая боль в груди прекратилась, жар спал, и больной почувствовал себя здоровым. И так стремительно он поправился, что вскоре смог поехать в Испанию, от всего сердца благодаря Бога и святого брата за обрётённое исцеление, да и доброго отца Клавера, чьим заступничеством он сие снискал.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ОБ ОСТАВШИХСЯ ДНЯХ ЕГО ЖИЗНИ ВПЛОТЬ ДО БЛАЖЕННОЙ КОНЧИНЫ

Сорок лет провёл сей раб Господень в коллегии Картахены. Тридцать шесть из них он посвятил служению ближним, о котором было рассказано, и, как мы уже могли убедиться, служение это увенчалось успехом и принесло обильные плоды. Последние же его четыре года Бог, казалось, оставил для Себя, ниспослав ему многочисленные и тяжкие недуги, о которых говорилось в предыдущих главах. Из-за них он был лишён возможности вершить свои прежние труды на благо душ, хотя по мере сил исповедовал некоторых благочестивцев, которые всегда почитали его за отца и наставника душ своих, а также тех негров и нищих, до кого получалось добраться.

Но обычным его подвигом в эти последние годы стали терпение и страдание и полное согласие с волей Божией. Часы дня он проводил в молитве и созерцании божественных тайн и Страстей Христовых, а иногда негры носили его на руках исповедовать одну знатную больную сеньору, которая питала к нему особое благоговение. Кроме этого он в дневное время никогда не покидал обители, ни даже своей кельи, разве что для исповеди и причастия, к которым прибегал всякий раз, как только мог. Порой по вечерам он спускался в церковь, чтобы помолиться на Стояниях Крестного Пути и провести время пред нашим Господом. Также он исповедовал и братию обители как их духовный отец, и тех негров, что приходили в его келью и были ему как любезнейшие чада, о которых он ни на миг не мог забыть.

Пребывая в подвиге терпения и милосердия, встретил он год год 1654, когда 22 августа в гавань Картахены вошли испанские галеоны, а на них — о. Диего Фариньяс из нашего Общества Иисусова, проповедник Его Величества, и первый, насколько нам известно, кто прибыл в Индии, чтобы посвятить себя обращению неверных. Он вошёл в коллегию, и вскоре по городу пронёсся слух о новоприбывшем госте, и шум от множества людей, приходивших его посетить, достиг ушей отца Петра Клавера. Он спросил, что стало причиной такого волнения, и, услышав о намерениях, с которыми прибыл упомянутый отец, возвёл очи к небу и сказал: «Великое дело, великое дело, что такая особа прибыла, дабы подвизаться на этом поприще».

Он велел одеть себя, и негры на руках отнесли его в келью [отца Фариньяса], где он простёрся ниц, чтобы облобызать его стопы, приветствуя его с глубоким смирением на глазах у многих знатных горожан, которые при том присутствовали. Отец Фариньяс поступил точно так же, бросившись к ногам отца Клавера, чтобы поцеловать их, и между ними завязалось священное состязание в смирении, которое послужило великому назиданию для всех присутствующих. В итоге отец Клавер удалился в свою келью, благодаря Бога за то, что Он послал такого достойного человека преемником ему в этом спасительном служении.

Видимо, Господь возвестил ему о близкой смерти, ибо с того дня он с удвоенным рвением стал готовиться к своему последнему часу, словно бы точно знал его. Он попросил у одного из братьев книгу отца Хуана Баутисты Посы о помощи в благой смерти, дабы почерпнуть из неё наставления, как должно готовиться к последнему пути, и, будучи уже готов к отбытию, прощался с каждым из друзей своих, спрашивая, не хотят ли они чего-нибудь передать на небеса, куда он вот-вот отправится.

В последнюю субботу августа он пошёл исповедать ту больную сеньору, что обычно, и простился с ней, сказав, чтобы она приискала себе другого духовника, ибо он впредь уже не сможет её исповедовать, и заверив, что это их последняя исповедь в сей жизни. Затем он собрал своих помощников и простился со всеми, преподав им своё

благословение и прося молиться о нём Богу, а с ещё большим усердием — когда он перейдёт из этой жизни в иную. Печальной была эта весть для тех, кто его крепко любил, о чём свидетельствовали их слёзы и скорбь, порождённые искренним чувством. Точно также он простился и с одним иноком-францисканцем, великим рабом Божиим, который пришёл навестить его в это время; это ему отец Клавер сказал, что Господь наш избавляет его от лицемерия бед, что грозят сей коллегии, и что когда они нагрянут, он уж пребудет в жизни иной. Простился он и с братом-ризничим, который двадцать два года был его спутником; ему он открылся с большей прямою, заверив, что через несколько дней перейдёт из этой жизни в иную и в молитвах своих отплатит за многолетнюю деятельную любовь. Таковые слова вызвали великое умиление в сердцах всех, и люди проливали слёзы, едва услышав, что им предстоит лишиться общества столь святого мужа, который был утешением их душ.

Когда маркиз де Монтеалегре, генерал галеонов, прибыл в Картахену, он прослышал о святости отца Клавера и о великом почтении, что к нему все питали. Узнав, что блаженный смертельно болен, маркиз пришёл навестить его вместе с губернатором местной крепости, старшим сержантом армады и другими кавалерами. Он попросил умирающего помолиться о нём Богу и дать ему что-нибудь на память. Отец ответил со смирением, что, хотя он и страшный грешник, но будет помнить о нём в своих убогих молитвах; на память же ему и дать-то было нечего, ибо не владел он ничем, что годилось бы в дар, тем паче для его превосходительства. Маркиз возразил ему, попросив учесть, что жена его — внучка св. Франциска Борхи, и именно в память о нём он просит дать ему что-нибудь, что можно было бы увезти в Испанию. Тогда блаженный отец умилился, услышав имя святого, которого он глубоко почитал, протянув руку, снял со своих чёток медальон отца нашего святого Игнатия, который он обычно прикладывал к больным, и отдал его маркизу. Тот принял его с благодарностью и почтением, как драгоценную реликвию, ибо получена она была от высокой святости мужа. Кроме того, он попросил его молиться Богу об успехе его плавания, ибо были у него сведения, что на море много врагов. Добрый отец обещал это и предсказал ему благополучный исход путешествия, как мы уже рассказали выше.

Кроме того, и прочие господа попросили его молиться о них, уповая на его заступничество во всех своих благих начинаниях, а в особенности — губернатор Картахены, которого отец Клавер раз, и другой, и третий просил благосклонно взирать на дела нашей коллегии, сжалиться над ней и вспомнить о трагической участи, постигшей его предшественника. А сказал он это потому, что тот как раз намеревался снести новое крыло коллегии, где жили иноки, под предлогом, что оно делает город уязвимым для врагов. Первым зачинщиком этого предприятия стал упомянутый предшественник, который и получил награду за своё гонение: он был осуждён, взят под стражу и доставлен к королевскому двору, лишившись и своего имущества, и доброго имени, и надежд на возвышение. В конце концов, бедный и покинутый, он умер в Толедо, служа стражником у герцога Лотарингского, в великой нищете. Ибо так наказывает Бог тех, кто преследует рабов Его. Нынешний губернатор на сей раз промолчал, но отец Клавер обещал ему свои молитвы, и кажется, что с небес он стал заступником нашей коллегии, дела которой пошли на лад после того, как он покинул эту жизнь, дабы водвориться в вечной.

Покончив с визитами, он удалился в свою келью, чтобы принять Божественного Гостя, Который обещал ему прийти и Которого он ожидал вскорости (ср. Откр. 22:20). Он приготовился долгой молитвой и исповедью к последнему в своей жизни причастию, и хотя он был так болен, что ему могли бы принести Св. Дары в постель, он попросил одеть себя и отнести в церковь, чтобы принять их там, как то сделал св. Бенедикт, рассудив, что ему более подобает идти в чертог Христов, нежели Христу приходить в

его келью (ср. Лк. 7:6–7), и ему спускаться, чтобы посетить Господа, нежели Господу подниматься, чтобы посетить его. Там он принял Святейшее Таинство как Напутствие с глубочайшим благоговением, выслушал мессу и почтил святой образ Богоматери Чудотворной, о котором мы уже упоминали и к которому всегда питал особое благоговение, прося у Неё благословения, заступничества и помощи в час свой смертный.

Затем он попросил отнести себя обратно в келью, и к вечеру у него началась медленная лихорадка, на которую врачи обратили меньше внимания, чем сам отец, ибо он распознал в ней предвестницу своей смерти и палача своей жизни. В понедельник, седьмого сентября, жар вспыхнул с такою силой, что больной лишился чувств. Ему преподали последнее помазание, и тотчас по городу разнеслась весть о том, как ему худо, а поскольку незадолго до того он предсказал свою смерть, все уверились, что час его настал, и их почтение к его святости выразилось в той скорби, что они испытали пред лицом его предстоящей утраты, и тем рвением, с которым они приходили, в надежде получить его благословение и взять что-нибудь из его вещей как реликвию, словно от святого. А то, что при этом происходило, ректор описывает следующими словами:

«Едва по городу прошёл слух, что отец Клавер соборован, как ко мне тотчас же стали обращаться его благочестивые почитатели с просьбой о разрешении написать его портрет, а люди то были столь высокого положения, что я не мог отказать. Народ стал стекаться, чтобы увидеть его, и в короткое время его келью разграбили, унеся всё его убогое имущество, не оставив ему ничего, кроме того, что было на нём в постели. Из благоговения ему на шею понадевали уйму чётков, и по мере того, как весть разносилась, людей приходило всё больше, отчего в келье было не протолкнуться: клирики, монахи и множество знатных особ из города и с армады. Сеньоры, мулатки и монахини из монастырей присылали огромные связки чётков, чтобы приложить их к нему. Люди входили и выходили, словно на поклонение в Великий Четверг. Потoki детей и негров шли со словами: „Идём к святому, идём к святому, он умирает“. Так продолжалось весь день, до девяти часов вечера, когда мы, наконец, заперли ворота. У отца остались на бдении несколько благочестивых мирян, которые из почтения и любви к нему не захотели его оставлять. То же сделали и насельники обители. Мы собрались все вместе и прочли над ним отходную молитву, и между часом и двумя ночи он предал свою душу Богу, даже не шевельнувшись, в том же мире, спокойствии и тишине, с коими провёл всю жизнь, в день 8 сентября, праздник Рождества Пресвятой Девы. Братия разорвали на куски рубашку, в которой он умер, остригли ему волосы и ногти на ногах. Лицо его стало ещё прекраснее, а тело — гибче, чем при жизни. Все целовали ему ноги и руки, источавшие благоухание и сладость, а затем облачили его по нашему обычаю в священнические ризы».

Доселе слова его ректора, который присутствовал при его блаженной кончине, которую он воспринял, точно Моисей, в объятиях Господа, Который закрыл его внешние чувства для всего видимого, чтобы открыть очи его души для всего невидимого и небесного, дабы при виде той земли обетованной небесной он перешёл из этой жалкой жизни в вечную с величайшей радостью. И, говоря одним словом, он умер так, как жил, и как жил свято в служении Богу, так и умер свято в руках Божиих, где живёт и будет жить вечно с блаженными на небесах.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. О ПРОЩАНИИ С ЕГО ОСТАНКАМИ И ПОГРЕБЕНИИ

То, что происходило во время прощальных церемоний и погребения сего апостольского мужа, то волнение, что охватило весь народ, а равно и всю округу, то, как все спешили почтить его и провозгласить святым, взять частицу от его облачения себе на память, дабы прибегать к этим реликвиям в своих нуждах, словно к святыне, — всё это в полной мере не сможет никто выразить, кроме того, кто самолично там был, всё видел и через чьи руки всё это прошло (ср. 1 Ин. 1:1), а именно — его собственный настоятель. А потому я решил поместить в этой главе окончание его рассказа, в котором он говорит об этом как очевидец, что придаст его словам ещё больший вес в глазах всех, кто их услышит. И вот что он пишет.

«Едва рассвело, я сообщил приору монастыря св. Августина о смерти о. Петра Клавера, и тот сразу же велел бить в колокола в знак скорби. И хотя я дал ему знать, что погребение состоится не ранее вечера, сердце его не стерпело столь долгого ожидания, и он не замедлил явить ту великую любовь, что питает к нам сия иноческая обитель. И вот в восемь часов утра вся община прибыла и отпела торжественнейший респонсорий по усопшему в его келье, где мы оставили тело покойного, а затем при останках отслужили заупокойную мессу.

Город пришёл в невиданное доселе волнение, и все наперебой превозносили усопшего. Негры из города и окрестностей, куда дошла весть о случившемся, стекались толпами, чтобы облобызать ему руку и прикоснуться к нему своими четками, и для [помощи при этом] не хватало ни четырёх, ни шести человек. Затем та сеньора, его духовная дочь (о которой мы уже упоминали), распорядилась изготовить гроб из кедра, обитый изнутри белой тканью, весьма богатый, украшенный золотым позументом и обитый позолоченными гвоздями, с позолоченными же ручками и замком, чтобы положить в него тело своего возлюбленного отца. Другие знатные особы желали, чтобы сей гроб был изготовлен за их счёт, и между ними возник благочестивый спор, но поскольку та сеньора позаботилась обо всём заранее, ей не могли отказать в исполнении её замысла. Дон Педро Дуке де Эстрада, королевский казначей, прислал все свечи, необходимые для того, чтобы тело было выставлено с поистине подобающим благолепием.

«Когда весть о смерти отца Клавера дошла до губернатора города, дона Педро Сапаты, он, узнав, что погребение состоится вечером, собрал Городской совет и предложил его членам, чтобы город взял на себя расходы на похороны столь выдающегося мужа, который так много потрудился на общее благо и пользу. Предложение его было принято единогласно, и постановили, чтобы всё было устроено со всем подобающим великолепием. Для этого были назначены двое уполномоченных из числа членов совета, которые пришли ко мне и попросили согласиться с постановлением совета, а также отложить погребение до следующего дня и вынести останки покойного в церковь, чтобы все могли его увидеть и почтить, и чтобы не хоронили его в земле, а в достойном месте, отдельно от прочих, и чтобы я назначил проповедника для заупокойной службы, которую они намеревались устроить. Всё это я с благодарностью принял как дань уважения, оказанную покойному и всему нашему Обществу.

Затем стеклось бесчисленное множество духовенства, которое окружило тело усопшего. Им пришлось немало потрудиться, прикладывая четки людей, стекавшихся такими толпами, что пришлось освобождать келью, дабы дать место всё новым и новым прибывающим.

Братство священников св. Петра [39] передало свой погребальный одр из чёрного бархата, чтобы выставить на нём тело в церкви, и все свои бархатные покровы для украшения катафалка. А набожные люди со стороны прислали искусно украшенную пальмовую ветвь, чтобы вложить её ему в руки, но тогда я не позволил этого, дабы не отступать от нашего обычного чина.

К вечеру собрались неисчислимые толпы: важные господа, негры и негритянки и лица всякого звания, так что они не помещались в нашей церкви, и улицы заполнились ими. Знатнейшие особы города вынесли тело в церковь на плечах, а люди всех званий и племён, что населяли город, освещали им путь свечами. Чтобы войти в церковь, пришлось пронести покойного через вратарню, дабы дать проход людям; и едва тело оказалось в храме, они бросились целовать ему руки и прикладывать к нему свои чётки с таким напором и поспешностью, что всё растрепали, и не было силы, способной их удержать. Прорвавшись сквозь толпу, дон Педро де Эстрада с несколькими клириками вложил усопшему пальмовую ветвь между левой рукой и грудью. В это время прибыл командор Ордена мерседариев со всей своей обителью; с трудом пробившись сквозь толпу, иноки подступили к телу и с великой торжественностью отпели респонсорий — знак особого почтения, ибо это был день их главного праздника, и они сочли необходимым покинуть свой дом, дабы почтить наш. Затем вошёл генерал галеонов, маркиз де Монтеалегре, со всей испанской знатью, и они, преклонив колени, целовали почившему руку и прикладывали свои чётки. Давка же была столь велика, что мы, не в силах унять её и опасаясь, как бы пришедшие не затоптали друг друга в толчее, были вынуждены обратиться за подмогой ко многим клирикам и монахам из обителей св. Августина и Ордена мерседариев.

Затем пришёл дон Матиас Суарес де Мело, каноник кафедрального собора сего города, провизор и генеральный викарий епископства, и с великим благоговением, преклонив колени, поцеловал ему руки и передал свой розарий одному из наших, чтобы тот приложил их к останкам. То же самое сделали и клирики, и служащие епархиального суда, сопровождавшие его. Церковь не пустовала, ибо множества людей входили и выходили, а к вечеру напор толпы, волны бесчисленных негров и негритянок, а также простого люда из города и окрестностей скопились в такое море, что, когда все ринулись на тело, возникли опасения, как бы его не разорвали на части, — столь велики были давка и рвение желающих прикоснуться к нему и увидеть его. Улицы и площади были запружены народом. Братия нашей обители и несколько благочестивых мужей окружили останки, и было решено развести руки покойного, сложенные будто для принятия Чаши, и простереть их в виде креста, чтобы люди могли целовать их, не подступая так близко к телу.

Руки его были так мягки и податливы, что их можно было поворачивать куда угодно. Люди возлагали их себе на голову, на глаза и на те места, где у них были какие-либо недуги, в надежде обрести от них исцеление. Все прикладывали к нему чётки длинные и короткие, и шёлковые мерки [40], и ленты, и холсты, и платки, и всё, что у них было, дабы сохранить как реликвию. Лицо его слегка увлажнилось, и тотчас же на него дождём посыпались льняные платки, батист и драгоценные ткани, чтобы утереть его, и все наперебой старались унести с собой частицу этого пота как драгоценнейшую реликвию.

Наступала ночь, и, видя напор народа, который с каждым мгновением лишь нарастал, было решено призвать городскую стражу на защиту останков усопшего. Губернатор прислал её, и стражники, оцетинившись оружием, проложили себе путь сквозь толпу. С ними вошли и шесть монахов-августинцев во главе со своим настоятелем, с чьей помощью наши братья, изнемогавшие в борьбе со всем людом, смогли наконец перевести дух. Хотели было накрыть отца покровом из чёрного бархата, чтобы лучше его уберечь, но народ поднял такой крик, что пришлось оставить его открытым. И таков был натиск толпы, что, несмотря на охрану солдат и монахов, окружавших покойного, у него сорвали биретту и чулки, и срезали ногти на ногах. И хотя его защищали зажжёнными факелами, люди бросались прямо в пламя, чтобы наудачу ухватить хоть какую-нибудь реликвию. Так умерший отец Клавер и пролежал всю

ночь, и в церкви народу было больше, чем на Великий Четверг, ибо все шли, чтобы увидеть тело святого и прикоснуться к нему. Ибо этим именем называли его все, в один голос восклицая: «Святой, Святой!»

На рассвете вернулась та же толпа, словно и не выдавшая его накануне, так что не осталось в городе, ни в поместьях ни одного человека, ни здорового, ни больного, ни малого, ни старого, кто не явился бы почтить новопреставленного. В восемь утра прибыла община св. Иоанна Божьего, члены коей весьма благоговели перед отцом, и весьма торжественно отслужила по нему мессу с заупокойной службой и респонсорием. Затем пришла в полном составе община св. Августина — все иноки, а в девять часов прибыл и весь город в официальной процессии: впереди — булавоносцы (*исп. maderos — церемониальные стражи, которые несли перед официальной процессией украшенные жезлы-булавы, символизировавшие власть. – Прим. пер.*), затем — алькальды (*исп. alcaldes — градоначальники, главы городского управления в Испании и её колониях. – Прим. пер.*) и весь городской совет в полном составе с губернатором и его главным наместником. Входя, они подступали к телу и, преклонив колени, целовали усопшему стопы с великим почтением и прикладывали к его рукам розарии свои.

Службу совершала община св. Августина, приор которой отслужил мессу, а проповедь произнёс отец-магистр бр. Михаил Бретон из ордена Пресвятой Девы Милосердия, взяв темой слова: «Верующий в Меня, если и умрет, оживет» (Ин. 11:25). Он воздал великую хвалу нашему Обществу, говоря о славном его душеспасительном служении, в то время как иноки других орденов славят Бога молитвами. Он премного восхвалил почившего за то, что тот умер девственником, и подробно к величайшему удовлетворению слушателей говорил о его суровых покаянных подвигах и о его ревности о душах.

По окончании проповеди началось погребение и спор между присутствующими о том, кто понесёт тело, ибо все желали водрузить его себе на плечи. Наконец его взяли губернатор и алькальды, и несколько знатнейших кавалеров Армады, а также те из клириков и иноков, кому удалось пробиться. Когда его поднимали с погребального одра, чтобы положить в гроб, обезумевшая толпа ринулась вперёд, словно теряя последнюю надежду на реликвии, и разорвала его сутану и альбу, и хваталась за его стопы и пальцы, чтобы отрезать их, и стража не могла им помешать. Они сорвали с покойного парчовую казулу и растерзали её на тысячу кусков. Видя напор толпы, было решено, чтобы брат-ризничий вынес подушку, на которой отец Пётр почил, и распотрошил её для народа в отдалённом месте, дабы, устремившись туда, люди дали возможность довершить погребение. Но едва он вышел в церковь, на него набросились с такой мощью, что едва не задушили, вырвали подушку и разорвали её в клочья, и счастлив был тот, кому удалось заполучить хоть один волосок из неё. Ризничий, спасаясь от толпы, требовавшей реликвий, взобрался на кафедру и оттуда бросал в народ великое множество свидетельств об исповеди [41], которые блаженный отец заготовил и подписал своим именем для тех, кого исповедовал.

Пока чернь была занята сбором этих бумажек, удалось похоронить останки. Усопшего положили и закрыли в гробу в присутствии губернатора, алькальдов и городского писаря и поместили с евангельской стороны от алтаря Святого Распятия в нише, выложенной из тёсаного камня. На этом закончилось погребение, но не упорство народа, который и по сей день настаивает и взывает, прося реликвий отца Петра Клавера, коего почитает за святого.

В понедельник, 14 сентября, город устроил отцу пышные почести, с поистине великолепным катафалком, на котором был изображён городской герб. Совет присутствовал в полном составе, пригласили капеллу из собора и принесены богатые дары. Мессу отслужил ректор коллегии, а проповедь произнёс бр. Иосиф Непорочного

Зачатья, босоногий монах-августинец. Он воздал великую хвалу покойному в присутствии сонма иноков и клириков, которым город весьма щедро пожертвовал свечи.

Но не удовольствовавшись этим, губернатор дон Педро Сапата, дабы явить свою любовь и уважение к отцу Клаверу, на следующий день устроил ему почести за свой счёт, с той же пышностью и великолепием, какие показал город. Мессу отслужил провизор, генеральный викарий епископства, а проповедь произнёс отец бр. Иосиф Пачеко, бывший провинциал ордена св. Августина, и премного в ней хвалил усопшего. Он говорил о гонениях, что воздвигались в то время на Общество, и сказал, что Бог забрал сего святого отца, дабы он не увидел кар, которые Он хотел наслать на этот город, чему рукоплескали все слушатели, а собралось их блистательное множество: вся знать — и прибывшая из Испании с галеонами, и городская, — а также духовенство и монашествующие.

Не остались в стороне и негры: все их племена сообща устроили своему отцу собственные, весьма пышные почести, с катафалком, свечами и музыкой, а проповедь на них произнёс доктор Грегорио Бельин, казначей святой Церкви в Попаяне. Он превзошёл всех в похвалах отцу Клаверу и доказал многими местами из Писания, что столь великое волнение и то, как Бог его прославил, имело причиной его служением неграм. Присутствовала вся знать Армады и города с губернатором во главе; всем раздали свечи, и оказалось, что чернокожие не уступили в щедрости городским властям. И вышли они процессией со свечами в руках, каждый глава племени с самыми знатными из своих, выказывая благодарность тому, кто сделал для них столько добра.

Случилось и много явно чудесных вещей, о которых приходили рассказать люди, всякого доверия достойные, но они не приводятся здесь, дабы не удлинять это письмо. Да будет на то воля Божия, чтобы однажды увидело свет более полное и подробное его житие, для коего материалов сохранилось превеликое множество.

Был отец Пётр Клавер среднего телосложения, лицо имел худощавое, несколько вытянутое, бороду негустую, с проседью, глаза большие и печальные, нос тонкий, цвет кожи смуглый, а от покаянных подвигов и сурового обращения с телом был он жёлт и измождён, как истинный аскет».

Здесь завершается повествование ректора о смерти блаженного отца, и здесь же могло бы начаться наше собственное рассуждение. Ибо я не знаю, какого ещё большего почёта можно желать святому, чем тот, что явил народ сему рабу Господню, и не могу представить, чтобы люди оказывали бóльшие почести древним святым — св. Златоусту, св. Августину и св. Амвросию, — нежели те, что явили сему апостольскому мужу все, кто его знал и общался с ним. Ведь ни в одной древней истории не написано, чтобы кому-либо из тех, кого Церковь почитает на своих алтарях, оказывали почести бóльшие. И если бы это случилось тысячу лет назад, он был бы немедленно канонизирован и помещён на престолы, и внесён в святцы, и не нашлось бы сегодня человека, который посмел бы это оспорить или подвергнуть сомнению.

Но то, что это случилось в наши времена, когда природа человеческая стала хилее, добродетель — в страшном упадке, а пороки — в большей силе, лишь придаёт сему ещё большего веса и достоверности. Ибо найти того, кто в такое бесплодное время отличился бы столь высокими добродетелями и столь чудесными деяниями, и снискал бы всеобщее признание ученийших и рассудительнейших клириков и иноков, которые не склонны легкомысленно и без веских оснований оказывать всякому почитание как святому, но лишь тому, кто заслуживает этого своими делами, — и вместе с ними стольких благородных и зрелых мужей, мудрых и благоразумных, что служат опорой государству, и стольких благороднейших кавалеров, и бесчисленное множество людей

всех сословий, великих и малых, мужчин и женщин, местных и чужестранцев, — и все они провозглашают его святым, и почитают его, и просят, и ценят его реликвии как святыню, и всё это не по слухам, а видево своими глазами и на собственном опыте убедившись в его святости, — поистине, это есть убедительнейшее тому доказательство. И кажется невозможным, чтобы Божественное Провидение допустило, чтобы столько людей, и столь высокого звания, обманулись в деле такой важности, особенно когда, как говорит св. Златоуст, они движимы Духом Святым, Который желает, чтобы рабов Его чтили на земле, как они прославлены на небе, как Он и являл то через многообразные откровения, данные разным людям во все времена и эпохи, повелевая им чтить тела святых, чьи души блаженствуют в общении с Богом на небесах.

Наконец, я прошу тех, кто будет читать эту историю, сравнить теперь откровение, о котором мы рассказали в пятой главе первой части, — то, что было дано брату Алонсо Родригесу о славе сего раба Господня и о престоле величественном и великом, уготованном ему на небесах, — со всем течением его жизни, и с теми трудами, что он вершил, и с величием добродетелей, коими он просиял, и с теми героическими деяниями, что он творил, и с тем неисчислимым множеством душ, что он стяжал для Бога ценой неимоверных усилий, и с его безупречной жизнью, обогащённой бесценными сокровищами его святости, подтверждённой общим признанием всех, кто его знал. И пусть увидят, соответствует ли награда заслугам, а заслуги — награде, и так ли доблестно он сражался на протяжении всей своей жизни, не отступая ни на миг, чтобы заслужить венец и престол, что были ему уготованы (ср. 2 Тим. 4:8). Блаженный отец уже обладает сим на небесах, а нам на земле оставил яснейшие примеры для подражания, дабы мы, следуя им, удостоились стать сопричастниками его славы. Да будет угодно Богу даровать нам Свою благодать по его заступничеству и заступничеству всех святых, чтобы мы следовали по его стопам, доколе не достигнем пристани блаженства, дабы вечно наслаждаться его обществом на небесах. Аминь.

Примечания:

[1] Холодные и скользкие бананы вызывали подозрительность традиционной гуморальной медицины; во время долгой морской перевозки в Новый Свет они часто портились и выделяли метан, вызывавший удушье у моряков; наконец, недобросовестные перевозчики порой обрабатывали их для сохранности известью, что грозило пищевыми отравлениями.

[2] В раннехристианском смысле. т.е. верующим; автор, вероятно, подчёркивает, что для него – как и для св. Петра – чернокожие являются прежде всего братьями по вере, святыми чадами Божиими.

[3] В оригинале – *cirujano*. В XVII веке это был общий термин для врачевателя ран, травм, проводившего операции, но в отличие от *médico*, который чаще был университетски образованным врачом, занимавшимся внутренней медициной (диагностикой по симптомам, назначением диет и лекарств), *cirujano* был ремесленником, чьей основной задачей было физическое вмешательство.

[4] Здесь «реки» — это сокращённое название региона Рек Гвинеи (*Ríos de Guinea*). В XVI-XVII веках так называли прибрежную область Западной Африки, расположенную между реками Сенегал и Сьерра-Леоне. Этот регион был известен своими многочисленными речными эстуариями и являлся одним из крупнейших центров трансатлантической работорговли, откуда корабли отправлялись в Картахену и другие

порты Америки.

[5] Розовый уксус (*vinagre rosado* в оригинале) — винный уксус, настоянный на лепестках дамасской розы. В XVII веке он широко применялся как антисептик, а также в качестве дезодорирующего средства: его сильный аромат помогал перебить зловоние, что было особенно важно при уходе за больными во время эпидемий, ибо считалось, что благоухания защищают от заразы.

[6] Аутодафе (исп. *auto de fe* — «акт веры») — не казнь, а публичная религиозная церемония, на которой оглашались приговоры инквизиции и происходило покаяние осуждённых в ереси и других преступлениях против веры. Казни, в том числе сожжение на костре, были самой крайней мерой, применявшейся к нераскаянным еретикам, и совершались отдельно, светскими властями.

[7] В XVII веке слово «госпиталь» (*hospital*, мы переводим то как «приют», то как «больница») означало не столько лечебное учреждение в современном смысле, сколько богадельню или приют для бедных, калек и неизлечимо больных. Из-за скученности и плохих санитарных условий такие учреждения часто становились рассадниками инфекций, а смертность в них была очень высокой.

[8] Братства (исп. *cofradías*) — религиозные объединения мирян, создававшиеся для совместного почитания святых, благотворительности и, что особенно важно, для организации достойных похорон своим членам, в том числе и неимущим.

[9] Кенотаф (от греч. «пустая могила»; в оригинале — *túmulo*) — в католической традиции богато украшенная временная конструкция, символизирующая гроб. Её воздвигали в храме для торжественных заупокойных служб, особенно когда тело усопшего отсутствовало. Таким образом, отец Клавер оказывал своим подопечным те же посмертные почести, что и самым знатным особам.

[10] Вероятно, речь идёт о беглом рабе (исп. *cimarrón*). Такие беглецы часто скрывались в горах и джунглях, окружавших Картахену, где основывали укреплённые поселения (*palenques*), живя свободными, но в постоянной опасности.

[11] В оригинале — *deshonras*. В испанском обществе того времени это слово обозначало тяжкие преступления против чести, как правило, связанные с сексуальным насилием, соблазнением или похищением женщин, что считалось смертным грехом и наносило несмываемый позор на семью жертвы.

[12] В оригинале — *injusticias*. В данном контексте это слово означает не абстрактное понятие, а конкретные грехи и преступления, связанные с обманом и злоупотреблением силой: мошенничество в торговле, взяточничество, ростовщичество и притеснение слабых.

[13] В оригинале — *infantería*, что является игрой слов, основанной на этимологической связи с *infante* (дитя, юноша). Автор создаёт образ ударного отряда, состоящего из невинных детей, чьё духовное оружие — молитва.

[14] В оригинале — *restituciones de honras*. В отличие от дуэли (*duelo*), то есть греховного способа «защитить» честь силой оружия, «восстановление чести» означало мирное и праведное улаживание конфликта: публичное покаяние обидчика, его женитьба на обесчещенной им женщине или иное возмещение ущерба, соответствующее христианскому закону.

[15] В оригинале — *restituciones de haziendas mal tomadas*. *Haciendas* в колониальной Латинской Америке — это не просто имущество, а крупные земельные владения: поместья, плантации или ранчо, которые часто захватывались силой или обманом.

[16] В оригинале — *eminencia de lenguas*. Для иезуитов XVII века это означало не только владение языками коренных народов для миссионерской деятельности, но и глубокие познания в классических языках (латыни и греческом), необходимых для богословских и научных трудов.

[17] Муцио Вителлески (1563–1645) — шестой Генеральный настоятель Общества Иисуса, занимавший эту должность с 1615 по 1645 год.

[18] Автор пересказывает мысль из сочинения св. Бонавентуры «Зерцало Пресвятой Девы Марии» (*Speculum Beatae Mariae Virginis*), лекция 4, о смирении Богородицы.

[19] Хотя эта фраза часто приписывается св. Бернарду, она не является его дословной цитатой. Однако она точно передаёт его учение о смирении как об основании (*fundamentum*) и необходимом условии всех христианских добродетелей, которые без смирения становятся лишь «блестящими пороками».

[20] Мысль, характерная для трактата св. Бернарда Клервоского «О степенях смирения и гордыни» (*De gradibus humilitatis et superbiae*). Св. Бернард учит, что истинно смиренный не просто не ищет похвалы, но и искренне считает себя ничтожным (*vilis*), и готов, чтобы и другие его таким считали.

[21] В католических храмах того времени, особенно в колониях, как правило, не было постоянных скамей для всех прихожан. Основная часть верующих стояла и сидела на полу во время богослужения. Кресла были привилегией знати. Таким образом, отец Пётр, устраивая сидячие места своей паствы, не только проявлял практическую заботу об удобстве людей во время долгих огласительных бесед, но и выказывал им подчёркнутое уважение.

[22] Диурнал (*Diurnale*) — сокращённый бревиарий, содержащий только дневные часы Литургии Часов, предназначенный для использования в пути.

[23] Хубон (исп. *jubón*) — короткая, плотно прилегающая куртка, часто стёганая, которую в XVI–XVII вв. носили как основную часть мужского костюма под верхней одеждой. Автор подчёркивает, что от хубона отца Клавера остались одни бесформенные лохмотья.

[24] В оригинале — *palillos* (букв. «палочки», «щепки»). Речь идёт о примитивном способе освещения: тонкие деревянные лучины, пропитанные салом (жиром, собранным с лампад), использовались в качестве фитиля в простом светильнике (*candil*).

[25] Автор излагает учение свт. Амвросия Медиоланского, содержащееся в его труде «Об обязанностях священнослужителей» (*De officiis ministrorum*), где смирение представлено как корень и основание других добродетелей, в том числе послушания и нестяжания.

[26] Автор ссылается на преп. Иоанна Лествичника, игумена Синайской горы, и его знаменитый труд «Лествица», четвёртая ступень которой посвящена добродетели послушания.

[27] Цезарь Бароний (1538–1607) — итальянский кардинал и выдающийся церковный историк, автор многотомного труда «Церковные анналы». В данном отрывке автор жития ссылается на его толкование Деяний Апостолов (5:15), где тень апостола Петра исцеляет больных.

[28] В монастырской трапезной (рефектории) на специальном пюпитре всегда находилась книга для духовных чтений во время еды; обычно Священное Писание, жития святых или творения Отцов Церкви.

[29] В XVII веке шоколад в Испании оставался дорогостоящим импортным продуктом и считался роскошью, доступной аристократии, однако в американских колониях, в частности в Картахене, куда какао-бобы доставлялись из соседних регионов, он был гораздо более дешёвым и распространённым напитком.

[30] В оригинале — *conservas, tortas, pasteles, manjar blanco, confitura*. Речь идёт о всём спектре сладостей того времени: *conservas* — это цукаты или фрукты в сиропе; *tortas* — плоские пироги или коврижки; *pasteles* — различные пирожные и тарталетки; *manjar blanco* — десерт из молока (часто миндального) и сахара, похожий на желе; *confitura* — варенья и джемы.

[31] Речь идёт об общем молитвенном правиле иезуитской общины, которое включало в себя Утреню и Хвалы, а также время, посвящаемое индивидуальной умственной молитве (медитации).

[32] В оригинале — *estudiante oyente*. В университетской практике того времени так называли вольнослушателей — тех, кто посещал лекции, не будучи официально зачисленным для получения учёной степени.

[33] В оригинале — *vna frutilla como cinamomos*. Речь идёт о мелких, твёрдых и ароматных плодах или семенах, из которых изготавливали бусины для розариев. Вероятнее всего, это косточки Мелии иранской (*Melia azedarach*), которую в народе называли «деревом святого розария» (*árbol del rosario*) именно потому, что её плоды традиционно использовались для этой цели.

[34] Конгрегация (исп. *Congregación*) — в данном контексте объединение мирян при иезуитской коллегии для совместной молитвы, духовного роста и дел милосердия, подобное братству (*cofradía*).

[35] Речь идёт о двух влиятельных духовных сочинениях иезуитских авторов: «Подражание Владычице нашей» (*Imitación de nuestra Señora*) Франсиско Ариаса (1533–1605) и «Духовный путеводитель» (*Guía espiritual*) Луиса де ла Пуэнте (1554–1624), частью которого и был «Путеводитель по добродетели».

[36] В оригинале — *al toque de esta ocasion los quilates de su paciencia*. Автор постоянно использует метафору ювелирного дела. Оселок (исп. *piedra de toque*) — это пробирный камень, о который тёрли изделие из драгоценного металла, чтобы проверить его чистоту. На камне оставалась черта, на которую затем наносили кислоту. По тому, как металл реагировал на реактив, и судили о его пробе (*quilates*, каратах).

[37] «Хотя пророчество может простирается на всё, что превосходит природные способности человека, всё же в первую очередь оно относится к будущим случайным событиям, знание которых наиболее удалено от нашего познания». (Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. II-II, вопр. 171, разд. 3 / Пер. с лат. С. И. Еремеева. — К.: Ника-Центр, 2011).

[38] Совет по делам Индий (исп. *Consejo de Indias*) — высший административный орган по управлению испанскими колониями. Приказ о сносе, как упоминалось ранее в житии, был отдан губернатором под предлогом, что здание коллегии угрожает военной безопасности города и может быть использовано врагами при нападении.

[39] Братство священников св. Петра (*La Hermandad de los Sacerdotes de san Pedro*) — объединение епархиального (немонашеского) духовенства Картахены. Участие этого братства в похоронах иезуита, а также предоставление им своих лучших погребальных принадлежностей, свидетельствует о высочайшем почитании, которое Пётр Клавер снискал у всего духовенства города, преодолев традиционное соперничество между «белым» и «чёрным» клиром.

[40] *Medidas de seda* (исп.) — шёлковые ленты, которые отмеряли в рост почитаемой статуи или по длине тела святого. Считалось, что такая «мерка», прикоснувшись к святыне, сама становилась контактной реликвией, которую хранили для защиты от бед и для исцеления.

[41] Свидетельства об исповеди (исп. *cédulas de confesión*) — небольшие записки, которые священник выдавал кающемуся как подтверждение того, что тот совершил таинство покаяния. В некоторых местах их наличие было обязательным для допущения к Причастию.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро: PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОPLPW

**БИБЛИОТЕКА ПЕРЕВОДОВ
КОНСТАНТИНА ЧАРУХИНА**